

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО»

МОЛОДЕЖЬ:
АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Монография

Нижний Новгород
2020

УДК 316.346.32-053.6
ББК 60.542.15
М 75

Рецензенты:

Митрофанова А.В. – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института социологии Федерального научно-исследовательского центра РАН,
профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ.

Чилипенко Ю.Ю. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего
и стратегического менеджмента НИУ «Высшая школа экономики»

Авторский коллектив:

Бедный Борис Ильич
Буреева Наталья Николаевна
Воронин Геннадий Леонидович
Голубин Роман Викторович
Егорова Надежда Юрьевна
Ермилова Анна Вячеславовна
Зернов Дмитрий Васильевич
Козлова Мария Сергеевна
Козырьков Владимир Павлович
Коротышев Александр Павлович
Лакомова Анастасия Александровна
Муханова Елена Дмитриевна
Петрова Ирина Эдуардовна

Петрова Татьяна Эдуардовна
Придатченко Мария Викторовна
Пятибратов Всеволод Евгеньевич
Рыбаков Николай Валерьевич
Ситникова Ирина Викторовна
Соболева Анна Владиславовна
Сова Ирина Вячеславовна
Сорокин Александр Сергеевич
Тихонова Елена Леонидовна
Ушакова Яна Владимировна
Шалютин Надежда Владимировна
Янак Алина Леонидовна

Редколлегия:

доктор соц. наук Т.Э. Петрова, канд. соц. наук Я.В. Ушакова,
канд. соц. наук И.Э. Петрова, И.В. Ситникова

Под научной редакцией д-ра соц. наук Т.Э. Петровой

Молодежь: актуальные социальные практики: монография / Б.И. Бедный,
Г.Л. Воронин, В.П. Козырьков [и др.]; Под науч. ред. Т.Э. Петровой. – Нижний Новгород:
Изд-во НИСОЦ, 2020. – 250 с.

Монография

В основу монографии авторского коллектива легли результаты социологических исследований, проведенных кафедрами отраслевой и прикладной социологии, общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского по молодежной проблематике за последние годы.

Монография адресована преподавателям, аспирантам, студентам, осуществляющим подготовку по направлениям «Социология», «Социальная работа», специалистам образовательных учреждений и социальной сферы, а также всем тем, кто интересуется проблемами и перспективами актуальных трансформационных процессов российской молодежи.

УДК 316.346.32-053.6
ББК 60.542.15

ISBN 978-5-93116-216-4

© НИСОЦ, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА.	9
1.1. Молодежная политика в РФ: молодежь для государства и государство для молодежи (Голубин Р.В., Коротышев А.П., Сорокин А.С.)	9
1.2. Молодежь и семья: тенденции и практики (Егорова Н.Ю., Янак А.Л.)	24
1.3. Социальная адаптация молодых трудовых мигрантов в России (Воронин Г.Л., Лакомова А.А.)	42
ГЛАВА 2. МОЛОДЕЖЬ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ.	62
2.1. Молодежь в науке: проблемы и перспективы развития российской аспирантуры (Бедный Б.И., Рыбаков Н.В.)	62
2.2. Школа молодого преподавателя: опыт реализации программы (Буреева Н.Н., Козлова М.С., Тихонова Е.Л.).....	85
2.3. Образ будущей профессии в построении профессиональных планов студентов (Ситникова И.В.)	95
2.4. Использование студентами образовательных онлайн-платформ (Шалютина Н.В., Пятибратов В.Е.)	112
ГЛАВА 3. ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО И НОВЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ.	126
3.1. Трансформация молодежного концепта в сетевых сообществах (Козырьков В.П.)	126
3.2. «Сообщества смерти»: новая форма опасности в школьной среде (Соболева А.В., Муханова Е.Д.)	151
3.3. Игровой аспект социальных практик молодежи (Придатченко М.В.)	167
ГЛАВА 4. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК.	178
4.1. Молодежная добровольческая деятельность: влияние стереотипов на ожидания волонтеров (Ушакова Я.В., Сова И.В.)	178
4.2. Молодежь в социальном служении (Петрова И.Э., Петрова Т.Э.)...	197
4.3. Социально-политические ориентации студенческой молодежи (Зернов Д.В.).....	209
4.4. Значимость социологического мышления в формировании и развитии студенческого спорта (Ермилова А.В.)	230
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	243
ОБ АВТОРАХ	247

ВВЕДЕНИЕ

Материалы монографии структурированы по четырем проблемам: государственная молодежная политика; молодежь в системе образования; цифровое общество и новые практики молодежи; трансформация молодежных социальных практик. Эти аспекты позволяют сконцентрировать внимание на изучении актуальных трансформационных процессов российской молодежи и ее проблем, которые активно изучаются социологами и организаторами работы с молодежью.

Эмпирической основой публикуемых материалов стали социологические исследования последних пяти лет, проведенные сотрудниками кафедр отраслевой и прикладной социологии и общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

В первом параграфе первой главы «Молодежная политика в РФ: молодежь для государства и государство для молодежи» (Р.В. Голубин, кандидат исторических наук, доцент; А.П. Коротышев, кандидат исторических наук, доцент; А.С. Сорокин, кандидат исторических наук, доцент) рассматриваются основные отличительные особенности молодежной политики Российской Федерации, а также ее реализация в Нижегородской области, анализируется нормативно-правовая база молодежной политики, институциональное обеспечение и основные проблемы ее практической реализации. Предлагаются меры совершенствования реальной работы с молодежью с привлечением современных информационных технологий по конкретным направлениям.

Во втором параграфе первой главы «Молодежь и семья: тенденции и практики» (Н.Ю. Егорова, кандидат социологических наук, доцент; А.Л. Янак, кандидат социологических наук, ст. преподаватель) представлены результаты региональных исследований, где были изучены взгляды молодежи на семью, ее место в системе ценностей, выделены тенденции, характеризующие процесс формирования современной молодой семьи, основные черты, проблемы и противоречия функционирования семейной группы на начальном этапе ее жизненного цикла. Особое внимание уделено молодому отцовству как новому тренду в развитии современных родительско-детских отношений.

В третьем параграфе первой главы «Социальная адаптация молодых трудовых мигрантов в России» (Г.Л. Воронин, доктор социологических наук, профессор; А.А. Лаконова, аспирантка факультета социальных наук) на основе данных Федеральной службы государственной статистики и результатов

исследования «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE) за 2008–2017 гг. рассматриваются особенности социальной адаптации и интеграции молодых мигрантов в российском обществе с точки зрения образовательной, брачной и профессиональной адаптации. Подробно анализируются составляющие социальной адаптации трудовых мигрантов – уровень образования, семейный статус, здоровье, правовая защищенность, удовлетворенность жизнью.

В первом параграфе второй главы «Молодежь в науке: проблемы и перспективы развития российской аспирантуры» (Б.И. Бедный, доктор физико-математических наук, профессор; Н.В. Рыбаков, аспирант Института экономики и предпринимательства) анализируются основные показатели деятельности российской аспирантуры, а также результаты социологических исследований, характеризующие мотивации, профессиональные планы и фактическое трудоустройство российских аспирантов. Рассматриваются вопросы, связанные с мотивацией поступления в аспирантуру, результативностью научно-исследовательской работы, развитием профессиональной карьеры, защитой кандидатской диссертации. В целях повышения эффективности института аспирантуры в России предлагается проведение мониторинга социального самочувствия ее ключевых акторов, поиск и анализ лучших практик в реализации программ третьего уровня.

Во втором параграфе второй главы «Школа молодого преподавателя: опыт реализации программы» (Н.Н. Буреева, кандидат физико-математических наук, доцент; М.С. Козлова, кандидат химических наук; Е.Л. Тихонова, кандидат химических наук, доцент) рассмотрен практический опыт реализации с 2015 г. в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского в качестве базового элемента системной работы по развитию кадрового потенциала проекта «Школа молодого преподавателя» – программы повышения квалификации, нацеленной на развитие у начинающих преподавателей профессиональных компетенций, необходимых для преподавания в вузе. Представлены субъективные оценки выпускников пяти модулей программы, ее общая оценка, основные риски проекта, перспективы реализации проекта в российских вузах.

В третьем параграфе второй главы «Образ будущей профессии в построении профессиональных планов студентов» (И.В. Ситникова, аспирант факультета социальных наук) рассматриваются результаты исследования факторов, формирующих представления студенческой молодежи об образе будущей профессии, а также факторов, отражающих отношение студентов к

выбранной профессии, которые влияют на траектории профессионального развития студентов в процессе обучения в высшем учебном заведении. Отмечается, что при выборе вуза абитуриенты ориентируются не на четкие представления о своей будущей профессии, а на ее субъективный образ. В результате в процессе обучения многие студенты разочаровываются в выбранном направлении подготовки, а выпускники не работают по специальности, приобретенной в вузе.

В четвертом параграфе второй главы «Использование студентами образовательных онлайн-платформ» (Н.В. Шалютина, кандидат социологических наук, доцент; В.Е. Пятибратов, магистрант факультета социальных наук) на основе результатов интернет-опроса студентов гуманитарных направлений подготовки рассмотрены готовность студентов к новым образовательным трендам, использование ими цифровой образовательной среды и образовательных онлайн-сервисов, мотивация обращения к образовательным сервисам в Сети. Авторы отмечают, что Интернет, обеспечивая упрощенный доступ студентов к литературе, становится традиционной формой дополнительного источника научной информации. Студенты более склонны к поиску информации, ориентированной на традиционную образовательную программу, чем на материалы для саморазвития, возможно им важнее получить оценку, а не расширить знания по предмету.

В первом параграфе третьей главы «Трансформация молодежного концепта в сетевых сообществах» (В.П. Козырьков, доктор социологических наук, профессор) анализируется процесс трансформации молодежного концепта в обществе, в котором все большую роль начинают играть сетевые сообщества. На основе социокультурного подхода показана роль молодежи в сетевых сообществах как особых малых социальных системах, выявлены когнитивные особенности формирования молодежной субкультуры в электронной коммуникации. Автор отмечает, что в новых условиях качественно изменяется характер социальной активности молодежи, изменяется форма ее социальной ответственности и формирование определенной социокультурной резервации (геттоизации) молодежи в ее субкультурах и в сетевых сообществах.

Во втором параграфе третьей главы «“Сообщества смерти”: новая форма опасности в школьной среде» (А.В. Соболева, кандидат социологических наук, доцент; Е.Д. Муханова, выпускница бакалавриата факультета социальных наук) анализируется проблема кибертравли и функционирования различных

подростковых групп в цифровом пространстве как один из современных социальных рисков. На основе результатов социологических исследований авторы рассматривают особенности кибербуллинга в школьной среде и взаимосвязь с данным феноменом популярности «групп смерти» как особой формы решения подростками проблем кибербуллинга, а также механизмы втягивания в эти группы школьников.

В третьем параграфе третьей главы «Игровой аспект социальных практик молодежи» (М.В. Придатченко, кандидат социологических наук, доцент) анализируются игровые формы в социальных практиках молодежи. Обосновывается закономерность распространения игровых социальных паттернов, определяются функции игры в социальных практиках. Автор отмечает роль игровых практик в повышении потенциала субъекта в адаптации, освоении и конструировании социального пространства. Игра рассматривается как креативная стратегия социального взаимодействия, как компонент символического капитала в современном обществе.

В первом параграфе четвертой главы «Молодежная добровольческая деятельность: влияние стереотипов на ожидания волонтеров» (Я.В. Ушакова, кандидат социологических наук, доцент, заведующая учебно-исследовательской лабораторией социологических исследований; И.В. Сова, выпускница бакалавриата факультета социальных наук) на основе результатов социологических исследований выявлены особенности мотивации студентов к участию в добровольческой деятельности и их ожидания от этого вида общественной деятельности. Рассмотрены источники информации и интерес к волонтерству, цели и мотивация волонтеров, формы поддержки добровольческой деятельности, влияние общественных стереотипов на ожидания волонтеров. Авторы отмечают необходимость специальных обучающих практик волонтеров перед выходом на работу с целью повышения эффективности их деятельности и избежания разочарования в волонтерской деятельности.

Во втором параграфе четвертой главы «Молодежь в социальном служении» (И.Э. Петрова, кандидат социологических наук, доцент; Т.Э. Петрова, доктор социологических наук, профессор, советник Департамента культуры Правительства Российской Федерации) авторы рассматривают социальное служение религиозных организаций в России как широкое поле вовлечения молодежи – в качестве получателей социальных услуг, волонтеров, активистов социальной деятельности. Результаты экспертных интервью, изучение ожиданий молодежи относительно оказания социальных услуг

религиозными организациями, а также изучение практики социального служения позволили выявить два потока участия молодежи в социальном служении религиозных организаций: молодые люди из клиентов – получателей социальных услуг переходят в разряд активистов и служителей; и обратный процесс – молодой человек может успеть побывать в системе оказания помощи в разных статусах на протяжении своего взросления.

В третьем параграфе четвертой главы «Социально-политические ориентации студенческой молодежи» (Д.В. Зернов, кандидат политических наук, доцент) на основе результатов социологических исследований рассматривается социально-психологическое самочувствие студенчества и их общественно-политическая активность. Отмечается невысокий интерес к политике и снижение демонстративного уровня электоральной активности студентов. Рассматривается отношение студентов к политическим партиям и общественным организациям, подчеркивается невысокая осведомленность студентов относительно деятельности большинства политических партий и политиков. Анализируется отношение студенческой молодежи к различным формам гражданской активности и отмечается неприятие большинством студентов несанкционированных акций протеста.

В четвертом параграфе четвертой главы «Значимость социологического мышления в формировании и развитии студенческого спорта» (А.В. Ермилова, кандидат социологических наук, доцент) выявляется значимость социологических теорий в процессах формирования, функционирования, профилактики и разрешении конфликтных ситуаций в студенческой команде. Автор отмечает значение социологического мышления в формировании и развитии студенческого спорта, в познании студентами-спортсменами социальной реальности сферы физической культуры и спорта через призму социологических теорий, через такие понятия как социальное равенство, консолидация, конкуренция, конфликт, которые помогают им по-новому взглянуть на процесс взаимодействия внутри спортивной команды.

ГЛАВА 1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

1.1. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РФ: МОЛОДЕЖЬ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА И ГОСУДАРСТВО ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются основные отличительные особенности молодежной политики Российской Федерации, а также ее реализация в Нижегородской области. Проанализирована нормативно-правовая база молодежной политики, ее институциональное обеспечение и основные проблемы ее практической реализации. Рассматривается также вопрос информационного сопровождения и продвижения молодежной политики РФ на современном этапе.

Ключевые слова: молодежь, молодое поколение, молодежная политика, Росмолодежь, стратегия развития, инновационная экономика, социальная поддержка.

Молодежная политика современной России нуждается в серьезном пересмотре. Об этом в последний год открыто заявляют как специалисты, работающие в сфере образования, так и государственные чиновники самого высокого уровня. Продолжаются также и институциональные эксперименты в сфере молодежной политики. Так, указом Президента РФ от 15 мая 2018 г. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) стало напрямую подчиняться правительству [1].

В то же время, задача по разработке и реализации эффективной молодежной политики, а также научно-аналитическому обеспечению принятия решений в данной сфере была поставлена достаточно давно. Так, 3 июля 2014 г. на заседании Совета по международным отношениям Президент РФ В.В. Путин заявил, что «Министерство образования РФ должно ускорить разработку приоритетов молодежной политики». Кроме того, следует «подумать над повышением качества реализации госпрограммы патриотического воспитания» [2]. Заметно активизировалась деятельность профильных министерств и ведомств в области планирования и практического осуществления молодежной политики. К примеру, 18 июня 2013 г. на заседании коллегии Минобрнауки были рассмотрены перспективы реализации молодежной политики в России. По словам директора Департамента

дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Александра Страдзе, этот вопрос был вынесен на заседание коллегии впервые за последние 10 лет [3]. Таким образом, в среде правящей элиты современной России и близких к ней академических круга началась выработка новых подходов к молодежной политике.

Определенное представление об этих новых подходах дает обнародованный 27 декабря 2013 г. доклад, ставший итогом масштабного исследования, проведенного специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) по заказу Федерального агентства по делам молодежи в 2013 г. [4]. По свидетельству авторов доклада, «власть обратила внимание на молодежь в ситуации, когда она посчитала для себя угрозой разворачивание разнообразных «оранжевых» сценариев на территории России и искала в массовых молодежных объединениях и движениях <...> вариант защиты от реализации таких сценариев» [4].

При таком подходе предпринимавшиеся руководством страны попытки сформировать единый курс работы с молодежью зачастую сводились к формированию проправительственных движений, которые изначально носили излишне формальный характер. Кроме того, такие движения чрезмерно централизованы и не связаны напрямую с проблемами молодежи в регионах. Молодежные проекты создавались с единственной целью выражения поддержки государственной политики.

Авторы доклада предложили следующие приоритетные направления молодежной политики:

- рост качества образования молодежи, наращивание молодежью социальных и экономических компетенций;
- повышение культуры и дисциплины труда, производительности труда, ответственности за выполняемую работу;
- формирование нравственного поведения, семейных ценностей, ответственности за воспитание детей;
- рост патриотизма, гражданского участия и ответственности, высокого уровня правосознания;
- продвижение установки на изменение мира и окружающей действительности к лучшему, включение молодежи в инновационную и предпринимательскую деятельность;
- обретение ценностей и культуры здорового образа жизни молодежи [4].

Совершенно очевидно, что этот комплекс мер также нацелен скорее на обеспечение интересов государства за счет молодежи, чем на ее поддержку. Из всех процитированных тезисов данной цели может служить разве что «включение молодежи в инновационную и предпринимательскую деятельность», и только при условии достойной заработной платы. Авторы доклада утверждают, что «подходы КДР–2020 и Стратегии инновационного развития к молодежной политике схожи и базируются на том простом соображении, что молодежь должна стать ведущей силой, обеспечивающей «переход экономики России на инновационный путь развития» [4]. Однако ни из указанных документов, ни из самого доклада не ясно, что же получают от этого сами представители молодого поколения. Таким образом, интересы молодежи продолжают оставаться за рамками внимания государства. Более того, молодежи предлагается приобрести «умения самостоятельного выстраивания образовательных и карьерных траекторий, умения работать в высококонкурентной среде» [4]. Т.е., по сути, молодым людям предлагается как-то и чему-то научиться самим, а потом создать с нуля «новую экономику».

Подобного рода представления были нормативно закреплены в документах, регламентирующих работу с молодежью в современной России. Не ставя своей целью их подробный анализ, заметим, что речь в них о необходимости формирования:

- здорового образа жизни молодежи, нравственного и патриотического воспитания, а также реализации молодежью своих профессиональных возможностей (Положение о «О Федеральном агентстве по делам молодежи») [5];
- патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи (Основы государственной молодежной политики Российской Федерации) [6];
- правовой и политической культуры молодежи, содействие патриотическому воспитанию молодежи и формированию у нее нравственных ориентиров (Положение об Общественной молодежной палате (Молодежном парламенте) при Государственной Думе Федерального Собрания РФ) [7].

В этих формулировках со всей очевидностью проступает желание власти иметь здоровое, патриотичное (т.е. лояльное власти) и работающее население. Но совершенно не прослеживается стремления развивать молодежь как социальную группу, основу будущего общества.

Господствует непонимание того факта, что от школьников и студентов рано чего-то требовать для блага страны прямо сейчас (патриотизма, преданности историческим ценностям, профессиональной компетентности и т.д.). При работе в молодежной среде напротив, нужно первоначально давать самим молодым людям новые возможности, которые и привлекут их к сотрудничеству с представителями власти.

Государственные институты молодежной политики: проблема приоритетов

Этот фундаментальный недостаток в полной мере проявляет себя в институциональной организации работы с молодежью в РФ. По заявлению на официальном сайте Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), данное ведомство – единственный профильный общероссийский орган управления, деятельность которого целиком сосредоточена на развитии молодых граждан [8]. Таким образом, анализ его деятельности может показать приоритеты практического воплощения молодежной политики российским правительством. Если обратиться к представленным на сайте в открытом доступе материалам о деятельности агентства, то становится очевидно несколько характерных тенденций.

Первое. Примерно половина направлений деятельности Росмолодежи обозначена как «Вовлечение» молодежи в некий позитивный и продуктивный вид деятельности – волонтерство, здоровый образ жизни, творчество, в том числе научно-техническое и т.п. То есть главная задача состоит в том, чтобы подвигнуть молодое поколение к различным видам деятельности, предусматривающим общественную пользу (волонтерство), а также их личное развитие. Во всех пунктах таких программ речь идет о том, что молодой человек либо напрямую и прямо сейчас, либо в дальнейшем будет полезен обществу и государству. Все эти направления сформированы исходя из интересов государства, а не молодежи и отражают не идеи молодежи о стране, а идеи страны о молодежи. Любой личностный рост молодого поколения рассматривается лишь как часть государственных интересов.

Второе. Понимание Росмолодежью некоторых аспектов собственной программы действий также весьма показательно. Наиболее характерно в этом отношении направление, озаглавленное как «Молодые семьи» [8].

В расшифровке заглавия данного раздела на сайте сразу же поясняется, что конкретное направление работы – формирование у молодежи традиционных семейных ценностей [8]. В немногочисленных пояснениях на странице данного раздела указывается, что вся деятельность сводится, в сущности, к «моральной поддержке» молодых семей в русле пропаганды традиционной семьи. В рамках материалов открытого доступа полностью отсутствуют какие-либо упоминания о главной проблеме молодых семей – жилищной, равно как и вообще любая тематика поддержки молодых семей, связанная с какими-либо материальными затратами. В сущности, молодым семьям предлагается все объективные проблемы решать самим, как и во всех остальных случаях. Основная идея государства относительно молодых семей – не доставлять государству проблем.

Третье. Информационное и PR-обеспечение. Отдельного внимания заслуживает представление новостей на сайте агентства, в частности по той же тематике молодых семей. Все новости о происходящих событиях отражают исключительно пропагандистскую деятельность агентства, без какой-либо практической и материальной составляющей. По состоянию на январь 2019 г., это новости о фотоконкурсе о встрече молодыми семьями Нового года, Клуб молодых семей и творческий конкурс. Также характерно, что список собственных мероприятий агентства по всем направлениям деятельности на сайте совершенно пуст, несмотря на то, что в списке документов план мероприятий на 2019 г. присутствует [8]. Подход к изложению в Интернете своей деятельности у Росмолодежи очень формальный, а новостная лента ярко отражает скудость деятельности агентства.

Четвертое. Кадровое обеспечение молодежной политики всегда составляло проблему, так как аппарат таких ведомств либо составлялся по остаточному принципу, либо комплектовался молодыми людьми без опыта и влияния в «коридорах власти». Нынешний руководитель Росмолодежи является весьма типичным представителем главенствующего сейчас подхода. С одной стороны, он выдвиженец Администрации Президента, в его официальной биографии на сайте агентства указано, что он с 7.12.2015 г. по 20.03.2017 г. – начальник организационно-аналитического департамента, начальник департамента по работе с регионами Сибирского и Дальневосточного федеральных округов Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике [8]. С другой стороны, при формировании поискового запроса на его фамилию в системе «Яндекс» почти все результаты будут относиться либо к страницам официального сайта агентства, либо к сайтам справочного характера с биографиями чиновников. Невозможно сказать, что руководитель Федерального агентства по делам молодежи активно участвует в

создании инфоповодов для своей структуры. Очевидно, что подбор кадров в Росмолодежи ведется также, как и в других структурах госаппарата и не отражает никакого специфического подхода правительства к этой проблеме.

Таким образом, все недостатки концептуального оформления молодежной политики Российской Федерации полностью повторены и даже скопированы в институциональном оформлении этой работы.

В определенное оправдание работы Росмолодежи следует отметить, что организация финансирования молодежной политики действительно не оставляет им большого поля для маневра в рамках их деятельности. С 2015 г. финансирование конкретных проектов должны были осуществлять регионы страны, и лишь в самой малой степени – федеральный бюджет. Между тем, регионы, во-первых, подходят к финансированию этой деятельности очень поразному, минимальная и максимальная суммы затрат уже в 2012 г. различались в 28 раз [9]. Во-вторых, после 2015–2016 гг. многие регионы испытывали огромные проблемы по выплатам по основным социальным статьям, что оставило молодежную политику на одном из последних мест в затратах.

В этой связи необходимо вновь вернуться к проблеме кадрового обеспечения молодежной политики, на этот раз в регионах. Некоторые примеры за период 2015–2019 гг. говорят о том, что в региональных органах власти проблема с кадровым наполнением этих структур стоит необычайно остро, а нынешняя ситуация близка к катастрофической. Абсолютное большинство инфоповодов негативного содержания общенационального масштаба подали именно региональные чиновники, так или иначе связанные с социальной и молодежной политикой. Самым известным случаем стало высказывание чиновницы администрации Свердловской области о том, что «государство не просило Вас рожать» [10], а значит ничего молодым людям и их родителям не должно.

Как нам представляется, основной причиной появления таких высказываний являются все же не моральные характеристики самих чиновников, а их попытка оправдать свое полное бессилие в выполнении своих основных профессиональных задач. Однако следует отметить и то, что на должность руководителя департамента молодежной политики Свердловской области чиновница пришла в 2016 г. на том основании, что в 2004 г. стала олимпийской чемпионкой в групповых упражнениях в художественной гимнастике [10]. Весьма вероятно, что такое кадровое решение основано на полном безразличии руководства региона к тому, кто будет заниматься наименее интересной для них сферой регионального управления – молодежной политикой. За этот факт говорит и то, что по итогам общественного резонанса

департамент молодежной политики в Свердловской области без всяких проблем был вообще упразднен, путем его слияния с департаментом образования. В целом этот случай характерен именно главной мыслью государственной власти о молодежной политике – государство вам ничего не должно, если что-то делается, то по доброй воле, и это уже достижение.

Еще раз подчеркнем: несмотря на неясные принципы кадрового отбора в соответствующие структуры в регионах, одиозные высказывания чиновников отражают, тем не менее, именно общегосударственную линию взаимоотношений с молодежью. Молодые люди все свои проблемы должны решить сами, а государство надеется выполнить роль «регулирующего», указывающего какие пути к решению молодежных проблем с точки зрения государства приемлемы, а какие нет. Конечно, такая постановка вопроса сама по себе изначально неверна и не оставляет надежд на успешность молодежной политики, однако кадровое обеспечение на местах делает попытки ее реализации еще и болезненными с точки зрения информационной среды.

Обобщая все сказанное, еще раз отметим, наверное, главный фактор неэффективности всех мер реализации молодежной политики в Российской Федерации – глубочайшую вторичность этой темы в рамках стратегии развития страны. Несмотря на заявления концептуальных документов и даже первых лиц государства о наличии стратегии развития на 15–20 лет вперед, реальность такова, что Россия с большим трудом справляется с текущими проблемами и неспособна рассчитывать горизонт планирования так далеко. Пример с повышением пенсионного возраста также показывает, что Россия в 2017–2018 гг. перестала справляться даже с текущими проблемами, что приводит к появлению нового стереотипа мышления государственных чиновников относительно молодежи.

Условно этот стереотип можно выразить так: молодые люди по определению экономически активны и должны быть самодостаточны, а в условиях, когда социальная поддержка зависимых от государства групп (пенсионеров, инвалидов и т.п.) и без того почти обанкротилась, говорить о поддержке молодежи совершенно нереалистично.

Такая позиция с чисто экономической точки зрения будет иметь весьма недвусмысленные последствия. Поскольку государство, в сущности, обращается к молодежи с предложением обеспечить себя самостоятельно, да еще и соблюдая при этом установленные государством рамки дозволенного, то молодые люди в ближайшие 20–30 лет будут заняты почти полностью и исключительно решением своих насущных проблем. Их заинтересованность в «вовлечении» в различные формы общественной активности, инновационные

проекты, науку и т.п. будет наблюдаться только в студенческие годы и далеко не у всех.

Обычной для российской молодежной политики практикой стало создание при государственных органах различных уровней разного рода «молодежных подразделений» (молодежные парламенты, молодежные палаты, советы молодых специалистов и пр.), работа с которыми и заменяет реальную работу с широкими массами молодежи. Это, в определенной степени, создает у представителей власти иллюзию знания молодежной среды и вводит их в заблуждение относительно ситуации в молодежной среде. В действительности, такого рода структуры заполняются молодыми карьеристами, которые подчас также далеки от молодежи, как и власти. Они не дают возможности влиять на широкие массы молодежи и осуществлять «обратную связь», изучая ситуацию в молодежной среде.

Следует понимать, что основным мотивом для участия молодежи в работе подобного рода структур является желание успешно сделать карьеру [11]. Интересно, что, по результатам исследования ВЦИОМ, для активных участников политических мероприятий не имеет первостепенного значения даже их идеологическая направленность. Один из ключевых запросов к политической сфере – расширение возможностей участия в жизни страны на разных уровнях и влияние на определение стратегий развития, сокращение дистанции с лицами, принимающими решения, желание быть субъектом, а не объектом политики [11]. Однако на практике, молодежные структуры являются не социальным лифтом, а лишь политическим инструментом, что становится очевидно для всех их участников.

В этом плане молодежная политика, однако, совершенно несамостоятельна, так как отсутствие социальных лифтов вообще стало главной общемировой проблемой, ярко представленной в России. Ни один политик и государственный деятель не сможет решить эту проблему быстро и безболезненно, однако главная трудность в рамках молодежной политики состоит в полном отсутствии таковой цели. Современная молодежная политика в России не способна даже создать видимость работы по достижению успеха молодыми людьми, не говоря уже о том, чтобы замахнуться на реальное изменение положения вещей.

Интересно также заметить, что на официальном сайте Росмолодежи существует раздел «Истории успеха», рассказывающий о молодых людях, добившихся, с точки зрения этой организации, заметных результатов. Все они являются лауреатами государственных конкурсов, в основном в сфере искусства, и суть их успеха – получение государственного гранта или выигрыш

премии. Таким образом, даже Росмолодежь косвенно признает, что без прямой финансовой поддержки государством «успех» в рамках государственного понимания (т.е. общественно полезный успех) едва ли достижим [8].

Молодежная политика в Нижегородском регионе: следование федеральным тенденциям

Молодежная политика в Нижегородской области является отражением общероссийской политики. Ответственность за нее несет Министерство образования, науки и молодежной политики Нижегородской области. Согласно информации, представленной на его официальном сайте, в его структуре отсутствует специализированное подразделение, целенаправленно занимающееся молодежной политикой [12]. Более того, направление молодежной политики появилось в названии министерства лишь в начале 2018 г. при очередной реорганизации (переименовании), в то время как представленная на сайте схема относится к 2017 г. Добавление нового направления работы министерству образования, по всей видимости, не вызвало заметных изменений в структуре министерства.

Исходя из представленной схемы за молодежную политику отвечают два отдела в составе Управления гражданско-патриотического воспитания и социально-правовой защиты детей [12]. Один из них носит название Отдел по вопросам реализации государственной молодежной политики, в его структуре состоит второй отдел, который носит еще более конкретное наименование – сектор гражданско-патриотического воспитания и реализации общественно значимых молодежных проектов. Следует также отметить, что на странице сайта, посвященной их головной структуре – Управлению гражданско-патриотического воспитания и социально-правовой защиты детей – деятельность этих подразделений не выделена и никакого описания их функций не присутствует [12].

Среди плюсов деятельности профильного органа исполнительной власти в Нижегородской области можно выделить работу в социальных сетях. Министерством создана официальная группа «Молодежь Нижегородской области» в сети «ВКонтакте», которая дает представление о практических шагах министерства [13]. Новостная лента формирует типичную картину представлений регионального нижегородского правительства о молодежной политике, полностью укладывающуюся в общероссийскую схему. Основной поток новостей связан с образовательной деятельностью, культурной и развлекательной (КВН и т.п.), а также волонтерством. Осуществляется прямой репост материалов Росмолодежи, и, точно также как на интернет-ресурсах

Росмолодежи, материальные аспекты развития молодого поколения увязываются исключительно с грантами на научную и художественную деятельность [13].

Определенной положительной чертой нижегородской региональной молодежной политики можно назвать заметное внимание к спортивным мероприятиям: так активность, связанная с Днем студента, в начале 2019 г. была привязана к катку стадиона «Нижний Новгород»; в официальной группе представлена информация о баскетбольном турнире и т.п. Также стоит отметить активно освещаемую работу по подготовке волонтеров в самых разных отраслях.

Особо отметим, что новостная лента официальной группы молодежной политики Нижегородской области не создает впечатления активной гражданско-патриотической воспитательной работы (исходя из количества новостей в информационной ленте) несмотря на то, что структура министерства представляется ориентированной именно на это.

Таким образом, нижегородская молодежная политика в масштабах региона имеет те же ключевые отличительные черты, что и политика в масштабах всей страны: гипертрофированное внимание к морально-патриотическим вопросам при игнорировании материальных вопросов становления молодежи. Отдельно следует отметить, что нигде в структуре нижегородских органов исполнительной власти, связанных с молодежной политикой (существует также Сектор молодежной политики департамента по социальной политике администрации города Нижнего Новгорода) вообще не отражена проблематика работы с молодыми семьями.

Также для нижегородской региональной молодежной политики характерна и общероссийская проблема PR освещения своей деятельности в рамках имеющихся информационных ресурсов. Так, с 2017 г. при губернаторе Нижегородской области действует Совет по делам молодежи, страница которого на официальном сайте Правительства Нижегородской области по состоянию на январь 2019 г. совершенно пуста [14].

Молодежь и политика: восприятие и вовлеченность

Российская молодежь, несмотря на распространенное мнение о ее политической пассивности, представляет собой одну из наиболее политизированных категорий населения. Согласно данным исследования, которое проводил ВЦИОМ, в ходе президентских выборов 2018 г. явка среди граждан в возрасте 18–34 лет составила 63,7%. Это выше, чем у любых других возрастных категорий. Даже граждане старше 60 лет, традиционно

составляющие в России электоральное большинство, продемонстрировали чуть меньшие показатели: 63,4% [15].

Согласно исследованию Фонда Общественное Мнение, более половины российской молодежи активно интересуется политикой и в повседневной жизни. В различных возрастных группах от 17 до 34 лет доля заинтересованных колеблется от 50 до 54%, 59% обсуждают со сверстниками политические темы, а у 45% они вызывают споры и разногласия [16].

Политическая активность молодежи встречает поддержку и в обществе в целом. Запрос на вовлечение молодых людей в общественную и политическую жизнь, по данным ВЦИОМ, в 2017 г. поддерживало 90% россиян, в то время как в 2007 г. этот показатель составлял 75% [17].

Интересно, что доля противников активного вовлечения молодежи в политику больше всего среди самой молодежи. С необходимостью привлекать молодых людей к политической активности согласны более чем 80% во всех возрастных группах, однако среди самих молодых людей доли однозначных ответов заметно ниже, чем среди старшего поколения («безусловно нужно привлекать» – 37–43% среди 18–34-летних, 52–59% среди 35-летних и старше) [17].

Очевидной тенденцией последних лет остается политизация российского общества в целом. Однако оценки векторов данного процесса и роли в нем представителей молодежи весьма различаются. Обратимся к обширному докладу Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН «Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены» [18], содержащему результаты мониторинга общественных настроений, в т.ч. в молодежной среде.

Оценивая общую ситуацию в стране в 2018 г., 45% молодежи заявили о значительных или некоторых переменах к лучшему, 25% указали на то, что никаких перемен не произошло, а 30% посчитали, что все перемены были к худшему. В целом, это совпадает со взглядами большинства населения и показывает положительную динамику в сравнении с прошлыми годами, когда изменения к лучшему замечали 37–46% (2017), 22–32% (2016) и 27–30% (2015) [18].

Однако, оценивая будущие перспективы страны, молодежь не столь оптимистична: 33% полагают, что Россия будет развиваться успешно, 39% считают, что ничего принципиально не изменится, и 28% отмечают, что страну ждут трудные времена. Авторы доклада признают, что «примерно треть молодежи страны (как, впрочем, и населения в целом), на данный момент не видят в ближайшем будущем возможностей изменить что-то к лучшему» [18].

В докладе отмечается повышенная склонность молодежи к оптимизму. Этот контраст наиболее заметен при оценке ситуации в России: среди молодежи (18–30 лет) 44% считают ситуацию в стране спокойной и 47% считают ее кризисной или катастрофической; среди же пожилых людей (старше 60 лет) эти показатели составляют 34 и 58% соответственно. Авторы усматривают в этом «типичность для постсоветской России «восходящего вектора» в жизни молодых, обладающих более высоким человеческим капиталом, и «нисходящего вектора» в жизни пожилых, которым труднее найти достойное место в жизни» [18]. Для молодежи характерна высокая степень психологической адаптивности к экономическим проблемам и стабильность оптимизма.

Меры совершенствования молодежной политики

Реальная работа с молодежью может быть уже сегодня организована сразу по нескольким направлениям с привлечением современных информационных технологий и не потребует больших затрат. Такими направлениями могут стать, к примеру:

1. Создание в социальных сетях и на сайтах вузов специальных групп и разделов, целью которых будет проявление прямого интереса к положению молодежи и сбору максимального количества разнообразной информации о мнении нового поколения о самых различных вопросах. Обязательным условием является обратная связь с респондентами, то есть возможность участникам самим предлагать модераторам темы опросов. Важнейшим компонентом также должна стать динамичность обновления контента таких рубрик и открытое подведение и обсуждение итогов.
2. Создание интернет-площадок для выражения школьниками и студентами своей позиции по важнейшим вопросам развития России и мира. Даже студенты вузов сейчас испытывают недостаток возможностей к оформленному изложению своего мнения (статьи, тезисы студенческих конференций и т.п.), у школьников такой возможности практически нет. При этом вновь созданные ресурсы не должны сковывать выражение мысли строгими требованиями к материалам, а предлагать единый, но простой формат публикации. Редакция должна регулярно поощрять лучшие работы отмечая их и выдвигая на первый план.
3. Организация дискуссионных мероприятий для школьников и студентов с привлечением экспертов. Возможность не только

высказать свое мнение, но и защитить его в соревновании с другими всегда интересна молодому поколению. Эксперты по различным вопросам способны ответить на массу вопросов, интересующих молодежь. Такой формат требует тщательной организации и четкого формата дискуссии.

Эти меры должны, как минимум, демонстрировать интерес государства и общества к молодежи, стимулировать ее представителей к диалогу. Без этого какое-либо влияние на молодежную среду практически невозможно. В идеале же упомянутые мероприятия должны стать частью широкого мониторинга социально-политических взглядов, интересов и желаний разных групп молодежи. Эта задача не решается на бюрократическом или экспертном уровне – для этого требуется масштабное социологическое исследование. Именно на основе такого мониторинга должны быть выявлены интересы российской молодежи, которые смогут стать ориентиром для новой политики и идеологии. С большой вероятностью, это окажутся именно экономические интересы, которые потребуют перехода к широким, реально работающим программам поддержки (рост числа бюджетных мест в вузах, развитие образовательного кредита, льготной ипотеки, содействие трудоустройству и пр.). Эту задачу могут решить молодежные центры (по образцу центров госуслуг), работающие со всеми молодежными программами.

Кризисные явления, с которыми в последние годы столкнулась Российская Федерация, в общем вполне осознаны и правящей элитой и молодежью как частью общества. Однако выводы из этих обстоятельств власть и молодежь делают порой совершенно противоположные. По мнению власти (неоднократно озвученному чиновниками различных уровней и нормативно закрепленному в «Основах молодежной политики в РФ...»), молодежь должна создать инновационную экономику и, сохраняя семейные ценности и патриотизм – способствовать выходу страны из кризиса.

Правящая элита хотела бы запустить механизм мобилизации общества (по образцу 1610-х или 1930-х гг.), при котором оно было бы готово мириться с экономическими трудностями и работать. Это хорошо заметно по риторике чиновников различных уровней (необходимость «затянуть пояса», внешний враг, санкции, духовные ценности и пр.). Однако общество в целом и молодежь в частности к такой мобилизации не готово. Молодежь, напротив, ждет от власти помощи в преодолении кризиса, ждет конкретных и массовых программ помощи и содействия.

Ключевым же элементом трансформации молодежной политики должно стать преодоление ее фундаментального недостатка, проявляющего себя как на нормативном, так и на практическом уровне. Государство требует чего-то от молодежи (лояльности, поддержки, участия в «инновационной экономике», развития спорта, борьбы с экстремизмом в своей среде и пр.), но ничего не предлагает взамен (карьерных возможностей, социальных лифтов, социальных программ и даже внятной идеологии). В то же время, основная особенность молодежи, как социальной группы, заключается именно в том, что от нее рано чего-либо требовать, ее нужно поддерживать и развивать, ожидая эффекта в будущем.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 15 мая 2018 г. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57475>.
2. Путин определил приоритеты в национальной и молодежной политике. Интернет-портал интеллектуальной молодежи. URL: <http://ipim.ru/news/6255.html>.
3. В Минобрнауки России обсудили молодежную политику. Портал «Наука и технологии РФ. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=57221#.U7rsw5R_tA0.
4. Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала. Федеральное агентство по делам молодежи. URL: <http://www.fadm.gov.ru/upload/iblock/606/report-fadm-ru-2013-11-13.pdf>.
5. Постановление Правительства РФ № 409 от 29 мая 2008 г. «О Федеральном агентстве по делам молодежи». URL: <https://fadm.gov.ru/agency/docs/position>.
6. Распоряжение Правительства РФ № 2403-р от 29.11.2014 «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/.
7. Положение об Общественной молодежной палате (Молодежном парламенте) при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Молодежное парламентское движение России. URL: <http://www.newparlament.ru/docs/view/1787>.
8. Росмолодежь. URL: <https://fadm.gov.ru>.
9. Бюджетное финансирование молодежной политики – региональные вызовы. URL: <https://studopedia.org/4-155500.html>.

10. «Государство не просило вас рожать». Свердловская чиновница высказалась о недостаточном финансировании детских проектов. Новая газета. 5 ноября 2018 г. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/11/05/146521-gosudarstvo-ne-prosilo-vas-rozhat-sverdlovskaya-chinovnitsa-vyskazalas-o-nedostatochnom-finansirovanii-detskih-proektov>.
11. Зачем молодежи политика. Данные опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3449 от 25 августа 2017 г. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3511>.
12. Структура министерства образования Нижегородской области. Официальный сайт. URL: <https://minobr.government-nnov.ru/?id=23967>.
13. Молодежь Нижегородской области. URL: https://vk.com/molodezh_nn.
14. Совет по делам молодежи при Губернаторе Нижегородской области. Правительство Нижегородской области. URL: <https://government-nnov.ru/?id=204565>.
15. Молодежь ломает стереотипы. Данные опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3612 от 22 марта 2018 г. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002>.
16. Интерес молодежи к политике. Телефонный опрос 4000 жителей РФ от 17 до 34 лет включительно. Фонд Общественное Мнение. Официальный сайт. URL: <https://fom.ru/Politika/13285>.
17. Молодежь и политика: точки соприкосновения. Данные опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3416 от 11 июля 2017 г. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002>.
18. Зачем молодежи политика. Данные опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3449 от 25 августа 2017 г. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3511>.

1.2. МОЛОДЕЖЬ И СЕМЬЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКИ

Поиск близкого человека является важной потребностью, реализация которой в социальном пространстве по-прежнему связана с институтом семьи. В контексте трансформационных процессов меняются представления молодых о семье, ее роли, стратегиях формирования, моделях функционирования, их жизненные и семейные траектории.

Представлены результаты региональных исследований, где были изучены взгляды молодежи на семью, ее месте в системе ценностей, выделены тенденции, характеризующие процесс формирования современной молодой семьи, основные черты, проблемы и противоречия функционирования семейной группы на начальном этапе ее жизненного цикла. Выявлены некоторые тренды в развитии современных родительно-детских отношений, прежде всего, на примере молодого отцовства как восприимчивой к социальным и семейным инновациям, гибкой и адаптивной социальной практики: формирование и воспроизводство моделей откладываемого, планируемого, вовлеченного отцовства, технологий их активизации.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, молодая семья, проблемы и противоречия молодой семьи, семейные практики молодых, молодые отцы.

Семья является одной из важных сфер социальной жизни, в которой удовлетворяются значимые для общества и личности потребности в воспроизводстве и продолжении рода, в организации/регуляции различных видов деятельности и интимности, стабилизации индивида и моральной, психологической поддержке. Сегодня, когда появляются новые возможности решения этих задач, встает вопрос о месте/роли семьи в жизни современного человека. Мнения относительно будущего семьи колеблются в широком диапазоне суждений от деградации института моногамной семьи, неизбежности, в случае отсутствия осознания серьезности проблемы со стороны государства и общества, исчезновения его с исторической сцены [1] до эволюции и формирования новых, более жизнеспособных в современных условиях форм организации личного пространства [2].

Безусловно, изменения, происходящие в обществе, затрагивают, в том числе, эту глубоко личностную, интимную сторону жизни. Меняются представления о семье, ее месте в системе жизненных ценностей, появляются и распространяются новые практики выстраивания близких отношений.

Молодежь – группа, представления и стратегии которой во многом определяют вектор движения в различных сферах социальной жизни, в том числе семейной. Ее взгляды, реальные практики, позволяют понять

направления трансформационных процессов, описать облик семьи в недалеком будущем, выявить возможные проблемы и противоречия.

Ценности семьи, детей и семейные ценности молодых

Несмотря на негативные тенденции, фиксируемые сегодня в сфере семьи и брака (низкая рождаемость, высокая разводимость и др.), россияне по-прежнему хотят иметь семью и рождасть детей. Говорить о том, что семья, дети перестают быть значимыми жизненными ориентирами для населения, не верно. Это подтверждают результаты как общероссийских, так и региональных исследований [3; 4]. Так, исследование «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье»¹ (Нижний Новгород, 2013) дает основания говорить, что для всех возрастных групп, в том числе самых молодых, дети по-прежнему являются значимой ценностью. Только пять из каждых ста респондентов не считают детей основной жизненной целью. Подавляющее большинство, около 85%, подчеркивают, что для них очень важно «иметь детей» (табл. 1). В то же время стоит отметить возрастающую значимость профессиональных достижений.

Т а б л и ц а 1

Степень значимости отдельных жизненных сфер, %

Насколько важно...	возрастные группы	не важно	в целом важно	важно
иметь детей	17-21 год	6	8	86
	23-30 лет	3	11	86
	33-40 лет	4	11	85
чего-либо достичь в профессии	17-21 год	3	12	85
	23-30 лет	3	15	82
	33-40 лет	9	17	74
работать, даже если нет потребности в деньгах	17-21 год	8	33	59
	23-30 лет	19	28	53
	33-40 лет	20	21	58

Трудовая сфера, самореализация в работе/профессии приобретают сегодня особую значимость, провоцируя конкуренцию двух сфер, а также необходимость

¹ Исследование «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» (2013) выполнено в рамках мероприятия 1.2.1. Федеральной целевой программы «Научные и научно-исследовательские кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Руководитель проекта – проф. З.Х. Саралиева. Выборка включала респондентов трех возрастных групп: 17-21 год, 23–30 лет и 33–40 лет в равных пропорциях (N=621).

в будущем поиска оптимального баланса между трудовыми и семейными обязанностями. Доля желающих работать даже при отсутствии материальной необходимости достигает максимума (более 90%) в группе 17–21-летних.

Тем не менее, дети и семья, оставаясь непреходящими ценностями, качественно все же меняются. Анализ репродуктивных планов и установок свидетельствует об ориентации на небольшую малодетную семью (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Идеальное и желаемое количество детей в семье, %

<i>Идеальное количество детей</i>	всего	17-21 год	23-30 лет	33-40 лет
Ни одного	1	2	1	2
Одного	12	14	9	12
Двоих	56	55	58	55
Троих и больше	31	29	32	31
<i>Желаемое количество детей</i>	всего	17-21 год	23-30 лет	33-40 лет
Ни одного	1	2	1	1
Одного	16	16	18	16
Двоих	43	35	43	43
Троих и больше	17	12	20	22
Пропущенные значения, в том числе не думал(а) об этом, не уверен(а)	23	35	18	18

Более половины молодых людей трех возрастных групп идеальной видят двухдетную семью, треть считают, что семья должна быть многодетной. Желаемое количество детей в собственной семье несколько отличается от идеала. Многодетными родителями хотят стать лишь 17%, почти каждый второй готов воспитывать двоих детей, а 16% допускают, что могут ограничиться одним ребенком. Репродуктивные установки молодых самые низкие: 12% представителей группы 17–21 год ориентированы на многодетность, 35% – на двоих детей, 16% – на одного, еще 35% – не определились с выбором, считая рождение детей пока далекой перспективой.

Подробнее описать семейные ценности молодых позволяют результаты межрегионального исследования «Молодая семья в современной России»¹.

¹ Исследование «Молодая семья в современной России» (2014) выполнено в рамках реализации проекта № 14-13-52601 Российского гуманитарного научного фонда «Молодая семья с детьми в регионах Приволжского Федерального округа». Руководитель – проф. З.Х. Саралиева. Объект исследования – молодые люди в возрасте 20-35 лет (N=903), состоящие в актуальных семейных отношениях: супружеских (имеющих официального или неофициального партнера) или родительских (имеющие детей).

Большинство респондентов считают, что семья должна быть основана на браке и, лучше, с детьми. Роль женщины воспринимается традиционно, ее задача – больше заботиться о семье, чем о карьере. Тем не менее, на начальном этапе отношений вполне допустимо отсутствие официальной регистрации, в семье не должно быть много детей, мужчина постепенно начинает рассматриваться не только как добытчик, но и активный родитель, помощник в домашних делах (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Степень согласия с суждениями, определяющими основные параметры системы семейных ценностей (средний балл)

Суждение	Средний балл
Родители и дети должны в течение всей жизни взаимно поддерживать друг друга	4,6
Дети должны взять к себе родителей, если они сами больше не могут о себе заботиться	4,4
Женщины должны больше заботиться о своей семье, чем о своей карьере	3,9
Если человек долгое время живет с одним и тем же партнером, нужно жениться (выходить замуж)	3,8
Родители должны финансово поддерживать своих взрослых детей, если они в этом нуждаются	3,3
Мужчины должны наравне с женщинами заниматься домашними делами	3,3
Дети часто страдают от того, что их отцы слишком концентрируются на работе	3,3
Брак – это пожизненная связь (отношения) и он не должен расторгаться	3,2
Это негативно отразится на ребенке, если мать выходит на работу до достижения им 3 лет	2,7
При желании мужчины и женщины жить вместе, нужно сразу регистрировать отношения	2,6
Люди должны вступать в брак самое позднее тогда, когда появится ребенок	2,6
В семье должно быть много (3 и более) детей	2,5
Семья может быть счастливой и без детей	2,4

Изменения ценностной системы молодого поколения во многом определяют и объясняют основные тенденции, характеризующие стратегии формирования, черты/ проблемы/ противоречия современной молодой семьи.

Характеристики современной молодой семьи

При определении молодой семьи и в социальных науках, и в законодательных практиках чаще всего используется возрастной критерий, т.е. возраст супругов не должен превышать определенного порога, как правило, 30-35 лет, они могут иметь или нет несовершеннолетних детей [5; 6]. Насколько современная молодая семья вписывается в указанные рамки? Попробуем ответить на данный вопрос.

Одна из тенденций в сфере семьи и брака сегодня – *откладывание создания семьи* и, как следствие, *рождения детей*. За последние два десятилетия модальный возраст вступления в брак сместился из возрастной группы 18–24 года в более старшую группу 25–34-летних (табл. 4). Современные молодые люди не торопятся с регистрацией отношений.

Т а б л и ц а 4

Браки по возрасту невесты, % [9]

годы	возраст невесты, лет				возраст жениха, лет			
	до 18	18-24	25-34	35 и старше	до 18	18-24	25-34	35 и старше
1970	1,5	71	16	13	0,2	61	31	16
1980	2	68	19	11	0,3	62	25	13
1990	5,5	59	21	15	1	53	30	17
1995	6	58	19	17	1	52	29	19
2000	3	57	24	16	0,4	45	34	21
2005	2	53	30	15	0,2	38	40	21
2009	1	47	36	17	0,1	32	45	23
2013	1	38	43	19	0,1	25	51	25
2016	1	33	44	22	-	20	52	28

Федеральная служба государственной статистики фиксирует стабильное увеличение числа женщин, рождающих как первенцев, так и последующих детей в более позднем возрасте (табл. 5). Так, количество родившихся детей у женщин в возрасте 20–24 лет в начале столетия составляло 94 на 1000, сегодня – 87, в группе 25–29-летних за тот же период оно увеличилось почти вдвое – с 67 до 112 на 1000 рождений, а в более старших группах – в 2,5–4 раза.

Официальная статистика, к сожалению, не дает ответа на вопрос, за счет каких по очередности рождений это происходит, определяя лишь общую тенденцию. Социологические исследования позволяют говорить об изменениях возраста рождений именно первых детей. Согласно данным исследования «Молодая семья в современной России», за последние 1,5 десятилетия средний

возраст рождения первенца увеличился почти на 4 года, перейдя 25-летний рубеж. Данный показатель определяется образованием и доходом респондентов. Стратегия откладывания больше характерна для женщин с высшим образованием, из более обеспеченных групп.

Т а б л и ц а 5

Возрастные коэффициенты рождаемости
(родившиеся живыми на 1000 женщин в возрасте, лет) [7]

Год рождения	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
2000	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1
2005	27,4	88,4	77,8	45,3	17,8	3,0	0,2
2009	28,7	90,5	95,9	63,6	27,6	5,2	0,2
2010	27,0	87,5	99,2	67,3	30,0	5,9	0,3
2012	27,3	91,3	106,6	74,3	34,9	7,0	0,3
2016	21,5	87,2	111,5	84,4	41	8,8	0,5

Регистрация брака и рождение детей в более позднем возрасте совсем не означают отсутствия сексуальных, партнерских практик молодых, приводя к созданию *и распространению новых форм устойчивых отношений, например, к сожительству*. Определить момент создания семьи становится все сложнее. Изменение нормативной стратегии ее формирования от «брак – сексуальность – прокреация» к «сексуальность – партнерство/сожительство – брак – прокреация» или «сексуальность – партнерство/сожительство – прокреация – брак» подразумевает, что «ячейка общества» может существовать и без штампа в паспорте.

По результатам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE)» [8], две трети мужчин и женщин (72%), зарегистрировавших брак в 2010–2015гг., жили вместе с будущим мужем/женой в среднем 1–3 года без официального оформления отношений (табл. 6). Следствием данного процесса становится расширение границ брака и разнообразие брачных практик молодой семьи. Вместе эти тенденции (откладывание брака, рождение детей, распространение сожительств) делают дискуссионным вопрос об определении молодой семьи [9].

Сегодня супружеские отношения молодых могут быть зарегистрированы и нет, первыми и повторными, с совместным проживанием и без него. Безусловно, наиболее распространенным вариантом остается официальный брак. Так, большинство респондентов межрегионального исследования «Молодая семья в современной России» на момент опроса состояли в браке

(61%), но для 7% респондентов брак был повторным, а почти в трети случаев (29%) молодые жили без регистрации отношений, остальные 3% воспитывали детей вне супружеского союза. Молодая семья, как правило, малодетна.

Т а б л и ц а 6

Продолжительность сожительства до брака
(с учетом года вступления в брак), %

Год заключения брака	Продолжительность сожительства				
	не жили вместе до брака	меньше года	1-3 года	3-5 лет	5 лет и больше
1969 и ранее	90	6	2	1	1
1970-1979	85	12	3	—	—
1980-1989	78	14	5	2	1
1990-1999	63	19	12	4	1
2000-2009	37	23	21	8	6
2010 и позже	28	28	22	8	7
Всего на 2015	62	18	11	4	3

Тенденция снижения рождаемости проявляется в малодетности молодой семьи. Супружество, в том числе зарегистрированное, не всегда ведет к рождению детей. Почти треть опрошенных (30%) межрегионального исследования не имеют детей, чуть меньше половины (45%) – успели родить только одного ребенка, четверть (23%) – воспитывают двоих и всего 2% – троих детей. Каждый пятый респондент отметил, что больше не хочет иметь детей, считая, что репродуктивные потребности вполне удовлетворены. В числе причин, ограничивающих репродуктивные возможности, молодые люди в первую очередь указывают на материальные трудности (66%), неуверенность в завтрашнем дне, беспокойство за будущее детей (40%). Индивидуализация, значимость гедонистических ценностей, желание профессиональной реализации расширяют спектр факторов, негативно влияющих на рождаемость. Молодые говорят о нежелании ограничивать свободу, проблемах совмещения профессиональной деятельности и родительства, рассматривают детей как дополнительную нагрузку. Постепенно родительство и профессия становятся конкурирующими сферами, а поиск баланса между трудовыми и семейными обязанностями – необходимостью для российской молодой семьи.

Межрегиональное исследование позволило выявить и другие проблемы современной молодой семьи. Молодая семья является конфликтным образованием, что не удивительно, так как именно начало совместной жизни

требует от супругов адаптации собственных планов к особенностям совместной жизни и друг к другу, выработки общих норм, принципов, правил взаимодействия, очерчивания прав и обязанностей каждого. Чаще всего причинами конфликтов становятся вопросы взаимоотношений (ревность, справедливость, забота), вредные привычки и черты характера партнера. Споры и ссоры также связаны с вопросами организации свободного времени, распределения обязанностей, нехватки денежных средств (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Причины семейных конфликтов, %*

Вопросы взаимоотношений с партнером/партнершей (ревность, справедливость, забота)	23
Вредные привычки Ваши или Вашего партнера/партнерши	21
Организация свободного времени	18
Черты характера Ваши/Вашего партнера/партнерши	18
Распределение обязанностей (например, домашние дела, уход за детьми)	15
Нехватка денежных средств	15
Желание уделять время и силы работе, учебе для Вас или Вашего партнера/партнерши	13
Вопросы воспитания детей или обращение с детьми	13
Различные интересы и предпочтения	13
Взаимоотношения с родителями/ родственниками	13
Круг общения (друзья)	11
Неготовность к браку	9
Проблемы в интимной сфере	6
По национальным / религиозным вопросам	5

* Суммарный процент ответов респондентов, оценивших частоту возникновения конфликтных ситуаций как «часто» и «очень часто».

Стоит отметить, что при разрешении конфликтных ситуаций далеко не всегда используются конструктивные методы, что может обострить существующие противоречия, перевести их в разряд хронических. Лишь каждый второй готов к обсуждению проблемы, стремясь не только обозначить свою позицию, но и выслушать мнение противоположной стороны. Треть вполне допускает оскорбления, игнорирование, крик, а в семи случаях из ста ситуация доходит до рукоприкладства.

Трудности адаптации на начальном этапе существования семьи сказываются на самооценке семейных отношений, ее устойчивости. Так, согласно результатам опроса, 20% респондентов уже задумывались о разводе.

В современной молодой семье, как правило, работают оба родителя. Большинство молодых людей (60%) работают на полную ставку, каждый седьмой получает высшее образование, каждый десятый сидит с ребенком, находясь в отпуске по уходу и только 7% не работают.

В среднем, рабочее время опрошенных составляет 38 часов, т.е. полную рабочую неделю, 25% работают менее 35 часов в неделю, а более 30% трудятся больше, чем допускает Трудовой кодекс. Такая ситуация, особенно при наличии детей, еще раз подчеркивает необходимость сочетания семейных/родительских и профессиональных обязанностей, что в современных условиях не так легко.

Сложная ситуация на рынке труда затрагивает и молодые семьи. Молодые люди боятся потерять работу, чуть более 30% признаются, что найти хорошее место не просто, и только каждый пятый уверен в себе, подчеркивая, что найти что-то другое не составит труда.

Полная трудовая занятость большинства молодых людей еще не гарантирует высокого дохода. Большинство домохозяйств в среднем имеют в распоряжении чуть больше 50 тыс. руб., что для семьи с ребенком не много. На грани прожиточного минимума живет каждая четвертая семья (23%), совокупный доход таких семей не более 30 тыс. руб. Бюджет каждой седьмой семьи (14%) составляет от 60 тыс. руб. до 90 тыс. руб., лишь 6% семей зарабатывают свыше 90 тыс. руб. В результате, большинство респондентов могут позволить качественное питание и одежду, но только 30% способны оплатить образовательные и медицинские услуги, каждый шестой – качественный отдых. Покупка новой машины и квартиры по-прежнему остаются недоступны для большинства.

Сложности/проблемы/трудности молодой семьи приводят к необходимости обращения к посторонней помощи. Отдельное проживание большинства молодых пар не всегда означает их полную самостоятельность. Чаще всего молодым помогают родители обоих супругов. Помощь может быть физической, финансовой, моральной/эмоциональной. С одной стороны, это опровергает тезис сторонников кризисной концепции семьи о разрыве поколений как следствии процесса нуклеаризации. С другой стороны, субъектность молодой семьи оказывается под сомнением, так как она на начальном этапе не может полноценно справляться со своими обязанностями. Каждый третий респондент пользуется помощью родственников часто или регулярно. Как правило, это финансовая поддержка, ею пользуются более 30% респондентов, а также помощь в уходе за детьми (38%). При возникновении сложных ситуаций для молодых людей основным авторитетом остаются

родители, треть респондентов «часто» и «очень часто» обращаются к ним за советом в вопросах воспитания ребенка, решении личных проблем.

Молодежь, ее отношение к семье и сама молодая семья сегодня существенно меняются. Процессы, характерные в целом для семейно-брачной сферы, конечно, не могли не коснуться этапа ее формирования. Общественные трансформации, происходящие в том числе в России в конце XX начале XXI вв., и новые социально-экономические условия, которые они создали, ускорили формирование и впоследствии закрепили альтернативные, ставшие сегодня фактическими нормативными семейные стратегии и практики. Они предопределяют откладывание создания семьи (вступление в брак/регистрацию отношений), допустимость и даже желательность сожительства на начальном (бездетном) этапе существования пары, а также возможность существования таких союзов как самоценных, вообще не ориентированных на формальное закрепление. Формирование семьи в более позднем возрасте предполагает и смещение календаря рождений на более поздний срок, уменьшение числа детей в семье, хотя детоцентризм как обязательность наличия хотя бы одного ребенка, по-прежнему остается важной характеристикой семьи для молодых. Постепенно, очень медленно меняется и характер внутрисемейных отношений. Стремление к равенству в отношениях супругов при распределении родительских, и не только, обязанностей четко фиксируется на уровне представлений молодых людей. Безусловно, данные изменения не может не сопровождать шлейф новых проблем и противоречий, конфликтных ситуаций, которые затрудняют выполнение молодой семьей ее основных функций.

Молодое отцовство: некоторые тренды

Наиболее яркого проявления преобразовательные процессы в сфере родительско-детских отношений достигли в развитии субинститута отцовства. Трансформация отцовства характеризуется переходом от традиционного (патриархального, отсутствующего, инструментального) к современному (плюральному, ответственному, экспрессивному) типу и производится в трех проекциях: трансформация института семьи, трансформация маскулинности, трансформация родительства в целом и материнства.

Молодое отцовство является восприимчивым к инновациям и одновременно гибким, адаптивным, поскольку вбирает в себя часть установок своих «советских» отцов, усвоивших уроки 1990-х гг., и инкорпорируется в актуальные тенденции в сфере семейно-брачных отношений.

Можно условно выделить три основных подхода к определению и изучению молодого отцовства [10; 11]:

- по возрасту самого отца (возрастные границы установлены на отметке 35 лет);
- по возрасту ребенка;
- по этапу жизненного цикла семьи («совсем молодые семьи» – до 4 лет и «молодые семьи» до 5–9 лет).

Соответственно, можно говорить о социальных практиках молодых (незрелых) отцов, отцов, воспитывающих детей младшего дошкольного возраста, отчимов, недавно усыновивших ребенка или создавших повторную семью.

Как показывают материалы исследований по теме, в том числе авторских интервью с отцами, воспитывающими детей в различных типах семей, проведенных в 2015–2018 гг. (N=45), данная отцовская общность принимает и воспроизводит новые паттерны поведения:

- Сознательно отложенное родительство, причем в качестве причин или мотивов могут выделяться как инфантилизм, нежелание расширять сферы ответственности, неготовность стать отцом, так и приобретение желаемого/оптимального образовательного, профессионального, материального и социального статусов и стремление «встать на ноги», обзавестись собственным (или, по крайней мере, отдельным) жильем, обеспечить высокий уровень жизни своей семье [12].

Я вообще такой человек, что люблю какой-то график, план, пусть небольшой, с отступлениями, но, тем не менее, какой-то график у меня все равно в голове есть. Мама родила меня в 32. То есть, я поздний и единственный ребенок в семье, но я очень благодарен своим родителям и нисколько не жалею, что так получилось. Я просто считаю, что чем взрослее человек, тем больше он может дать ребенку, потому что он гораздо опытнее, нежели мамы и папы в 20 лет, например. Может быть, опыт моих родителей как-то тоже на меня подействовал. Не сразу я на это решился, только буквально, наверное, года 2 назад я начал осознавать, что мне нужен ребенок. До этого у меня таких мыслей в голове не было, я боялся трудностей: финансовых, временных. (М., 29 лет, воспитывает 8-месячного сына в полной первобрачной семье).

- Эгалитарное родительство (гендерно-сензитивный, симметричный подход к распределению родительских и бытовых обязанностей, который культивируется за счет конструирования «новой», множественной

маскулинности [13], гендерных контрактов и реализации гендерных режимов [14]).

У нас нет четкого разделения обязанностей, например, посуду помыть могу и я, и она, приготовить поесть может как она, так и я. К слову, готовить Вера <партнерша> не любит, а для меня это любимое занятие: проснулся утром, сковородку в руки, и все довольные и сытые. Уборкой в основном занимается Вера, но бывает и такое, что прибираюсь я. Может быть, некоторые скажут, что это все чисто женская работа, но я так не считаю. Уборка, стирка, глажка – все это отнимает столько же сил и времени, как и любая физическая работа. Да и вообще я не заставляю ее ничего делать. Она уже взрослый человек, взрослая мать и должна сама понимать, что ей нужно делать (М., 32 года, воспитывает пасынка в сожительстве, биологических детей нет).

– Генетически установленное отцовство (с развитием тестирования ДНК).

– Планируемое и подготовленное отцовство (мотивация родительства при поддержке супруги/партнерши во время беременности и в рамках папашкол, курсов для будущих и молодых родителей [15; 16; 17; 18]; чтение специальной литературы и статей; общение на тематических форумах), при котором дети воспринимаются как ценность и витальная необходимость. При этом отцовство не обеспечивает априорной защиты от семейных рисков: конфликтов, распада супружеского союза [16].

У нас очень долгожданный сын. Первая дочь... ну, девочка, родилась недоношенной, 5-месячной. Она 5 суток под аппаратами лежала, но, как врачи говорили, была не жизнеспособна. Поэтому я и говорю, что Сава – долгожданный ребенок. Мы его очень ждали, очень надеялись, что он будет здоровым. Когда он родился, я вообще был на 7-ом небе просто от счастья (М., 27 лет, воспитывает 8-месячного сына в полной первобрачной семье).

В отношении дочки маленькой это решение было такое – дети растут, а мы рано поженились (мне 19, ей 18 было), поэтому не хотели в 45-48 лет оставаться одни. Мы всю жизнь жили для детей, поэтому если не дети, то внуки, а посмотрев на наших старших, которые (один уже в прошлом году женился) занимаются магистратурами, своими делами... (М., 44 года, 4 года назад в 4-ый раз стал отцом, воспитывает детей в полной первобрачной семье).

Жена очень долго не могла родить ребенка. Лечилась у врачей. И вот, наконец-то... Дочь была очень долгожданной (М., 29 лет, общается с дочерью после развода).

Пришли осознанно как к первой дочке, так и ко второй. Это просто лишняя страховка в жизни. Когда их (детей) двое, лучше, так как они занимают максимум времени твоего...от них все-таки получаешь любовь... приходишь домой, тебя кто-то ждет, бежит к тебе быстрее, обнимает, целует (М., 34 года, воспитывает 2-х дочерей в полной первобрачной семье).

– Социально и публично активное отцовство (организация и участие в гражданских родительских (отцовских) сообществах), которое демонстрирует, с одной стороны, внутренний императив, направленный на осознание проблем и желание их решить, грамотное структурирование семейных и индивидуальных потребностей, желание повысить ресурсность семьи, с другой – внешний императив, означающий выстраивание и трансляцию собственной модели маскулинности, стремление делиться опытом и самореализовываться в публичной сфере.

Родителей, особенно мужиков, совет отцов, воспринимают как тяжелую рабочую силу для ремонта, для таскания и для чего-то такого, где не нужно включать интеллект. Мы ломаем стереотип и говорим, что мужчина – двигатель прогресса, тот компас, который задает направление семье. Мы являемся тем самым активным примером, который позволяет детям ориентироваться в обществе. То есть, они не то чтобы социализируются в наших проектах, они, глядя на пап, на свои примеры, сами становятся нормальными мужиками, которые в дальнейшем создают семьи. Мужики <из состава Совета отцов> сами иногда скучают от того, что какие-то собрания не прошли, где-то не поучаствовали. (М., 44 года, воспитывает четверых детей в полной первобрачной семье, является председателем Совета отцов г. Нижнего Новгорода).

– Самостоятельное сознательное отцовство (имеются в виду случаи внебрачного или постбрачного отцовского монородительства вследствие обращения не состоящим в актуальном супружеском союзе мужчиной к суррогатным матерям или в органы опеки с целью усыновления ребенка, успешного окончания борьбы в суде за совместное проживание и воспитание ребенка после развода). Еще несколько десятилетий назад судебные прецеденты передачи ребенка после развода отцу были исключительными или попросту вопиющими, созданными в основном богатыми и/или известными мужчинами, в руках которых дети порой оказывались средством манипуляции. Сегодня доля таких решений неуклонно растет [19]. Смена семейного статуса, образование новой семейной структуры после развода, согласно одному из подходов к изучению молодого родительства, может рассматриваться как

обретение мужчинами довольно зрелого возраста «второй молодости». Причинами роста отцовской родительской активности в ситуации развода могут служить:

✓ асоциальное, нестабильное поведение матери. Поскольку в целом это весьма острая проблема, комментируют ее как молодые, так и взрослые мужчины, обладающие более богатым жизненным опытом;

Не так давно я начал планировать иск в суд о направлении ее <бывшей супруги> на экспертизу. Суд пока не принял официально решение, но фактически он склоняется в нашу пользу. Мы добиваемся не лишения ее материнства, а чтобы ее обследовали, полечили. Я же детей спасти хочу! Я же не свои какие-то обиды потащил туда, помои лить. Меня интересует, что происходит с детьми. Потому что если их сейчас бросить, оставить в ее лапах, то дети станут... просто-напросто шизофрениками. Астма у них уже, которая, я уверен, пройдет очень быстро, если психологические проблемы снять, оградить от стресса, обеспечить покой, прогулки, назначенное врачами лечение и т.д. То, что сейчас происходит, им не по уму и не по возрасту. Поэтому я и хочу взять инициативу в свои руки, защитить детей, дать им нормальные условия для жизни, учебы, без посторонних личностей (М., 57 лет, борется за право воспитания детей после развода).

Возможно, это связано с тем, что девочки, девушки стали очень требовательными, меркантильными, расчетливыми, ищут, где больше выгоды... может, быть матерью перестало быть модно? Много стало в порядке вещей, а мужик пока остается... как это сказать... старомодным оплотом... ну, мужики иногда сейчас ответственнее. (М., 41 год, воспитывает сына в длительном сожительстве).

Изменился порядок вещей. Мне кажется, что я стал чаще слушать, что мамы хотят делать больше карьеру, чем заниматься ребенком. То есть, появились отцы, которым приходится делать все самим. (М, 29 лет, воспитывает 8-месячного сына в полной первобрачной семье).

✓ возможности для обеспечения детям более высокого уровня жизни после развода.

Я доказал суду, что она плохая мать, постоянно забирала ребенка в деревню, не предупреждая меня. Когда она устраивала скандалы, приглашал соседей. Предоставил суду справки с места работы, что зарабатываю больше, чем она, собрал характеристики с мест работы, от тех же соседей, к тому же я являюсь ответственным квартиросъемщиком и оплачиваю коммунальные услуги, долгов не имел и не имею. Суд принял мою сторону (М., 38 лет, самостоятельно воспитывает сына после развода).

– Вовлеченное или ответственное отцовство, которое квалифицируется частью стратегии баланса семьи и работы в современных двухкарьерных семьях [20; 21; 22; 23].

– Самореализация в роли отца (в условиях значимости для молодежи самореализации как ценности родительство должно представлять собой площадку для самоактуализации [24], развития человеческого потенциала и социального капитала). Такие мужчины, как правило, охотно участвуют во внутрисемейных процессах, в том числе заботе о детях.

Для мужчины не должно быть ничего важнее семьи и детей, я считаю. Да, карьера, деньги, покупки, развлечения – это все тоже важно, но для кого и зачем это нужно? В жизни мужчина должен состояться как отец. (М., 27 лет, воспитывает сына в полной первобрачной семье).

В зависимости от родительского стажа (то есть, возраста детей) и соответствующего этапа жизненного цикла семьи можно выделить [25; 26] социальные практики отцов детей раннего возраста, в которых превалируют социальные и профессиональные траектории над отцовско-детским взаимодействием, отчуждение и скудность отцовско-детских контактов вследствие адаптационного стресса, связанного со статусно-ролевыми изменениями, увеличением домашней нагрузки и перераспределением функций [26]. Предпочтительной формой отцовской родительской вовлеченности является игровая, поэтому интерес к родительству у мужчин растет по мере взросления ребенка, расширения их сознательности, умений и навыков.

Сейчас он <сын> ползает, пытается вставать, какие-то звуки издавать. Он стал гораздо интереснее! Ну, и вообще он много перемещается, а раньше он только лежал на руках, и понять, что ему нужно, мне было практически невозможно. В любом случае, чем взрослее он будет, тем больше желания будет с ним проводить время. Раньше мне хотелось уйти из дома на работу быстрее, потому что реально было тяжело первое время. Эмоционально тяжело, хотя основная нагрузка ложилась на супругу, я отдыхал по сравнению с ней. Но сейчас мне хочется побыстрее прийти с работы домой, чтобы на него посмотреть. Я очень много пропускаю за то время, что я на работе. Какие-то этапы его развития... Да, навыки... Приходишь со смены, а он уже что-то умеет. (М., 29 лет, воспитывает сына в полной первобрачной семье).

У отцов детей дошкольного возраста наблюдается укрепление отцовско-детских отношений, проявление лояльности через снижение авторитарности и контроля, большей ответственности и доступности. Достижение детьми

младшего школьного возраста помогает в большей степени реализации отцами функции контроля, мотивационной и партнерской активности.

Молодое отцовство представляет собой динамично развивающийся социальный феномен, комплекс различных родительских практик мужчин. Безусловно, молодые отцы подвержены социальным трендам, изменениям и новациям: принятие и реализация альтернативных форм супружеских и родительско-детских отношений; эгалитарное распределение бытовых и родительских обязанностей, поддержание модели двухкарьерной семьи; развитие рефлексивного, мотивированного, инклюзивного отцовства и технологий, сервисов, содействующих поддержанию и воспроизводству таких социальных практик. Кроме того, для одних мужчин создание семьи и рождение ребенка являются своеобразным стрессом, минимизировать который призваны внутренние адаптационные механизмы и резервы, ближайшее окружение (прежде всего, супруги/партнерши), общество в лице семейной политики, для других – высшая цель, социетальная потребность, возможность для самоопределения и самоутверждения. Готовность к отцовству во многом определяет дальнейшие успехи на пути становления мужчины в качестве родителя, однако не всегда является залогом стабильных и крепких семейных уз. В целом отцовство – конструируемая, наполняемая социальная практика, которая может как развиваться, так и деградировать на разных этапах жизненного цикла и самой семьи, и индивида.

Литература

1. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования (электронный журнал). 2014. Апрель. URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273>.
2. Голод С.И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 2. С. 20–38. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/24/1251426212/Golod_2012_2.pdf.
3. Егорова Н.Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 18–32.

4. ВЦИОМ. Уровень счастья в России–2016. Результаты регулярного мониторинга уровня счастья россиян. Пресс-выпуск № 3258. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115976>.
5. Ростовская Т.К. Процессы институализации молодой семьи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2 (26). С. 84–90.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=171835&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6252899961317144#011718810875206676>.
7. Российский статистический ежегодник. 2010, 2016, 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078.
8. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS–HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)». 24-ая волна, репрезентативная выборка «индивиды», 2015 г.
9. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е. Молодая семья в контексте социологии семьи // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17. № 3-4. С. 195–206.
10. Молодая семья в современном обществе: методическое пособие для специалиста по социальной работе с семьей и молодежью // Е.В. Рыбак, Н.Г. Слепцова, А.Б. Федулова, Н.В. Цихончик. Под общей ред. Е.В. Рыбак. М.: ООО «ТР-Принт, 2016. 150 с.
11. Ржаницына Л.С. Молодые семьи с детьми: кто такие, как живут, чего хотят // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 85–94.
12. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 19–43.
13. Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29–41.
14. Липасова А.Н. Отцовство в гендерных режимах развитых стран // Женщина в российском обществе. 2016. № 2(79). С. 34–47.
15. Безрукова О.Н. Практики ответственного отцовства: «папа-школа» и социальный капитал // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 3. С. 266–275.

16. Гурко Т.А. Отцовство в молодых семьях и после развода // Актуальные проблемы родительства в России / Отв. ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 52–72. 1 CD-ROM.
17. Кузьмина Л.М. Проблемы отцовства в молодой семье // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4-4. С. 114–119.
18. Малышев А.Г. Влияние гендерно-чувствительных социальных сервисов (папа-школ) на вовлечение отцов в заботу о детях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1(45). С. 80–90.
19. Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. № 17 (372). Право. Вып. 43. С. 89–94.
20. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 97–102.
21. Исупова О.Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 185–194.
22. Римащевская Н.М., Малышева М.М., Пискалова-Паркер М.П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества // Народонаселение. 2017. № 2. С. 28–41.
23. Янак А.Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2(50). С. 124–131.
24. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. № 6. С. 85–90.
25. Севастьянова У.Ю. Особенности отцовства мужчин с разным родительским стажем // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. № 4. С. 39–42.
26. Токарева Ю.А. Типология отцовства и характер воспитательной деятельности родителя // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 5. С. 154–160.

1.3. СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Рассматриваются особенности социальной адаптации молодых трудовых мигрантов в России. Основу данного анализа составляют данные Федеральной службы государственной статистики и результаты исследования «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE) за 2008–2017 гг. Особенности адаптации и интеграции молодых мигрантов в российском обществе рассматриваются с точки зрения образовательной, брачной и профессиональной адаптации. Молодые трудовые мигранты составляют особую категорию молодежи России, имея собственные характеристики.

Ключевые слова: молодые трудовые мигранты, социальная адаптация, образовательная миграция, профессиональная адаптация, занятость, молодежь, работодатель.

Миграция как многовековое явление остается актуальным социальным процессом в настоящее время. Мигранты прибывают в другие страны по разным причинам – работа, открытие бизнеса, учеба, долгосрочный туризм, длительное лечение, другим причинам (например, воссоединение с семьей).

В 2015 г. в мире насчитывалось 244 млн. международных мигрантов. Почти 58% всех международных мигрантов проживали в развитых регионах, а на долю развивающихся регионов приходилось 42% от общемирового количества. В период с 1990 по 2015 гг. численность международных мигрантов в мире увеличилась более чем на 91 млн., или 60%. Почти две трети всех международных мигрантов в 2015 г. проживали в Европе (76 млн.) и в Азии (75 млн.). В Северной Америке находилось третье по численности сосредоточение международных мигрантов (54 млн.), а дальше следовали Африка (21 млн.), Латинская Америка и Карибский бассейн (9 млн.) и Океания (8 млн.) [1].

Согласно статистическим данным Главного управления по вопросам миграции МВД России (ГУВМ МВД России), в 2017 г. было поставлено на миграционный учет 12 001 072 мигранта, снято с миграционного учета 7 917 083 мигранта. Таким образом, миграционный прирост в России в 2017 г. составил 4 083 989 человек [2].

В большинстве случаев в Россию мигранты прибывают с целью работы (3 779 411 человек), туризма (2 125 672 человека), с частной целью, т.е. лечение, проезд к родственникам (1 517 040 человек), с иной целью, например,

служебная командировка в составе делегации, воссоединение семьи (584 114 человек), учебы (331 638 человек) [2].

Часто миграционные потоки подразделяются по своим целям на два типа: экономические и социальные. К социальной миграции можно отнести брачную миграцию, образовательную и учебную миграцию, религиозную миграцию (паломничество), миграцию с целью воссоединения семьи, с целью туризма, отдыха и лечения, этническую миграцию, репатриацию [3, с. 123].

Если говорить о переезде молодых мигрантов в Россию, то в большинстве случаев это те молодые мигранты, которые приезжают с целью работы (трудоустройства в России) или обучения (получение первого или второго высшего образования, стажировки, программы обмена, реже – курсы повышения квалификации или программы профессиональной переподготовки). Данный вид миграции называют образовательной (учебной) миграцией. Образовательная миграция обусловлена удовлетворением потребности в получении образования и повышении уровня квалификации. Образовательная миграция включает в себя обучение в ссузах, вузах, стажировки, программы и курсы дополнительного образования, а также другие формы повышения квалификации [3, с. 123].

Согласно статистическим данным ГУВМ МВД России, 331 638 человек приехало в Россию в 2017 г. с целью обучения в средних специальных и высших учебных заведениях. Больше всего учебных мигрантов в Россию приехало из Казахстана (60 053 чел.), Китая (43 181 чел.), Таджикистана (23 306 чел.), Узбекистана (23 099 чел.), Украины (21 288 чел.), Туркмении (20 390 чел.), Азербайджана (10 344 чел.) и Индии (9 445 чел.). Чуть меньше учебных мигрантов приехало в Россию из Республики Молдова (7 545 чел.), Армении (6 131 чел.), Монголии (5 698 чел.), Ирака (5 432 чел.), Беларуси (4 363 чел.), Вьетнама (4 119 чел.), Марокко (3 788 чел.), республики Корея (3 251 чел.), Египта (2 790 чел.) и Германии (2 689 чел.) [4].

Менее 1000 учебных мигрантов приехали в Россию в 2017 г. из таких стран, как Шри-Ланка (971 чел.), Афганистан (970 чел.), Финляндия (922 чел.), Колумбия (891 чел.), Эквадор (811 чел.), Грузия (859 чел.), Литва (808 чел.), Польша (771 чел.), Гана (748 чел.), Либерия (699 чел.), Камерун (636 чел.), Тайвань (Китай) (610 чел.), Болгария (634 чел.), Конго (601 чел.), Мьянма (568 чел.), Мексика (609 чел.), Сербия (599 чел.), Танзания (553 чел.), Чешская республика (501 чел.), Саудовская Аравия (500 чел.), Кот-д'Ивуар (484 чел.), Япония (473 чел.), Судан (451 чел.), Словакия (440 чел.), Замбия (428 чел.), Южная Африка (422 чел.) [4].

Категорию миграция рассматриваем как перемещение людей в Россию из других государств с целью изменения постоянного или временного проживания. Мигрант – лицо, совершившее территориальное перемещение в Россию через границы тех или иных государств с переменой места жительства навсегда или на длительное время по определенной причине.

В законодательной базе России и других стран пока не закреплено понятие молодого мигранта. Молодой мигрант относится к категории «молодежь». Возрастные рамки молодежи в каждой стране варьируются.

Всемирная программа действий в интересах молодежи Организации Объединенных Наций определяет молодежь как людей в возрасте от 15 до 24 лет [5]. В зарубежных странах понятие «молодежь» определяется исходя из различных компонентов и подходов не только возрастных рамок, но и традиций. В разных странах используются разные концепции определения понятия «молодежь». В Нидерландах и Англии молодежь не выделяется в особую группу, а объединяется вместе с детьми в возрастных рамках от момента рождения до 25 лет. В Испании молодежь определяется возрастом 14–30 лет, нередко отодвигая границы до 32–34 лет. Это можно объяснить тем, что именно в этом возрасте испанская молодежь начинает вести самостоятельную, экономически независимую жизнь.

В Люксембурге для определения молодежного возраста установлены границы 15–25 лет. Современные возрастные границы понятия «молодежь», принятые в большинстве европейских стран, США и Японии, определяются в интервале от 13–14 до 29–30 лет. В Германии дается четкая возрастная градация молодежи: ребенок (до 14 лет), подросток (от 14 до 18 лет), молодой совершеннолетний (от 18 до 22 лет), молодой человек (до 27 лет). Анализ германского законодательства позволяет сделать следующий вывод: в период 14–27 лет происходят весьма важные события в жизненном цикле человека: завершение общего образования, выбор профессии и получение профессионального образования, начало трудовой деятельности, служба в армии, вступление в брак, рождение детей. За относительно короткий промежуток времени молодой человек несколько раз переживает смену своего социально-демографического статуса. Нижняя возрастная граница определяется тем, что с 14 лет наступает физическая зрелость, и человек может заниматься трудовой деятельностью (период выбора – учиться или работать). Верхняя граница определяется достижением экономической самостоятельности, профессиональной и личной стабильности. У разных народов в разные эпохи возрастные границы молодежи различны [6, с. 22–23].

В настоящее время, согласно российскому законодательству, к молодежи относятся лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Возрастные границы молодого ученого в России варьируются до 35 лет (кандидат наук) или до 40 лет (доктор наук). Молодые трудовые мигранты в России попадают в возрастные рамки от 18 до 35 лет, поскольку трудоустройство на полную занятость (полный рабочий день) в России возможно для мигрантов так же, как и для граждан старше 18 лет по Трудовому кодексу РФ. Следовательно, возрастные границы молодых трудовых мигрантов составляют 18–35 лет.

В данной работе оперируем следующим определением молодого трудового мигранта – лицо в возрасте от 18 до 35 лет, совершившее территориальное перемещение в Россию через границы тех или иных государств с переменой места жительства навсегда или на длительное время с целью работы или иной трудовой деятельности (например, открытие бизнеса).

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики России, возрастной состав внешней миграции за период с 2008 по 2016 гг. достаточно близок аналогичным характеристикам внутренней миграции, в том числе в динамике (миграционное сальдо внутренних мигрантов моложе трудоспособного возраста составляет 18,4%, лиц трудоспособного возраста – 71,3%, лиц старше трудоспособного возраста – 10,3%). Возрастная структура внешней миграции и ее итоги за 2008-2016 гг. в целом весьма благоприятны, поскольку обеспечивается приток в Российскую Федерацию молодежи и лиц трудоспособного возраста. Вместе с тем настораживает увеличение во внешней миграции, особенно в ее сальдо, доли лиц старшего возраста, с учетом их особых потребностей, удовлетворение которых сопряжено с дополнительными расходами бюджетной системы Российской Федерации. Данное обстоятельство целесообразно принимать во внимание в рамках проводимой Российской Федерацией миграционной политики. Миграционное сальдо приезжих лиц моложе трудоспособного возраста составляет 11%, лиц трудоспособного возраста – 77,8%, лиц старше трудоспособного возраста – 11,2% [7, с. 23–24].

Статистические данные молодых трудовых мигрантов, прибывших из зарубежных стран в Россию в 2017 г., представлены следующим образом. В 2017 г. в Россию международных мигрантов в возрасте от 15 до 19 лет въехало 2 104 человека, от 20 до 24 лет – 622, от 25 до 29 лет – 87, от 30 до 34 лет – 602, от 35 до 39 лет – 544 человек. Среди них мужчин в возрасте от 15 до 19 лет – 1 347, женщин – 757; мужчин в возрасте от 20 до 24 лет – 516, женщин – 106; мужчин в возрасте от 25 до 29 лет – 286, среди женщин миграционного прироста не было (выбыло 199); мужчин в возрасте от 30 до 34 лет – 782, среди

женщин миграционного прироста не было (выбыло 180); мужчин от 35 до 39 лет – 618, среди женщин миграционного прироста не было (выбыло 74) [8].

В 2017 г. в Россию из стран СНГ в возрасте от 14 до 19 лет прибыло – 15 593, от 20 до 24 лет – 26 109, от 25 до 29 лет – 30 605, от 30 до 34 лет – 28 469, от 35 до 39 лет – 20 515 [8]. Среди них мужчин в возрасте от 15 до 19 лет – 9097, женщин – 6 496; мужчин в возрасте от 20 до 24 лет – 15 550, женщин – 10 559; мужчин в возрасте от 25 до 29 лет – 18 014, женщин – 12 591; мужчин в возрасте от 30 до 34 лет – 16 484, женщин – 11 985; мужчин в возрасте от 35 до 39 лет – 11 732, женщин – 8 783 [8]. Таким образом, в 2017 г. среди мигрантов из стран СНГ в трудоспособном возрасте в Россию прибыло 158 702, а среди мигрантов из других зарубежных стран – 5695 человек. Количество мигрантов старше трудоспособного возраста из стран СНГ в России в 2017 г. составляет 15 731, а мигрантов старше трудоспособного возраста из зарубежных стран – 893 человек [8].

Молодые трудовые мигранты, приезжающие в Россию, могут столкнуться с рядом проблем, которые вызывают трудности в их социальной адаптации. Во-первых, это может быть отказ работодателя в официальном трудоустройстве мигрантов. В добавлении к ужесточению контроля над въездом трудовых мигрантов в Россию усложнился порядок трудоустройства иностранных граждан. Работодатели не имеют мотивации не только в официальном трудоустройстве мигрантов (перечисление взносов в Федеральную налоговую службу РФ, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования), но и в прохождении бюрократических процедур при оформлении документов для трудовых мигрантов. Основным инструментом контроля над выплатой данных взносов являются достаточно большие штрафы, в случае неуплаты работодателем соответствующих налогов и взносов за трудовых мигрантов (размер штрафа колеблется от 400 тыс. руб. до 1 млн. руб., в некоторых случаях – приостановка деятельности предприятия, фирмы на срок от 14 до 90 суток [9]).

Во-вторых, не все мигранты приезжают в Россию, зная место своей будущей работы, а также имея оформленные документы, подтверждающие легальный статус нахождения мигранта на территории Российской Федерации. У мигрантов возникают проблемы с поиском работы, вследствие этого они на начальном этапе пребывания в России могут трудоустроиться на малоквалифицированные должности. Они могут получать заработную плату больше, чем в своей родной стране (в особенности это касается молодых трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Киргизии), но

иметь небольшие возможности карьерного роста и успешной профессиональной адаптации в России.

В-третьих, можно выделить проблему признания дипломов. Если диплом или сертификат об образовании (среднем, специальном, высшем, дополнительном), полученный в стране исхода, не признается в принимающей стране, то человек, который мог бы работать, например, врачом или инженером, работает грузчиком, дворником или вахтером в России. Дипломы о получении соответствующего среднего профессионального, высшего образования или профессиональной переподготовки не всех стран подтверждают специальность и квалификацию в России. Признание в России образования или квалификации, полученные за рубежом, регулируется Федеральным законом № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации».

Например, между Россией и Украиной действует ряд международных соглашений о взаимном признании документов государственного образца об образовании, ученых званиях и ученых степенях, выдаваемых на территории государств. Под их действие не подпадают документы об образовании и/или квалификации, выданные на Украине в период с 16.05.1992 г. по 26.05.2000 г. Таким образом, документ об образовании, подпадающий под действие международных соглашений, может быть признан в России без прохождения процедуры признания [9]. Следовательно, молодые трудовые мигранты, прибывшие в Россию на заработки, могут быть не удовлетворены малоквалифицированным трудом и низкой заработной платой, на которую они смогли трудоустроиться в связи с непризнанием диплома об образовании и квалификации. Они увольняются, начинают искать другую, более подходящую под их требования и притязания работу. Часто в подобной ситуации возникают трудности, мигранта не берут на работу по разным причинам – диплом об образовании или полученной профессии, а также документ, подтверждающий квалификацию, не признаются в России, отсутствует гражданство РФ или опыт работы в данной сфере.

В-четвертых, можно выделить проблему плохого знания русского языка и владения им в повседневной и профессиональной деятельности. На многих должностях, за исключением малоквалифицированного труда, от мигранта требуют хорошего владения русским языком. Молодому трудовому мигранту достаточно легко сдать комплексный экзамен и получить сертификат о владении русским языком, знаниями истории России и основ законодательства Российской Федерации. Однако минимальное знание языка и «натягивание» в процессе консультаций и занятий на правильные ответы в тесте не дают гарантии

хорошего знания и владения русским языком, а также соответствующие рабочие места, не связанные с малоквалифицированным трудом.

В-пятых, недостаток информации, низкий уровень информационно-просветительской политики на родине мигранта о вакансиях на российском рынке труда, доступном жилье, социально-правовой помощи и поддержки снижают шансы на своевременную и успешную социальную адаптацию в России.

В-шестых, можно отметить трудности с повышением квалификации или приобретением новой профессии в России. Курсы повышения квалификации, а тем более программы профессиональной переподготовки, работодатель редко оплачивает мигранту. Для мигранта стоимость данных курсов может оказаться дополнительным финансовым бременем к тем денежным затратам, которые идут на оформление документов, подтверждающих законный статус мигранта на территории России, оплату съемного жилья, комнаты в общежитии, покупку продуктов питания, предметов первой необходимости, одежды и обуви в соответствии с сезонами года.

Успешнее социальная адаптация происходит у высококвалифицированных специалистов-мигрантов в России. Они уже имеют заранее утвержденное место работы и должность, служебное жилье, определенные льготы, не говоря уже о более высоком уровне образования (высшее образование, наличие ученой степени) и знания русского языка или услуги переводчика, которую они получают в РФ бесплатно.

По данным Федеральной миграционной службы России (ныне – ГУВМ МВД России), в 2010–2012 гг. высококвалифицированным специалистам было оформлено 25 704 разрешения на работу. В географическом отношении поставщиками высококвалифицированных специалистов в Россию являются страны Ближнего зарубежья (Казахстан, Белоруссия, Украина, Молдова) и Дальнего зарубежья (Германия, Великобритания, Голландия, Швеция, Франция и Испания).

Наибольшее количество разрешений на работу оформлено специалистам из следующих стран: Германия – 1 079, Великобритания – 888, США – 856, Франция – 805, Турция – 534, Китай – 521, Украина – 460, Вьетнам – 388, Республика Корея – 381, Италия – 373, Сербия – 303, Япония – 292, Финляндия – 269, Нидерланды – 236, Канада – 196, Австрия – 191, Польша – 190, Швеция – 183, Индия – 175, Чехия – 150, Филиппины – 124, Израиль – 119, Австралия – 117, Казахстан – 110, Латвия – 105, Дания – 105, Ирландия – 100 [10, с. 76].

В Соглашении между Правительством России и Правительством Франции молодой специалист рассматривается как гражданин государства одной Стороны в возрасте от 18 до 30 лет, уже работающий или приступающий

к трудовой деятельности, который отправляется на территорию государства другой Стороны для улучшения своих трудовых перспектив и углубления своего знания общества принимающего государства благодаря приобретению опыта оплачиваемой работы на основании трудового договора, заключенного с работодателем государства другой Стороны.

Следует отметить, что в нашей стране статус молодого специалиста на федеральном уровне был утвержден только в 2014 г. Согласно «Основам государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р, к категории «молодой специалист» относят молодых граждан страны в возрасте до 30 лет (для участников жилищных программ поддержки молодых специалистов – до 35 лет), имеющих среднее профессиональное или высшее образование, принятые на работу по трудовому договору в соответствии с уровнем профессионального образования и квалификацией [11].

В соответствии с п. 27 ст. 13.2 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» высококвалифицированные специалисты имеют право оформить вид на жительство себе и членам своей семьи на срок действия трудового договора или гражданско-правового договора и разрешения на работу по его заявлению в письменной форме [12].

К льготам для высококвалифицированных специалистов можно отнести:

- обеспечение медицинского страхования как самого высококвалифицированного специалиста, так и членов его семьи, которые намереваются жить на территории РФ;
- служебное жилье;
- высокий уровень официальной заработной платы (около 2–2,5 млн. руб. в год и выше);
- налоговые льготы;
- бесплатное обучение (русский язык, повышение квалификации по специальности);
- услуги переводчика (бесплатно) [9, с. 77].

С 2008 по 2017 гг. можно наблюдать варьирующуюся динамику прибытия и проживания молодых мигрантов в стране. По сравнению с 2008 г. и 2009 г. в 2010 г. и 2011 г. доля молодых мигрантов увеличилась с 2,7% до 3,2%–3,6% соответственно. Начиная с 2012 г. по 2017 г. доля молодых мигрантов в России уменьшилась, по данным RLMS–HSE, с 2,8% до 2,2% соответственно [13].

Т а б л и ц а 1

Динамика изменения доли молодых мигрантов в общей численности лиц в возрасте от 18 до 35 лет в Российской Федерации, % [13]

Год	Немигранты	Мигранты
2008	97,3	2,7
2009	97,3	2,7
2010	96,8	3,2
2011	96,4	3,6
2012	97,2	2,8
2013	97,4	2,6
2014	97,7	2,3
2015	97,8	2,2
2016	98,1	1,9
2017	98,3	1,7

К мигрантам мы относим молодых людей в возрасте 18–35 лет, родившихся не в России, но проживающих на территории России после миграции менее 15 лет (на 2008 г.). По данным Федеральной службы государственной статистики России, общий миграционный прирост населения в 2017 г. составил в России 211 878 человек, или 0,15% от населения страны [7], что указывает на более активное миграционное поведение молодых людей, чем лиц старших возрастов.

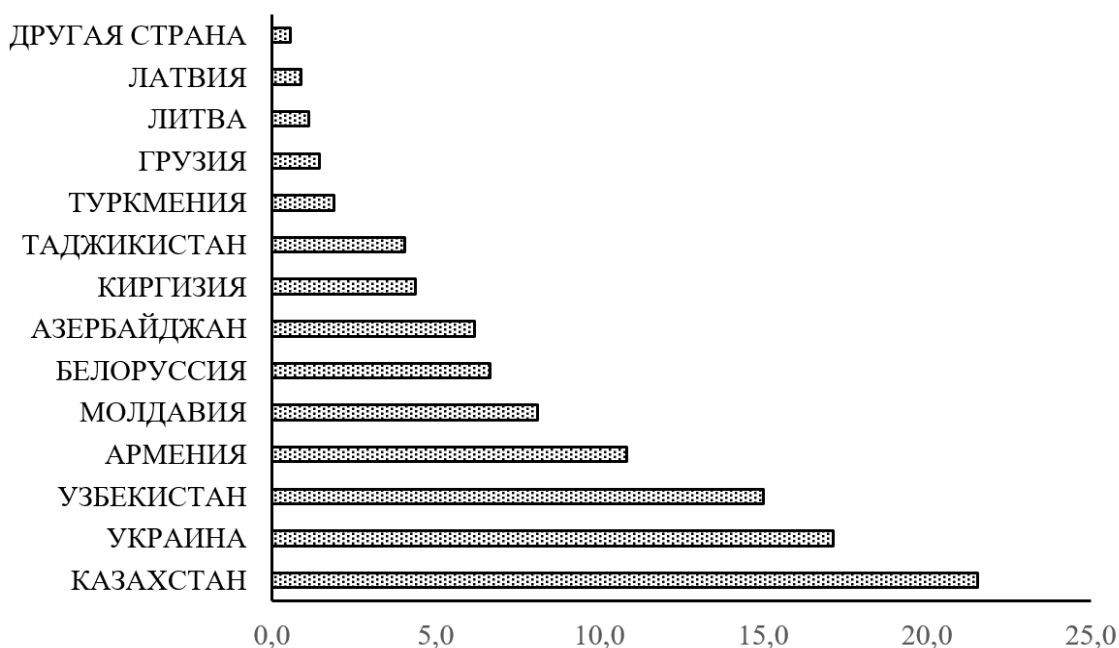

Рис. 1. Страны-поставщики мигрантов в период с 2008 по 2017 гг., % [13]

Наибольшее число молодых мигрантов, по данным RLMS–HSE, в период с 2008 по 2017 гг. прибыло в Россию из Казахстана (около 22%) от общего числа лиц молодых людей в возрасте 18–35 лет. Затем следует Украина (около 17%) и Узбекистан (около 15%). По данным Федеральной службы государственной статистики, в период с 2008 по 2017 гг. наибольшее количество мигрантов прибыло в Россию из Украины (23,6% от общего числа мигрантов стран СНГ вне зависимости от возраста) [2]. Узбекистан находится на второй строчке (18,4%), а Казахстан на третьей (13%). Страны-лидеры, поставляющие мигрантов в Россию, одни и те же – Украина, Узбекистан и Казахстан [14].

Среди молодых мигрантов не выявлено различий в количестве мужчин и женщин, приезжающих в Россию. Доля мужчин-мигрантов и женщин-мигрантов в период с 2008 по 2017 гг. были примерно равны (51% и 49% соответственно).

Рассмотрим основную составляющую социальной адаптации молодых трудовых мигрантов – работу. Статистически значимых различий включенности в трудовую деятельность молодежи 18–35 лет в группе россиян и мигрантов не обнаружено. В целом в период с 2008 по 2017 гг. доля работающих в этих группах находилась в пределах 60–61% (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Динамика изменения доли лиц, имеющих работу, среди жителей России и мигрантов в период с 2008 по 2017 гг., по данным RLMS–HSE, в % [13]

Год	Жители России		Мигранты	
	Работают	Не работают	Работают	Не работают
2008	58,0	42,0	53,4	46,6
2009	57,6	42,4	58,1	41,9
2010	62,8	37,2	57,0	43,0
2011	59,6	40,4	57,5	42,5
2012	60,0	40,0	57,5	42,5
2013	60,3	39,7	61,8	38,2
2014	56,9	43,1	64,4	35,6
2015	61,6	38,4	61,8	38,2
2016	62,3	37,7	63,9	36,1
2017	56,9	43,1	71,2	28,8

Вместе с тем, необходимо отметить различия в уровне включенности в трудовую деятельность молодых россиян-мужчин (около 63%) и мигрантов-мужчин (около 68%)¹. Относительно включенности в трудовую деятельность молодых женщин ситуация складывается иначе: доля молодых россиянок, участвующих в трудовой деятельности, составляет 61%, среди женщин-мигрантов – 52%² (табл. 3).

Т а б л и ц а   3

Динамика изменения доли работающей молодежи среди россиян
и мигрантов в возрасте 18–35 лет в зависимости от пола,
в период с 2008 по 2017 гг., % [13]

Год	Жители России		Мигранты	
	Работающие мужчины	Работающие женщины	Работающие мужчины	Работающие женщины
2008	66,7	49,2	63,6	44,3
2009	60,0	55,1	60,0	56,1
2010	69,4	56,3	67,0	45,7
2011	60,0	59,2	66,2	47,9
2012	62,8	56,8	65,6	48,2
2013	65,3	54,9	73,6	47,5
2014	55,1	59,3	72,7	55,1
2015	59,3	63,8	70,9	51,1
2016	53,8	70,8	73,9	51,4
2017	60,3	53,3	82,9	58,1

Второй составляющей (не по значимости) социальной адаптации молодых трудовых мигрантов являются их доходы. Статистически значимые различия по уровню доходов в ценах 2017 г. в группах молодых россиян и мигрантов в период с 2008 по 2017 гг. были выявлены только в 2011 г. (U Манна-Уитни = 13765,000, при $p < 0,05$) и 2016 г. (U Манна-Уитни = 3669, при $p < 0,01$). В денежном выражении превышение уровня дохода молодых мигрантов над молодыми россиянами в 2011 г. с учетом 95% доверительного интервала составляет 800–10 000 руб., в 2016 г. – 2 200–12 700 руб. Большой уровень доверительного интервала обусловлен небольшим наполнением анализируемых групп. Если рассматривать ситуацию в целом, а именно различие средних показателей в доходах молодых мигрантов и молодых жителей России в период с 2008 по 2017 гг., то ситуация складывается не в

¹ Хи-квадрат = 4,648944, при $p < 0,05$.

² Хи-квадрат = 10,927355, при $p < 0,001$.

пользу последних. Доходы мигрантов превышали доходы россиян в среднем на 2500–5800 руб. в месяц. Средний уровень индивидуального дохода молодых мигрантов в месяц в период с 2008 по 2017 гг. составил около 26 000 рублей, а у молодых россиян около 22 000 руб. в месяц (все в рублях 2017 г.). Зафиксированы статистически значимые различия в уровне индивидуального дохода молодых мужчин-россиян (около 26 500 руб.) и мужчин-мигрантов (около 30 500 руб.), но при этом различия в уровне доходов молодых женщин-россиянок и женщин-мигрантов не зафиксировано (18 000–20 000 руб.) [13].

Такая ситуация вполне объяснима. Основная цель приезда в Россию у мигрантов всех возрастов – это заработок. И эта цель реализуется всеми возможными средствами.

Статистически значимых различий в продолжительности рабочего дня молодых россиян и молодых мигрантов не выявлено, средняя продолжительность рабочего дня тех и других составляет в среднем около 9 часов.

Следующая немаловажная составляющая социальной адаптации молодых трудовых мигрантов в России – образование. Сравнение уровня образования молодых жителей России и молодых мигрантов в период с 2008 по 2017 гг. указывает на более высокий образовательный уровень коренных жителей. В ходе анализа были зафиксированы статистически значимые отличия (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Уровень образования жителей России и мигрантов возрасте 18–35 лет
в период с 2008 по 2017 гг., %¹ [13]

Уровень образования	Жители России	Мигранты
Неполное среднее	25,4	24,3
Общее среднее	26,7	34,8
Среднее специальное	22,8	19,4
Высшее	25,1	21,5

Уровень образования молодых россиян статистически значимо отличается от уровня образования их сверстников, приехавших в Россию из других стран. Доля лиц с высшим образованием среди россиян и мигрантов мужчин составляет соответственно 20,0% и 17,2%. Анализ уровня образования в анализируемых четырех группах немигрантов/мигрантов и мужчин/женщин показывает, что наиболее высоким уровнем образования обладают россиянки, затем следуют женщины-мигранты, далее – мужчины – жители России,

¹ Хи-квадрат = 22,906, при $p < 0,001$.

замыкают рейтинг с самым низким уровнем образования молодые мигранты-мужчины (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Уровень образования жителей России и мигрантов возрасте 18–35 лет,
в зависимости от пола, в период с 2008 по 2017 гг., % [13]

Уровень образования	Мужчины ¹		Женщины ²	
	Жители России	Мигранты	Жители России	Мигранты
Неполное среднее	29,8	28,2	22,1	20,3
Общее среднее	28,3	37,4	25,4	32,0
Среднее специальное	22,0	17,2	23,5	21,6
Высшее	20,0	17,2	29,1	26,0

Семейный статус молодых людей 18–35 лет как жителей России, так и мигрантов, примерно одинаков. Некоторые статистически значимые различия фиксируются по параметру «никогда не состоял в браке». Доля таких лиц несколько выше среди россиян, в то же время доля лиц, состоящих в первом зарегистрированном браке, статистически больше среди молодых мигрантов (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Динамика изменения семейного статуса молодых жителей России
и мигрантов в период с 2009 по 2017 гг., % [13]

Год	Никогда в браке не состояли		В первом зарегистрированном браке		В повторном зарегистрированном браке	
	Жители России	Мигранты	Жители России	Мигранты	Жители России	Мигранты
2009	50,9	52,5	33,3	38,5	4,6	4,1
2010	53,8	49,5	35,5	41,7	3,2	4,9
2011	54,5	48,1* ³	34,3	44,2*	1,7	3,8
2012	53,9	47,3	40,3	46,2	2,6	2,2
2013	59,5	42,5*	28,4	47,8*	6,8	5,2
2014	52,9	40,2*	34,3	46,7	5,0	5,6
2015	56,4	36,5*	30,8	52,9	1,5	3,8
2016	52,7	25,9*	32,6	62,4	1,6	4,7
2017	54,5	26,5*	33,0	57,4	5,4	4,4

¹ Хи-квадрат = 13,716, при $p < 0,01$.

² Хи-квадрат = 7,927, при $p < 0,05$.

³ Знак (*) указывает на наличие статистически значимых различий между долями жителей России и мигрантами (при расчетах использована статистика Хи-квадрат, $p < 0,05$).

Анализ состояния семейного статуса показывает отсутствие статистически значимых различий доли молодых россиянок (до 35 лет), состоящих в первом зарегистрированном браке, и доли молодых женщин-мигрантов с таким же семейным статусом (около 50% соответственно). Доли молодых людей, не состоящих в браке, среди россиян и мигрантов не имеют статистически значимых различий.

Не менее важной составляющей социальной адаптации молодых трудовых мигрантов является здоровье. Отсутствие периодов нетрудоспособности по болезни у молодых россиян и мигрантов позволяют работодателю не тратить дополнительные денежные средства на их лечение, а в некоторых случаях (например, производственная травма) на профессиональную реабилитацию. Здоровье является показателем трудоспособности человека. Сравнительный анализ состояния здоровья молодых россиян и мигрантов (18–35 лет) показал отсутствие статистически значимых различий по наличию хронических заболеваний в каждой из групп. Наиболее распространенными видами хронических заболеваний являются заболевания желудочно-кишечного тракта (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Наличие хронических заболеваний у молодых жителей России
и мигрантов, в период с 2008 по 2017 гг., % [13]

Хронические заболевания	Жители России	Мигранты
Хронические заболевания желудочно-кишечного тракта	9,2	8,6
Хронические заболевания позвоночника	6,1	7,8
Хронические заболевания почек	3,7	2,9
Хронические заболевания сердца	3,3	3,2
Хронические заболевания легких	2,2	1,8
Хронические заболевания печени	2,2	2,4
Хронические заболевания эндокринной системы, диабет или повышенный сахар крови	0,9	0,9

На уровне самооценок состояния здоровья респондентами анализируемых групп не зафиксировано статистически значимых различий у молодых россиян и мигрантов, около 62–63% оценивают свое здоровье как хорошее или очень хорошее и только 2–3% говорят о плохом или очень плохом здоровье.

В ходе анализа результатов опроса 2008–2017 гг. не зафиксировано различий в долях молодых россиян и молодых мигрантов в приверженности вредным привычкам: в обеих группах около 70% респондентов заявили, что

употребляли спиртные напитки в течение последних 30 дней, а склонность к курению признают около 30% молодых людей в целом. В зависимости от пола респондента статистических различий также не зафиксировано: доля употребляющих алкоголь среди мужчин-россиян и мужчин-мигрантов составила около 74%, среди женщин – около 68%; курение – около 47% и 17% соответственно.

Кроме работы, уровня образования, состояния здоровья, семейного положения в социальной адаптации молодых трудовых мигрантов важна правовая защищенность и их удовлетворенность жизнью. В целом уровень оценки удовлетворенности жизнью и уровень правовой защищенности российской молодежи и мигрантов статистически значимо отличаются по обоим параметрам (табл. 8). Неудовлетворенность жизнью характерна для 17% россиян и 24% мигрантов. Примерно каждый пятый молодой житель России и каждый четвертый молодой мигрант испытывают чувства дискомфорта в своей жизни. Средний уровень удовлетворенности жизнью (вариант ответа «и да, и нет») примерно одинаков и составляет примерно 22%. Доля удовлетворенных жизнью российской молодежи составляет примерно 60%, молодых мигрантов – около 54%.

Т а б л и ц а 8

Уровень удовлетворенности жизнью и уровень правовой защищенности молодых жителей России и мигрантов, в период с 2008 по 2017 гг., % [13]

Оцениваемые параметры	Жители России	Мигранты
<i>Уровень удовлетворенности своей жизнью в целом¹</i>		
Не удовлетворен	16,9	23,8
И да, и нет	23,6	21,9
Удовлетворен	59,6	54,3
<i>Уровень правовой защищенности²</i>		
Низкая	34,2	42,4
Средняя	59,4	50,9
Высокая	6,4	6,7

Оценка уровня правовой защищенности, безусловно, выше в среде российской молодежи: около 66% оценивают уровень своей правовой защищенности как высокий или средний. Доля молодых мигрантов, оценивающих уровень своей правовой защищенности как высокий или средний, составляет примерно 57–58%. Значительная часть этой категории

¹ Хи-квадрат= 20,957, при $p < 0,001$.

² Хи-квадрат= 20,658, при $p < 0,001$.

респондентов оценивает свою правовую защищенность как низкую (около 42%).

Доля молодых мигрантов, заявивших о своей удовлетворенности жизнью и достаточном уровне правовой защищенности, в 2008–2017 гг. составила 49% и статистически значимо не отличается от доли мигрантов, неудовлетворенных жизнью и уровнем правовой защищенности (51%). Уровень удовлетворенности жизнью и правовой защищенностью в группах мужчин и женщин молодых мигрантов примерно равный и не имеет статистически значимых различий, 51% и 46% соответственно. Значимым фактором, оказывающим влияние на удовлетворенность жизнью и правовой защищенности молодых мигрантов в России, является образование (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Уровень удовлетворенности жизнью и правовой защищенностью молодых мигрантов в России в зависимости от уровня образования в период с 2008 по 2017 гг., % ¹ [13]

Уровень удовлетворенности	Уровень образования			
	Неполное среднее	Общее среднее	Среднее специальное	Высшее
Не удовлетворены жизнью и уровнем правовой защищенности	52,8	58,3	46,9	41,6
Удовлетворены жизнью и уровнем правовой защищенности	47,2	41,7	53,1	58,4

Наибольший уровень удовлетворенности жизнью в России и правовой защищенностью высказывают молодые мигранты, имеющие высшее образование (58%). Значимым фактором в ситуации удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью и правовой защищенности для молодых мигрантов является уровень индивидуального дохода. «Неудовлетворенные» мигранты с высшим образованием имеют средний индивидуальный доход 32 852 руб., а в группе «удовлетворенных» этот показатель составляет около 42 000 руб. в месяц (в рублях 2017 г.).

¹ Хи-квадрат = 22,282, при $p < 0,001$.

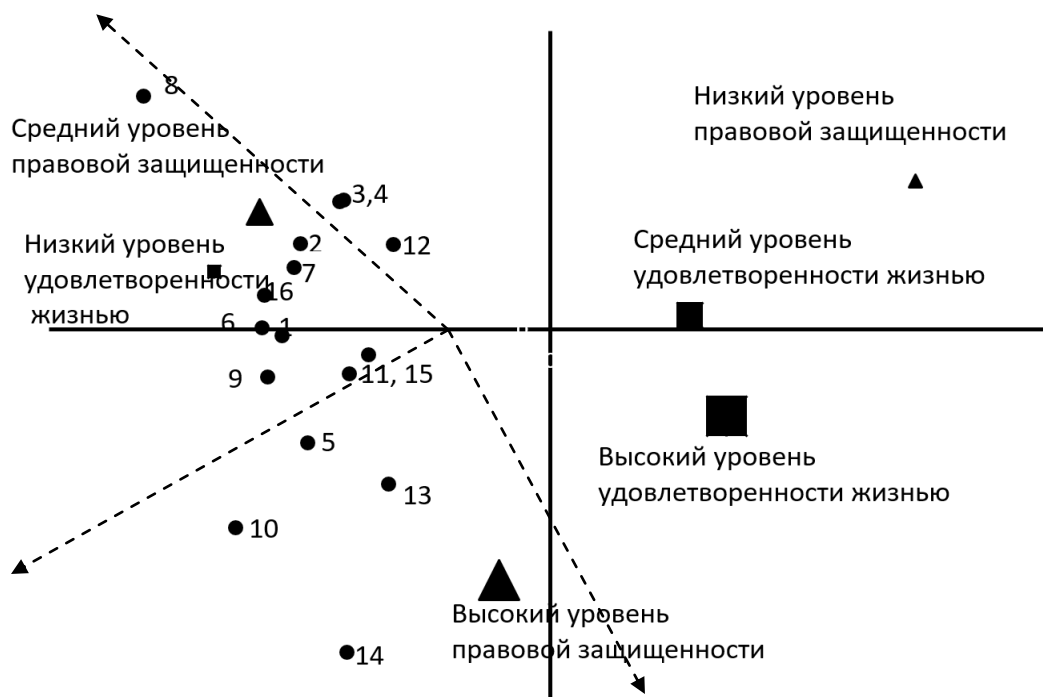

Рис. 2. Визуализация расположения социально-демографических групп молодых россиян и молодых мигрантов мужчин и женщин с различным уровнем образования в пространстве уровня удовлетворенности жизнью и уровня правовой защищенности, 2008–2017 гг. [13]

- 1 – молодые россияне мужчины с неполным средним образованием
- 2 – молодые россияне мужчины с общим средним образованием
- 3 – молодые россияне мужчины со средним специальным образованием
- 4 – молодые россияне мужчины с высшим образованием
- 5 – молодые россиянки женщины с неполным средним образованием
- 6 – молодые россиянки женщины с общим средним образованием
- 7 – молодые россиянки женщины со средним специальным образованием
- 8 – молодые россиянки женщины с высшим образованием
- 9 – молодые мигранты-мужчины с неполным средним образованием
- 10 – молодые мигранты-мужчины с общим средним образованием
- 11 – молодые мигранты-мужчины со средним специальным образованием

- 12 – молодые мигранты-мужчины с высшим образованием
- 13 – молодые мигрантки-женщины с неполным средним образованием
- 14 – молодые мигрантки-женщины с общим средним образованием
- 15 – молодые мигрантки-женщины со средним специальным образованием
- 16 – молодые мигрантки-женщины с высшим образованием
- – высокий уровень удовлетворенности жизнью
- – средний уровень удовлетворенности жизнью
- – низкий уровень удовлетворенности жизнью
- ▲ – высокий уровень правовой защищенности
- ▲ – средний уровень правовой защищенности
- ▲ – низкий уровень правовой защищенности

Анализ уровня удовлетворенности жизнью и уровня правовой защищенности молодых россиян и мигрантов в целом (рис. 2) позволяет утверждать, что наибольший уровень неудовлетворенности характерен для молодых мигрантов-женщин с высшим образованием (гр. 16), для молодых россиянок с общим средним (гр. 6) и средним специальным образованием (гр. 7). В меньшей степени, но все же неудовлетворенность жизнью присуща молодым россиянам, мужчинам и женщинам, с неполным средним образованием (гр. 1 и 5), а также молодым мигрантам-мужчинам с неполным средним образованием (гр. 9) и средним специальным образованием (гр. 11) и молодым мигрантам-женщинам со средним специальным образованием (гр. 15).

Другая группа мигрантов склонна заявлять о достаточной правовой защищенности в России. К этой категории относятся, прежде всего, молодые мужчины-мигранты с общим средним образованием (гр. 13) и молодые женщины-мигранты с неполным средним (гр. 13) и общим средним образованием (гр. 14). Молодые мужчины-мигранты с высшим образованием склонны оценивать свою удовлетворенность жизнью несколько ниже среднего при среднем уровне правовой защищенности (гр. 12).

Молодые россияне, в отличие от молодых мигрантов, склонны делать акцент на «среднем» уровне правовой защищенности. Это, прежде всего, молодые женщины с высшим образованием (гр. 8), молодые мужчины со средним специальным образованием (гр. 3) и с высшим образованием (гр. 4).

Таким образом, социальная адаптация молодых трудовых мигрантов (от 18 до 35 лет) в России имеет свои особенности. Страна-лидерами по прибытию молодых мигрантов в Россию являются Казахстан, Украина и Узбекистан. Доли молодых мужчин-мигрантов и женщин-мигрантов практически равны. Женщины-мигранты имеют уровень образования выше, чем среди мужчин-россиян и мужчин-мигрантов, но ниже, чем у россиянок. Стоит отметить, что меньшая часть молодых мужчин-россиян включена в трудовую деятельность в отличие от мужчин-мигрантов. Выявлены статистически значимые различия в уровне индивидуального дохода молодых мужчин-россиян (около 26 500 руб.) и мужчин-мигрантов (около 30 500 руб.). Оценка уровня собственного здоровья выше у россиян, чем у мигрантов, как и уровень правовой защищенности и удовлетворенности жизнью. Учет особенностей социальной адаптации мужчин-мигрантов и женщин-мигрантов в сравнении с коренным населением помогает оценить молодежную миграционную ситуацию в стране, измерить уровень социальной напряженности в обществе, а также принять определенные правовые и

организационно-управленческие решения на федеральном, региональном и муниципальном уровне в сфере миграционной политики.

Литература

1. Доклад Генерального секретаря о международной миграции от 4 августа 2016 г. URL: <http://www.un.org/ru/development/surveys/migration.shtml>.
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm.
3. Митин Д.Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия Политология. 2010. № 3. С. 123–134.
4. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам // Официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171/>.
5. Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период. 1996. С. 1–26. URL: <https://www.ifap.ru/pr/2006/060425ba.pdf>.
6. Радченко А.Ф. Молодежь и ее возрастные границы // Социология власти. 2012. № 3. С. 19–29.
7. Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения: социальный бюллетень. Май 2018. 54 с. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16766.pdf>.
8. Миграция населения за 2017 год // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Нижегородской области. URL: http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/resources.
9. Штрафы работодателю за иностранного работника в 2018 году: какие штрафы ждут работодателя за работу иностранных граждан без документов и за нелегальных работников без оформления // Официальный сайт миграционных новостей для работодателей, иностранных сотрудников и иностранных граждан в РФ. URL: <https://migrantmedia.ru/rabotodatelu/shtrafy-rabotodatelu-za-rabotu-inostrannyx-grazhdan-bez-dokumentov-shtrafyi-za-nelegalov/>.
10. Ростовская Т.К. О привлечении в Россию молодых специалистов – высококвалифицированных мигрантов // Статистика и экономика. 2015. № 4. С. 76–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-privlechenii-v-rossiyu-molodyh-spetsialistov-vysokokvalifitsirovannyh-migrantov>.

11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Справочно-правовая служба «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/.
12. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Справочно-правовая служба «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/.
13. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE)», проводимый национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS–HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).
14. Федеральная служба государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

ГЛАВА 2

МОЛОДЕЖЬ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

2.1. МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АСПИРАНТУРЫ

В работе анализируются статистические данные по основным показателям деятельности российской аспирантуры, а также результаты социологических исследований, характеризующие мотивации, профессиональные планы и фактическое трудоустройство российских аспирантов. Рассмотрены особенности профессиональных интересов аспирантов, специализирующихся в области естественнонаучных и социально-гуманитарных направлений. Представлены результаты пилотного исследования первого выпуска аспирантов социогуманитарных направлений, подготовленных в рамках новой модели российской аспирантуры в ННГУ. Анализируются оценки и мнения выпускников об образовательном процессе в аспирантуре нового формата, о трудностях и проблемах обучения. Рассматриваются вопросы, связанные с мотивацией поступления в аспирантуру, результативностью научно-исследовательской работы, развитием профессиональной карьеры, защитой кандидатской диссертации.

Ключевые слова: аспиранты, профессиональные планы, мотивация, трудоустройство, кандидатская диссертация, новая модель аспирантуры.

Состояние и перспективы современной аспирантуры

Тесная интеграция современной экономики и научных достижений, составляющая основу индустрии знаний, способствовала возрастающему спросу на исследовательские компетенции в разных сферах экономической деятельности [1]. Расширение масштабов докторского образования за рубежом, ознаменовавшееся институционализацией PhD-программ в качестве третьего уровня высшего образования, стимулировало изучение тенденций и специфики рынка интеллектуального труда, а также роли программ третьего уровня в подготовке новых поколений исследователей и работников наукоемких секторов экономики [2, 3]. Исследования докторского образования и сопряженных с ним сегментов рынка труда потребовали кооперации ученых и разработки новых методик сбора и обработки эмпирических данных. С 2004 г. в европейских странах осуществляется масштабный исследовательский проект «Careers of Doctorate Holders», объединяющий усилия Евростата, Института статистики ЮНЕСКО и Директората по науке, технологиям и промышленности

ОЭСР. В рамках этого проекта проводится системное изучение профессиональных карьер выпускников PhD-программ, оценка специфики рынка интеллектуального труда, динамики профессионального роста и мобильности выпускников [4].

Заметный вклад в исследование проблем и перспектив развития докторского образования вносит Европейский совет докторантов и молодых исследователей (EURODOC), иницирующий и поддерживающий исследовательские проекты в данной области [5], в том числе компаративные исследования национальных особенностей исследовательского образования. В последние годы активное участие в этом коллективном проекте принимают и российские ученые [6]. Одной из выявленных тенденций является утрата аспирантурой исключительно академической ориентации и обусловленный этим процесс диверсификации аспирантских программ. В частности, это проявляется в институциональном закреплении различий между научными и профессиональными докторскими степенями (последние ориентированы на неакадемические рынки труда). В европейских странах в настоящее время насчитывается до девяти различных видов докторских степеней [7]. В целом эмпирические исследования, выполненные в разных странах мира, свидетельствуют о сохранении особенностей национальных моделей аспирантской подготовки.

В международном дискурсе исследователей и администраторов проблемы институционального развития аспирантуры занимают важное место. Так, например, Академия высшего образования Великобритании организовала общенациональную дискуссию о назначении, характере и содержании исследовательского образования, в рамках которой были сформулированы важные для определения его трендов вопросы [8]. Одним из важнейших стал вопрос о цели аспирантуры. Что же является главным: подготовка и защита диссертации (получение нового научного продукта) или формирование исследовательских и педагогических компетенций (подготовка исследователя)?

Образовательная составляющая в зарубежных аспирантских программах присутствует давно, а в странах Болонского процесса закрепились основательно. Целесообразность наличия существенной по объему образовательной составляющей объясняется тем, что выпускник аспирантуры наряду с исследовательскими компетенциями должен обладать и универсальными навыками, особенно важными и нужными для тех, кто не нацелен на карьеру в науке и в высшей школе. В европейских странах, объединенных Болонским процессом, используются так называемые «Дублинские дескрипторы», обобщающим описание квалификационных

градаций, соответствующих степеням бакалавра, магистра и доктора [9]. Позже, в рамках «копенгагенского процесса», была разработана и сама Европейская квалификационная рамка, соотнесенная с образовательными уровнями. Ценность Дублинских дескрипторов заключается в том, что они «предлагают общие утверждения типичных ожиданий в достижениях и способностях, связанных с квалификациями», которые присваиваются по итогам освоения образовательного уровня («болонского цикла»). Следует отметить, что эти описания не определяют пороговых (минимальных) требований, а также не связаны с конкретными академическими или профессиональными областями, но «стремятся идентифицировать целостную природу квалификации» [9].

Как характеризуются квалификации выпускников третьего уровня высшего образования? Выпускники докторских программ должны:

- продемонстрировать систематическое понимание области образования, мастерство навыков и методов исследования, связанного с этой областью;
- сделать вклад в научное знание с помощью оригинального исследования, результаты которого заслуживают рецензируемой на национальном или международном уровне публикации;
- проявить способность к критическому анализу, оценке и синтезу новых и сложных идей;
- уметь общаться с экспертами, академическим сообществом и обществом в области полученного знания;
- продвигать технологическое, социальное или культурное знание, на котором базируется общество.

На болонских методологических семинарах отмечалось, что аспирантская образовательная программа должна быть органично вплетена в ткань оригинального научного исследования и конструироваться совместными усилиями преподавателей разных дисциплин [10]. Требуемые для успешной профессиональной деятельности знания, умения и навыки должны формироваться в процессе подготовки диссертации с учетом планируемой профессиональной карьеры аспиранта. Таким образом, одной из перспективных задач является создание гибких, оригинальных аспирантских программ, в которых бы гармонично сочетались научно-исследовательский и образовательный компоненты. Именно поэтому в мировой практике получили распространение так называемые структурированные докторские программы. Они включают в себя исследовательскую диссертационную работу и небольшую по объему, но очень важную для аспирантов образовательную составляющую,

которая обычно состоит из модулей, нацеленных на личностное и профессиональное развитие научной молодежи в широком диапазоне карьерных перспектив по принципу: «одна профессия – множество карьер» [10].

Рост численности аспирантов на протяжении последних десятилетий фиксируется статистикой образования во всех развитых странах мира, и в этом отношении Россия не стала исключением. В период 1995–2010 гг. численность аспирантов в нашей стране неуклонно росла, максимальное значение было отмечено в 2010 г. (157 437 чел. против 50 300 чел. в 1993 г.). Специфичным для России стал не сам факт увеличения численности аспирантуры, а то, что это увеличение, в отличие от других стран, проходило на фоне резкого снижения численности научных работников (рис. 1). Если в 1992 г. на каждые 100 человек, занятых исследованиями и разработками, приходилось шесть человек, подготавливаемых к научной деятельности или повышающих научную квалификацию в аспирантуре, то в 2010 г. на 100 исследователей приходилось уже 43 аспиранта. Аномально высокий рост числа аспирантов явно свидетельствовал об изменении условий для индивидуальной работы с начинающими учеными и о необходимости поиска новых подходов к организации работы аспирантуры. Поскольку тенденции развития аспирантуры и научного сектора страны оказались разнонаправленными, существенно обострилась проблема качества подготовки научных кадров.

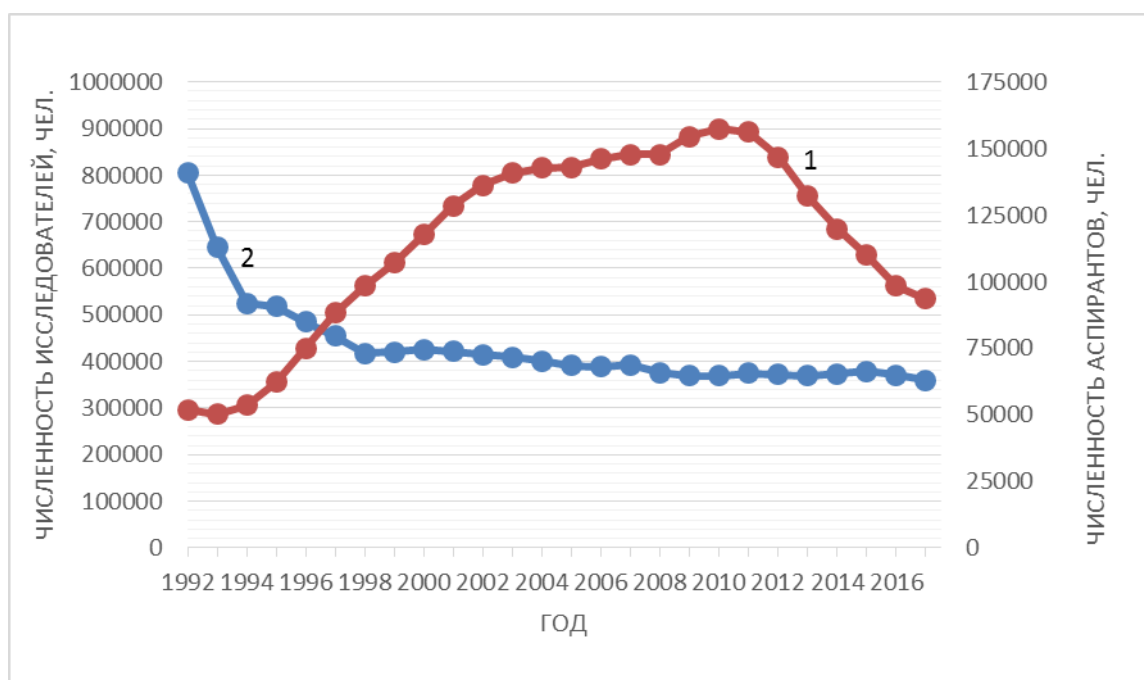

Рис. 1. Динамика численности аспирантов и профессиональных исследователей в России, чел. [11-13]
(1 – численность аспирантов, 2 – численность исследователей)

Начиная с 2011 г., численность аспирантов стала сокращаться. В 2015 г. впервые за 15 лет этот показатель уменьшился по сравнению с 2000 г. (на 6,6%). Сокращение числа аспирантов, к сожалению, сопровождалось снижением одного из важнейших показателей эффективности института аспирантуры – количества выпускников, защищающих диссертации в установленный срок. Удельный вес лиц, защитивших диссертации при обучении в аспирантуре, в общей численности выпускников аспирантуры в 2000 г. составлял 30,2%, в 2005 г. – 31,7%, а с 2013 г. стал резко снижаться и в 2017 г. составил 12,8% (абсолютный минимум за все предыдущие годы!). В 2010 г. в России было защищено 20 542 кандидатских диссертаций, а в 2017 г. – лишь 9 672 [12]. Для сравнения: в 2017 г. в США присуждено 55 000 докторских степеней, в Германии – 29 000, в Великобритании – 26 000, в Японии – 16 000 [14]. Снижение эффективности аспирантуры отразилось на количестве ежегодно присуждаемых ученых степеней: с 2011 по 2017 гг. число защит кандидатских диссертаций в России снизилось более чем в 2 раза [15].

Сокращение числа ежегодно присуждаемых ученых степеней сопровождается изменением профессионально-статусной структуры диссертантов – уменьшением среди них процентной доли аспирантов, защитивших диссертации в срок, и увеличением удельного веса соискателей из числа «бывших аспирантов», то есть тех, кто ранее проходил аспирантскую подготовку, но не успел завершить работу над диссертацией при обучении в аспирантуре [16]. За последние пять лет доля бывших аспирантов среди диссертантов увеличилась приблизительно на 60% и в 2017 г. составила 59%. Отметим, что выявленные особенности динамики подготовки и аттестации кадров высшей квалификации в последние годы во многом обусловлены следующими факторами: включением аспирантуры в систему высшего образования, отделением аспирантуры от государственной системы научной аттестации и планомерно проводимой Минобрнауки РФ реструктуризацией (уменьшением) сети диссертационных советов.

Среди многих проблем современной российской аспирантуры, обуславливающих снижение ее функциональности, отметим выявляемое статистикой увеличение отсева аспирантов в процессе обучения в аспирантурах «старого» и «нового» форматов. Для характеристики «утечки» аспирантов мы ввели индекс отсева, определив его как отношение числа аспирантов, выбывших до окончания аспирантуры в отчетном году, к общему числу аспирантов на начало отчетного года. Таким образом, с 2000 по 2017 гг. индекс отсева увеличился приблизительно в 1,5 раза (в 2017 г. – 13,2%). Отметим, что приведенные данные об изменении величины отсева согласуются с

результатами, полученными в ходе пилотного исследования первого выпуска аспирантуры «нового» формата в Нижегородском университете [17], где отсев оценивался по отношению численности выпуска аспирантов, обучавшихся на программах с трехлетним сроком, к численности приема на эти программы три года назад.

Рост отсева во многом обусловлен чрезмерной формализацией образовательного процесса в аспирантуре нового типа, появлением дополнительных административных, академических и финансовых барьеров на пути к получению ученой степени. Некоторые молодые люди в процессе освоения аспирантской программы начинают осознавать, что не в состоянии преодолеть эти барьеры и постепенно теряют мотивации к обучению и интерес к научной работе.

Мотивации обучения, профессиональные планы и карьеры российских аспирантов

В мировой практике активно развиваются исследования, направленные на изучение мотиваций аспирантов, а также карьерных стратегий молодых людей, получающих исследовательское образование. Результаты этих исследований позволяют выявить некоторые общие закономерности, характерные для данного образовательного уровня. В частности, отмечается высокий уровень активности аспирантов при выборе образовательных модулей аспирантской программы. Обнаружена сильная корреляция между ориентацией аспирантов на определенные виды деятельности и эффективностью образовательных программ [18]. Исследователи отмечают также существенную «гибкость» мотиваций и стратегий аспирантов. Масштабное исследование, инициированное журналом «Nature», показало, что, хотя значительная часть аспирантов ориентирована на исследовательскую карьеру, многие из них готовы после завершения обучения реализовать и иные профессиональные траектории, в том числе, в индустриальной сфере [19].

В российской действительности последнее время также наблюдается смена интересов научной молодежи в отношении обучения в аспирантуре и профессиональной карьеры. Опросы аспирантов ведущих российских университетов (online-опрос проведен Центром внутреннего мониторинга Высшей школы экономики в мае-июне 2016 г., N=2221 [20]) показывают, что планы российских аспирантов в отношении будущей профессиональной деятельности значительно различаются. Лишь 54% респондентов хотели бы продолжить академическую карьеру, остальные видят себя в качестве

аналитиков в частном и государственном секторе (13%) или планируют работать в сфере государственного управления, в бизнесе, в сфере услуг (33%). Результаты этого опроса свидетельствуют также о разнообразии мотивов поступления в аспирантуру (подготовка к профессиональной исследовательской деятельности, желание стать университетским преподавателем, построение неакадемической карьеры, продолжение образования в своей области знаний, желание получить отсрочку от армии и др.)

Интересно, что доля так называемого «балласта» лиц, мотивы которых совершенно не соответствуют целям аспирантского образования, составляет около 20%. Среди факторов, влияющих на результативность аспирантуры, особенно важным представляется то обстоятельство, что даже в ведущих российских вузах многие аспиранты «не встроены» в научную профессию (42% аспирантов не заняты в финансируемых научных проектах) [21]. В определенной степени это может быть обусловлено тем, что взрывной рост аспирантуры на протяжении 1995–2012 гг. на фоне падения численности исследователей в отечественной науке [11–13] не был обеспечен необходимым ресурсным потенциалом и условиями для последующей профессиональной самореализации выпускников аспирантуры в науке и высшей школе.

Рассмотрим более детально вопрос о мотивациях и профессиональных планах на примере социологического опроса аспирантов Нижегородского университета в 2016 г. [22]. Данные, полученные в ходе этого исследования, дают обширный материал для изучения многих вопросов, связанных с подготовкой научно-педагогических кадров в новых условиях. Исследование было основано на стандартизованном анкетном online-опросе, в котором приняли участие 427 аспирантов (55% от генеральной совокупности). Аспиранты, обучающиеся по специальностям естественнонаучного и социогуманитарного профилей, а также аспиранты разных лет обучения были охвачены опросом достаточно равномерно. В несколько меньшей степени были представлены аспиранты, обучающиеся за счет внебюджетных средств (44% от соответствующего сегмента генеральной совокупности), а также аспиранты заочной формы обучения (41% от общей численности аспирантов заочной формы обучения). Таким образом, в целом выборка адекватно отражала дисциплинарные, возрастные и гендерные пропорции аспирантуры ННГУ.

При исследовании влияния дисциплинарных факторов на мотивации и профессиональные планы аспирантов все респонденты были разделены на две укрупненные группы: аспиранты естественнонаучных направлений (точные и естественные науки) и аспиранты социально-гуманитарных направлений (науки об обществе, гуманитарные науки). При изучении дисциплинарных

особенностей анализировались лишь те направления подготовки, которые представлены в выборке не менее чем пятипроцентной долей в общем числе респондентов (≥ 25 чел.). Анализ результатов анкетирования позволил выявить совокупность респондентов, ориентированных на последующую исследовательскую или преподавательскую деятельность, а также дифференцировать эту совокупность по направлениям подготовки и некоторым иным параметрам (год, форма обучения, гендерные различия).

Участникам опроса были предложены два вопроса, позволившие выявить мотивы, которыми они руководствовались, принимая решение о поступлении в аспирантуру, и их планы в отношении будущей профессиональной деятельности.

Вопрос 1: *«Почему Вы решили поступать в аспирантуру?»* являлся полуоткрытым и предполагал следующие варианты ответов (респонденты имели возможность указать несколько вариантов ответа):

1. Считаю, что обучение в аспирантуре поможет в развитии моей карьеры в качестве преподавателя вуза или другого образовательного учреждения.
2. Считаю, что обучение в аспирантуре поможет в развитии моей карьеры в качестве исследователя в вузе или научной организации.
3. Считаю, что обучение в аспирантуре поможет в развитии моей карьеры в качестве исследователя-аналитика в коммерческой организации.
4. Считаю, что обучение в аспирантуре поможет в развитии моей карьеры вне академической сферы.
5. Хотел(а) продолжить обучение по профессии.
6. Не хотел(а) покидать университетскую среду.
7. Обучение в аспирантуре дало мне возможность получить отсрочку от армии.
8. Обучение в аспирантуре дало мне возможность получить место в общежитии.
9. Другое (уточните, почему именно).
10. Затрудняюсь ответить.

Вопрос 2: *«В какой из перечисленных областей Вы, скорее всего, хотели бы работать после защиты диссертации в будущем?»* допускал возможность выбора только одного варианта ответа. Были предложены следующие варианты ответов:

1. В академической сфере (образовательные и научные учреждения).
2. В бизнесе в качестве наемного работника.
3. В бизнесе в качестве предпринимателя.
4. Фриланс (выполнять независимые проекты для разных заказчиков).
5. В органах государственного управления.

6. В общественных и политических организациях.
7. В вузе в качестве научного сотрудника.
8. В вузе в качестве преподавателя.
9. В научном учреждении в качестве научного сотрудника.
10. В других образовательных учреждениях (школа, колледж и др.) в качестве преподавателя.
11. В коммерческой организации в качестве исследователя-аналитика.
12. В коммерческой организации (не исследовательская должность).
13. Другое (укажите, что именно).

Анализ ответов на эти вопросы, позволил выделить две группы респондентов. Первая группа объединяет тех аспирантов, для которых мотивом поступления в аспирантуру была ориентация на академические профессии (выбраны варианты ответов 1 и/или 2 на вопрос 1). Вторая группа – это аспиранты, предполагающие после завершения обучения занять позиции исследователей в академическом или вузовском секторе, или работать в качестве преподавателей высшей школы (варианты ответа: 1, 7, 8 или 9 на вопрос 2). Доля первой группы в общем составе респондентов составила 79%, доля второй – 55%. Область пересечения этих групп, позволяющая оценить удельный вес аспирантов, настроенных на развитие своих карьер в качестве исследователей или преподавателей высшей школы и на этапе поступления, и в процессе обучения в аспирантуре, составила 50%. Таким образом, можно констатировать наличие определенной «подвижности» мотиваций и профессиональных планов на протяжении обучения в аспирантуре.

В ходе исследования были изучены мотивации и профессиональные устремления аспирантов. Наряду с теми, кто уверенно выбирает академические профессии, значительная часть аспирантов изменяет свои планы в процессе обучения (табл. 1). Степень неустойчивости мотиваций имеет некоторую дисциплинарную окраску. Например, удельный вес аспирантов, изменивших свои предпочтения, среди представителей наук об обществе значительно выше, чем среди представителей естественнонаучных и гуманитарных направлений (в частности, более 40% экономистов, юристов и политологов в процессе обучения переориентируются на иные сферы профессиональной деятельности). Вместе с тем ожидаемой оппозиции между «естественниками» и «гуманитариями» по этому параметру не выявлено.

Наряду со снижением интереса к академическим профессиям у части аспирантов выявлена и противоположная тенденция: 8% респондентов из числа тех, кто выразил желание развивать профессиональную карьеру в научно-

образовательном секторе, при поступлении в аспирантуру руководствовались иными мотивами. Таким образом, их ориентация на академическую деятельность оформилась уже в процессе обучения.

Т а б л и ц а 1

Распределение респондентов, ориентированных на профессиональную деятельность в научно-образовательной сфере, %

Укрупненная группа направлений подготовки	Респонденты, ориентированные при поступлении в аспирантуру на работу в научно-образовательной сфере	Из них изменили свои профессиональные предпочтения в процессе обучения в аспирантуре
Точные и естественные науки	77	12
Науки об обществе	79	41
Гуманитарные науки	80	11

Удельный вес аспирантов-мужчин, которые при поступлении в аспирантуру не планировали стать преподавателем или исследователем, составляет 32%. Кроме того 23% из числа тех, кто при поступлении был нацелен на работу в науке и образовании, в процессе обучения изменили свои планы. У женщин значения этих показателей составили 20% и 13% соответственно (одним из возможных объяснений является традиционное распределение гендерных ролей, когда мужчина несет большую долю ответственности за материальное благополучие семьи).

Приведенные данные об изменении планов в процессе обучения отражают естественный процесс поиска будущей профессиональной траектории и подтверждают тезис о том, что для удержания интереса к академическим профессиям молодые люди должны иметь ясные и надежные перспективы развития своих профессиональных карьер.

Отметим, что за счет обучения на программах третьего уровня аспиранты рассчитывают повысить свою конкурентоспособность на профессиональном рынке труда и получить возможность дифференциации своих карьерных стратегий и траекторий. Это в определенной степени объясняется общемировыми тенденциями: первый и второй уровень высшего образования становится «массовым», здесь происходят инфляционные процессы. В этих условиях программы третьего уровня, вследствие своей относительной элитарности, соответствуют требованиям инвестиционной привлекательности

(обучающимся приходится искать новые формы инвестиций в свой образовательный и социальный капитал). Кроме этого, на указанные тенденции влияют и ограниченные размеры академического рынка труда. Примечательно, что в США лишь 40% всех выпускников программ третьего уровня, получивших степень PhD, возвращаются в университет на академические позиции, и только около 50% из них в дальнейшем могут претендовать на получение постоянной должности [23].

Результаты проведенного исследования позволили ответить на вопросы: В какой мере стремление строить академическую карьеру являлось выверенным у современных аспирантов? Чем обусловлен выбор университета?

Вопрос анкеты: *«Что для Вас было наиболее важным при выборе аспирантской программы в Вашем вузе?»*. Предусматривались следующие варианты ответов:

1. Репутация факультета/программы;
2. Репутация университета;
3. Финансовая поддержка (стипендии, гранты);
4. Местоположение университета;
5. Учебный план;
6. Статистика по защитах в аспирантуре;
7. Перспективы дальнейшего трудоустройства;
8. Советы родственников или друзей;
9. Советы руководителя или коллег на работе;
10. Предшествующий опыт обучения в данном университете;
11. Другое.

Поскольку респонденты имели возможность выделять несколько вариантов ответа, ранжирование факторов, определяющих выбор аспирантуры данного вуза, проводили по частоте упоминаний предложенных вариантов ответа. Первый и второй варианты, свидетельствующие о влиянии репутации факультета и университета, отметили 33% и 41% респондентов соответственно. В значительной степени это обусловлено тем, что 64% респондентов, мотивированных на научную и преподавательскую деятельность, имеют предшествующий опыт обучения в данном университете и ориентируются на него. Вместе с тем показательно, что принимая решение о том, где проходить аспирантскую подготовку, лишь каждый четвертый респондент принимал в расчет перспективы трудоустройства по избранной специальности, и лишь 6% ориентировались на статистику по защитах диссертаций выпускниками аспирантуры.

Полученные результаты раскрывают внутреннюю структуру мотивации молодых людей, поступающих в аспирантуру. Перспективы будущего трудоустройства, условия для научной работы не относятся к числу основных факторов, определяющих выбор аспирантуры. Желание заниматься наукой является достаточно общим устремлением, не принимающим на этапе поступления в аспирантуру конкретные формы.

Существенным обстоятельством, оказывающим влияние на укрепление мотиваций к профессиональной научно-образовательной деятельности после завершения аспирантской программы, является участие аспирантов в работе научных коллективов, выполняющих финансируемые исследовательские проекты. Результаты опроса показали, что к выполнению НИР на платной основе привлечены 43% респондентов. Отметим, что 14% из них при поступлении в аспирантуру не планировали связывать свою профессиональную деятельность с научной сферой. Таким образом, участие в масштабных исследовательских проектах не только формирует вкус к научной работе и повышает профессиональный уровень молодого исследователя, но и может переводить мотивации к занятиям наукой из плоскости «неотчетливых стремлений» в осознанные карьерные планы.

При проведении опроса респондентам предлагалось указать, рассматривались ли иные вузы в процессе принятия решения о поступлении в аспирантуру. Оказалось, что 86% из числа тех, кто нацелен на научно-педагогическую деятельность, иные варианты не рассматривали (доля выпускников ННГУ в числе аспирантов, принимавших участие в опросе, составляла 82%). Сопоставление полученных данных с общероссийскими показателями свидетельствует о том, что «территориальное замыкание» является особенностью национальной системы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Согласно данным общероссийского опроса аспирантов, около 80% аспирантов ведущих университетов страны являются выпускниками тех же университетов (в точных, естественных и технических науках этот показатель достигает 86%) [20].

Низкий уровень академической мобильности научной молодежи, недостаточно развитые инфраструктура и инструментарий, способные эту мобильность поддержать, относятся к числу деструктивных факторов, сдерживающих расширение подготовки научных кадров в ведущих научно-образовательных центрах страны и снижающих возможность отбора наиболее способных выпускников магистратуры для обучения в аспирантуре. Важно и то, что низкий уровень академической мобильности в определенном смысле формирует поведенческий стереотип, определяющий последующую низкую

профессиональную мобильность выпускников аспирантур. Сохраняя приверженность избранному учебному заведению, аспиранты стремятся реализовать карьерные возможности в первую очередь в своей Alma Mater. На вопрос анкеты: «Хотите ли Вы работать в ННГУ после окончания аспирантуры?» 67% респондентов выбрали ответы «да» и «скорее да», и лишь 19% ответили «нет» или «скорее нет».

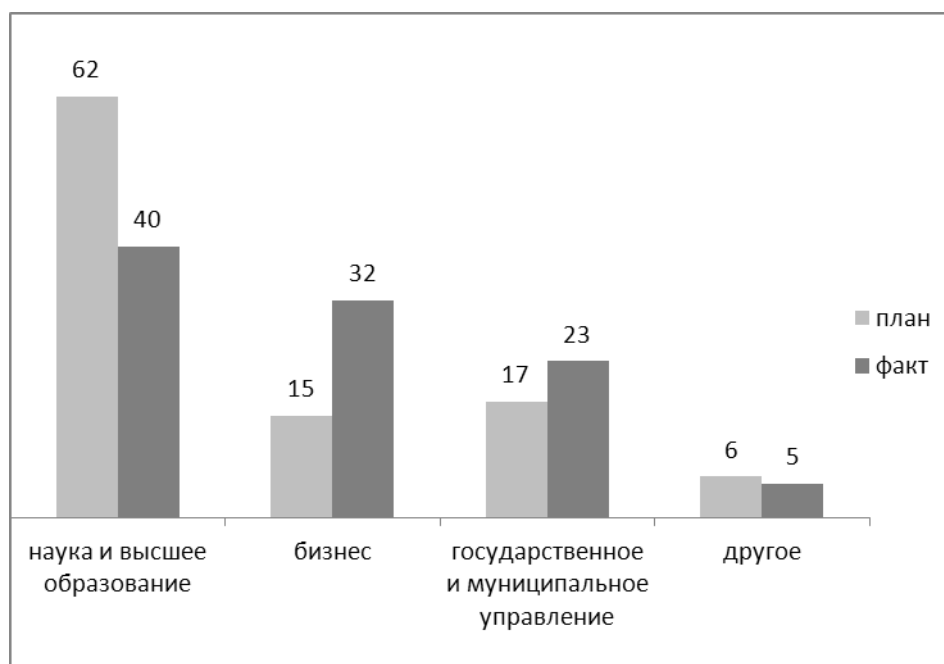

Рис. 2. Структура планируемой профессиональной занятости аспирантов и профессиональной занятости выпускников аспирантуры – кандидатов наук (социогуманитарные направления подготовки), %

Представляет интерес сопоставление результатов опроса аспирантов с полученными ранее данными о карьерных траекториях выпускников аспирантуры ННГУ [24, 25]. Из числа аспирантов социально-гуманитарных направлений, ориентированных при поступлении в аспирантуру на академическую карьеру, планируют работать в сфере науки и высшего образования 62% (47% хотели бы занять преподавательские должности, 10% надеются найти работу в академических институтах и в научных подразделениях вузов, 5% на момент опроса не могли конкретизировать сферу своей будущей академической деятельности) (рис. 2). Показатель «желаемого трудоустройства» в академической сфере значительно превышает показатель фактической занятости выпускников аспирантуры в науке и высшем образовании (40%). В бизнес-структурах хотели бы работать 15% аспирантов,

специализирующихся в социальных и гуманитарных дисциплинах; в сфере государственного и муниципального управления – 17%. В реальной же практике трудоустройства доля выпускников-кандидатов наук социогуманитарного профиля, работающих в этих областях, оказывается существенно больше – 32% и 23% соответственно.

Рис. 3. Структура планируемой профессиональной занятости аспирантов и фактической профессиональной занятости выпускников аспирантуры – кандидатов наук (естественнонаучные направления подготовки), %

Среди аспирантов естественнонаучных специальностей удельный вес тех, кто был ориентирован на работу в сфере науки и высшего образования, составляет 66% (34% планируют научную карьеру в академических институтах, 19% – в научных подразделениях университетов, 13% хотели бы работать преподавателями в вузе). На развитие карьеры в бизнес-структурах нацелены 28% аспирантов (рис. 3), причем подавляющее большинство из них рассчитывают на исследовательскую или аналитическую деятельность в коммерческих организациях.

Фактическое распределение выпускников естественнонаучных специальностей по сферам деятельности показало, что 72% выпускников работают в научно-образовательном секторе (44% занимают исследовательские позиции в академических, вузовских и ведомственных научных организациях, 28% работают преподавателями вузов). В бизнес-структурах работают 23%, причем подавляющее большинство из них – в качестве высококвалифицированных инженеров-исследователей, технологов,

аналитиков, либо являются руководителями среднего и высшего звена в организациях и предприятиях, связанных с высокотехнологичным производством и сферой услуг [25].

Новая модель аспирантуры: пилотное исследование первого выпуска аспирантов

Реформа российской аспирантуры имела неоднозначные последствия. Из-за отсутствия системно организованных эмпирических данных обсуждение проблем, инспирированных внедрением в систему высшего образования новой модели аспирантуры, в основном сводилось к оценкам и прогнозам экспертов. Для подведения промежуточных итогов этого дискурса и выявления ключевых направлений совершенствования аспирантских программ необходимо иметь представление об опыте, мнениях и суждениях аспирантов, завершивших обучение в рамках новой модели аспирантуры. В 2017 г. в форме анкетного опроса проведено пилотное исследование первого выпуска аспирантов социально-гуманитарных направлений ННГУ (N=36). Вопросы анкеты касались мотивов поступления в аспирантуру, результатов обучения и оценок аспирантами этих результатов. Выборка адекватно отражала дисциплинарные, возрастные и гендерные пропорции генеральной совокупности. Средний возраст выпускников – 27 лет, средний уровень ежемесячного дохода 31 тыс. руб. (согласно информации Нижегородстата (<http://www.nizhstat.gks.ru>) средний уровень зарплаты по Нижегородскому региону в 2017 г. составил 28,5 тыс. руб.).

Мотивы поступления в аспирантуру. Одной из проблем современной аспирантуры является несовершенство системы отбора наиболее способных, мотивированных и подготовленных к научно-исследовательской и преподавательской деятельности абитуриентов. При выявлении мотивов поступления в аспирантуру респондентам было предложено выразить степень согласия с рядом утверждений при ответе на вопрос «Что повлияло на Ваше решение поступить в аспирантуру?». Сформулированные в анкете мотивы поступления условно можно разбить на три группы:

- академические мотивы;
- мотивы, связанные с профессиональными планами;
- прагматические, не связанные с профессиональными планами мотивы.

Результаты исследования показали, что решение о поступлении в аспирантуру было обусловлено комплексом причин (табл. 2). Исключительно

академическими мотивами руководствовались лишь два респондента (они согласились с первыми двумя с первыми двумя утверждениями, и не согласился с остальными). Большинство респондентов поступили в аспирантуру, руководствуясь желанием заниматься научно-исследовательской и преподавательской деятельностью (31 и 28 ответов соответственно). На втором месте в рейтинге мотивов поступления – мотивы, связанные с профессиональными планами и престижем научно-педагогической работы (по 24 выбора). Стоит отметить, что почти треть респондентов мужского пола (6 из 16 по выборке) поступили в аспирантуру, чтобы получить отсрочку от армии.

Т а б л и ц а 2

Мотивы поступления в аспирантуру, чел.

Утверждение	Согласны	Затруднились ответить	Не согласны
<i>Академические мотивы</i>			
Желание заниматься научными исследованиями	31	4	1
Желание заниматься преподавательской деятельностью	28	5	3
<i>Мотивы, связанные с профессиональными планами</i>			
Престиж научно-педагогической работы и научной степени	24	4	8
Возможность дальнейшего личностного и профессионального развития вне сферы науки и высшего образования	24	7	5
<i>Прагматические, несвязанные с профессиональными планами мотивы</i>			
Аспирантура предоставляет общежитие и стипендию	8	7	21
Аспирантура дает возможность отсрочки от армии*	6	1	9
Не смог трудоустроиться и решил продолжить обучение	1	3	32
Настояли родители	1	2	33

*Распределение по ответу учитывалось только для респондентов мужского пола

Таким образом, мотивы поступления в аспирантуру в большинстве случаев соответствуют академическому треку (исследовательская и преподавательская деятельность), другие носят более универсальный характер в плане личностного и профессионального развития, третьи – дисфункциональны назначению аспирантуры как института, ответственного за воспроизводство исследователей и преподавателей высшей школы.

Важной характеристикой системы подготовки является уровень отсева аспирантов в процессе обучения. В связи с этим интересно было сравнить показатели отсева в аспирантурах «старого» и «нового» форматов. Уровень отсева среди лиц, поступивших в аспирантуру в 2014 г. (новый формат), за три года обучения составил 43%, что приблизительно в 1,5 раза превышает уровень отсева, характерный для аспирантуры «старого» формата. Как можно интерпретировать эти данные?

Формат «старой» аспирантуры предполагал в качестве обязательных элементов аспирантской программы сдачу кандидатских экзаменов и подготовку диссертации. В «новой» аспирантуре к этому добавился ряд обязательных и элективных образовательных курсов (модулей) и практик. При этом вследствие детального структурирования и формализации образовательного процесса значительно увеличилось число дополнительных «фильтров», обусловленных мониторингом образовательной и научной деятельности и промежуточными аттестациями аспирантов. Это неизбежно приводит к отсеву на более ранних этапах обучения тех аспирантов, которые потеряли интерес к аспирантуре или утратили возможность активной академической и научной работы.

Оценки результатов обучения. Одним из ключевых показателей результативности научной деятельности аспирантов является участие в финансируемых научно-исследовательских проектах, а также количество научных публикаций в высокорейтинговых научных журналах и изданиях, индексируемых в международных базах цитирования Web of Science, Scopus, журналах, входящих в так называемый «Перечень ВАК». Результаты опроса показали, что более половины выпускников имели не менее трех публикаций в журналах из Перечня ВАК (формально этого достаточно для предоставления научно-квалификационной работы в диссертационный совет). Кроме того, 14 человек имели одну или две таких публикаций.

Участие в финансируемых НИР остается ключевой проблемой исследовательской подготовки аспирантов социогуманитарного профиля. Две трети респондентов до поступления и во время обучения в аспирантуре не принимали участие в финансируемых научно-исследовательских проектах. Таким образом, диссертационные работы аспирантов социогуманитарных направлений, как правило, реализуются в качестве инициативных проектов, не подкрепленных внешней экспертизой и финансовыми ресурсами.

Образовательная компонента аспирантской программы не стала серьезным препятствием для большинства выпускников: только для семи

респондентов она оказалась сложной, а академические требования явились трудностью при обучении в аспирантуре.

А как относятся выпускники аспирантуры к образовательной составляющей аспирантской программы с точки зрения ее полезности для подготовки диссертации и планируемой профессиональной деятельности? Не менее половины из них положительно воспринимают предлагаемые университетом курсы, модули, семинары и практики. Однако значительная доля аспирантов не уверена в полезности образовательной составляющей аспирантуры для профессиональной деятельности (14 из 36), а более половины – для написания диссертации и научно-исследовательской работы.

Стоит отметить, что выпускники аспирантуры не придают особого значения диплому об окончании аспирантуры и присвоению квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь»: три четверти респондентов предполагают, что диплом об окончании аспирантуры не окажет существенного влияния на их профессиональную карьеру. Такая позиция подтверждает опасения, высказываемые в академическом сообществе в отношении нового формата присуждаемой выпускникам квалификации. Рынок интеллектуального труда в России пока достаточно инертен, работодатели и потенциальные работники не готовы воспринимать новую квалификацию при наличии понятной и проверенной временем научной квалификации, подтвержденной ученой степенью кандидата наук. К тому же до конца не ясно, в чем содержательное наполнение новой квалификации. Таким образом, складывается неоднозначная ситуация: с одной стороны многие выпускники аспирантуры положительно оценивают образовательную составляющую новой аспирантуры с точки зрения ее полезности для личностного и профессионального развития, а с другой стороны весьма скептически воспринимают диплом о третьем уровне высшего образования, а также присуждаемую им квалификацию. В этой связи отметим, что большинство выпускников планируют защитить кандидатскую диссертацию в ближайшие 1-2 года. Они полагают, что получение ученой степени – это принятое в мире институциональное подтверждение исследовательской квалификации, необходимое для развития карьеры в академической сфере и для повышения конкурентоспособности на рынке труда в неакадемической сфере, и воспринимают получение степени как необходимый заключительный этап аспирантского обучения. Таким образом, логичным шагом в развитии современной модели российской аспирантуры было бы включение в образовательные стандарты и аспирантские программы защиты диссертации на

соискание ученой степени кандидата наук в качестве итоговой аттестации выпускников.

Подводя итог анализу мнений и суждений выпускников аспирантуры социогуманитарных направлений, завершивших обучение в 2017 г. в рамках новой модели, можно сделать ряд выводов.

1. Респонденты воспринимают аспирантуру не только как форму подготовки кадров для академической сферы, но и как возможность дальнейшего личностного и профессионального развития вне сферы науки и высшего образования.

2. В условиях «массовизации» высшего образования аспирантура становится ценной формой инвестиций в социальный и культурный капитал, дает возможность повысить конкурентоспособность и уменьшить риски при выходе на рынок труда.

3. Формат новой аспирантуры для аспирантов в целом не является чем-то отталкивающим. Образовательная составляющая аспирантской программы воспринимается многими аспирантами как источник новых компетенций.

4. Диплом об окончании аспирантуры и присуждаемая выпускникам квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь» воспринимается скептически.

5. Независимо от сферы профессиональной деятельности выпускники аспирантуры планируют в ближайшие годы завершить работу над кандидатской диссертацией и получить степень кандидата наук.

6. Основными препятствиями в развитии новой модели аспирантуры являются нерешенные проблемы «старой модели»:

- недостаточное финансовое обеспечение аспирантской подготовки;
- необходимость «настройки» аспирантуры на реальные потребности рынка труда;
- относительно низкий уровень исследовательской подготовки абитуриентов;
- необходимость привлечения и отбора наиболее мотивированных абитуриентов [17].

В настоящее время российская аспирантура переживает те же трансформации, что и институт докторского образования за рубежом: массовизация, выход выпускников на неакадемические рынки труда, переход к моделям структурированных программ, содержательная дифференциация образовательных программ. Однако на трансформационные процессы накладываются экономические и культурные особенности российской

действительности: сильная зависимость академического мира от государственных структур, низкая востребованность выпускников аспирантуры в высокотехнологических секторах экономики, низкий уровень мобильности населения (в том числе в научном и образовательном секторе), перманентная реформа высшей школы.

Повышение эффективности института аспирантуры в России возможно только при выполнении поэтапной «дорожной карты» ее развития. Одним из первых пунктов этой дорожной карты должно стать формирование «исследовательской повестки» изучения российской аспирантуры – мониторинг социального самочувствия ее ключевых акторов, поиск и анализ лучших практик в реализации программ третьего уровня. Другими пунктами такого рода «дорожной карты» могли бы стать следующие мероприятия:

- нормативное определение защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в качестве основной цели программ третьего уровня высшего образования;
- организация адресного отбора в аспирантуру с учетом мотиваций поступающих и запросов работодателей;
- восстановление института целевой аспирантуры и развитие сетевых (совместных) аспирантских программ, обеспечивающих возможность проведения научных исследований и обучения аспирантов из регионов в ведущих вузах страны;
- расширение автономии вузов и научных организаций в отношении корректировки объема образовательной составляющей аспирантской программы;
- изменение нормативных правовых актов, регулирующих национальную систему квалификаций для обеспечения гармонизации федеральных государственных образовательных стандартов и профессиональных стандартов для высших уровней квалификации;
- создание системы комплексной оценки эффективности аспирантских программ.

Литература

1. Godin B. The knowledge economy: Fritz Machlup's construction of a synthetic concept. *The Capitalization of Knowledge: A Triple Helix of University-Industry-Government*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2010. pp. 261–290.
2. «Realising the European Higher Education Area» Communiqué of the Conference of Ministers responsible for Higher Education in Berlin on 19 September 2003, available at: <http://www.ehea.info/cid100938/ministerial-conference-berlin-2003.html>.
3. Pedersen H.S. Empirical Essays on the Labor Market Outcomes of PhD Graduates. Forlaget Politica, 2015. 155 p. (Politicas Ph.d.-serie).
4. Auriol L., M. Misu and R. A. Freeman (2013), «Careers of Doctorate Holders: Analysis of Labour Market and Mobility Indicators», OECD Science, Technology and Industry Working Papers, 2013/04, OECD Publishing, available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5k43nxgs289w-en>.
5. Parada F., Peacock J. The Quality of Doctoral Training and Employability of Doctorate Holders: The Views of Doctoral Candidates and Junior Researchers. The European Higher Education Area. Part 2. Springer Open, 2015, pp. 593–612, available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-20877-0_38.
6. Shmatko N., Katchanov Yu. Professional Careers and Mobility of Russian Doctorate Holders. *The Science and Technology Labor Force: The Value of Doctorate Holders and Development of Professional Careers*, Springer International Publishing, 2016, 384 p., available at: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-27210-8>.
7. Kehm B., Teichler U. Doctoral Education and Labor Market: Policy Questions and Data Needs. *The Science and Technology Labor Force: The Value of Doctorate Holders and Development of Professional Careers*, Springer International Publishing, 2016, 384 p., available at: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-27210-8>.
8. Вершинин И.В. Дискуссия об аспирантуре за рубежом // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 2. С. 133–155.
9. Квалификационные рамки европейского пространства высшего образования. Болонская рабочая группа по Квалификационным рамкам. Министерство науки, технологии и инновации Февраль 2005. Электронный документ. URL: <http://www.socio.msu.ru/documents/umo/bologne/A%20Framework%20for%20Qualifications%20of%20the%20European%20Higher%20Educat.doc>.
10. Болонский процесс: итоги десятилетия / Под науч. ред. В.И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2011. С. 285–420.

11. Индикаторы науки: 2018. Статистический сборник. М.: Высшая школа экономики, 2017.
12. Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Информационно-статистический материал «Статистика науки и образования». М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018.
13. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2007.
14. Почему в российской аспирантуре так мало защит. Социологи Евгений Терентьев и Наталья Малошенок о накопившихся проблемах молодых ученых / Газета Ведомости, 14 января 2019 года. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/14/791401-v-rossiiskoi-aspiranture?fbclid=IwAR31BFVvkPOjnwpgG2-GpgVfRUJkECg06u39MuK4CWqsnPkBCdbUsNFtaSrw>.
15. Бедный Б.И., Рыбаков Н.В., Сапунов М.Б. Российская аспирантура в образовательном поле: междисциплинарный дискурс // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 125–134.
16. Статистика науки и образования. Выпуск 3. Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Информационно-статистические материалы. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018.
17. Рыбаков Н.В. Современная модель российской аспирантуры: пилотное исследование первого выпуска // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 7. С. 86–95.
18. Marko R., Danijela M. Relations between Students' Motivation, and Perceptions of the Learning Environment, Center for Educational Policy Studies Journal, 2015, vol. 5, no 2, pp.115–138.
19. Woolston C. Graduate survey: Uncertain futures, Nature, 2015, no. 526 (7574), pp. 597–600.
20. Портрет современного российского аспиранта // С.К. Бекова, И.А. Груздев, З.И. Джафарова, Н.Г. Малошенок, Е.А. Терентьев; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 60 с. (Современная аналитика образования. № 7 (15)).
21. Бедный Б.И. Новая модель аспирантуры: pro et contra // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 5–16.
22. Миронос А.А., Бедный Б.И., Рыбаков Н.В. Академические профессии в спектре профессиональных предпочтений аспирантов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 3(109). С. 74–84.
23. Будущее высшего образования и академической профессии: страны БРИК и США // Высшая школа экономики (нац. исследовательский ун-т); под ред. Ф. Альтбаха [и др.]; пер. с англ. А. Гордеева и Г. Петренко; под науч. ред. М. Юдкевич. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 247 с.

24. Бедный Б.И., Остапенко Л.А., Серова Т.И. Выпускники аспирантуры естественнонаучного профиля на рынке труда // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 3. С. 67–73.
25. Mironos A.A., Bednyi B.I., Ostapenko L.A. Employment of PhD program graduates in Russia: a study of the University of Nizhni Novgorod graduates' careers, SpringerPlus, 2015, no. 4: 230, available at: <https://springerplus.springeropen.com/articles/10.1186/s40064-015-1003-x>.

2.2. ШКОЛА МОЛОДОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ

Рассмотрен практический опыт реализации с 2015 г. в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского в качестве базового элемента системной работы по развитию кадрового потенциала проекта «Школа молодого преподавателя» – программы повышения квалификации, нацеленной на развитие у начинающих преподавателей профессиональных компетенций, необходимых для преподавания в вузе.

Ключевые слова: кадровый потенциал, программа повышения квалификации, молодые преподаватели, профессиональное и личностное развитие.

Основным конкурентным преимуществом и важнейшим стратегическим ресурсом, определяющим эффективность деятельности и перспективы развития университета, является кадровый потенциал. Следует понимать, что категория «кадровый потенциал» включает не только собственно кадры, но и определенный уровень совместных возможностей сотрудников для достижения заданных целей организации [1]. Такой подход определяет кадровый потенциал как активный элемент организации и один из центральных объектов управления в вузе и в системе высшего образования в целом.

В качестве основных составляющих развития кадрового потенциала современные российские вузы рассматривают создание условий и стимулов для эффективной работы, обеспечение возможностей для профессионального и личного развития, повышения квалификации, реализации творческой активности и карьерного роста преподавателей и научных сотрудников [2]. Повышение квалификации (в том числе и профессиональная переподготовка) и стажировки рассматриваются в качестве ключевых видов деятельности по развитию кадрового потенциала. При этом обязательность и регулярность обучения по программам повышения квалификации обеспечивается формированием перечня квалификационных требований к должности в соответствии с квалификационными справочниками и (или) профессиональными стандартами и, как следствие, ограничением участия преподавателей в процедурах конкурсного отбора без прохождения повышения квалификации.

В реализации указанных направлений образовательные учреждения уделяют особое внимание работе с начинающими педагогическими и научными работниками: разрабатывают и реализуют программы, направленные на привлечение, адаптацию и закрепление молодых преподавателей и

исследователей, развитие у них необходимых профессиональных компетенций [3, 4], осуществляют построение их индивидуальных профессиональных (карьерных) траекторий. В рамках таких программ вузы решают общие задачи:

- создание условий, способствующих профессиональному и личностному развитию молодых преподавателей;
- повышение мотивации к преподавательской деятельности.

Формирование профессорско-преподавательского состава в большинстве российских вузов традиционно осуществляется, в основном, из числа лучших выпускников. К преимуществам такой формы можно отнести возможность отбора специалиста с требуемым и известным уровнем профессиональной подготовки, а также включенность кандидата в вузовскую среду, что облегчает процесс его последующей профессиональной адаптации. Существенным ограничением такого подхода является, как правило, сочетание теоретических знаний высокого уровня с отсутствием у кандидата практических знаний и умений в области педагогики, психологии, организационной работы. В решении этой проблемы значительную роль играет обучение молодых специалистов.

Мероприятия по привлечению и закреплению молодых преподавателей и научных работников представлены в программах развития большинства ведущих вузов России [5]. Существующие практики характеризуются разнообразием форм и подходов. Так, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (далее – НИУ ВШЭ) осуществляет поддержку молодых преподавателей через программу кадрового резерва «Новые преподаватели» [6]. Работа включает такие механизмы, как стартовые гранты на 24 месяца после приема молодого преподавателя в НИУ ВШЭ по основному месту работы на полную ставку, снижение учебной нагрузки на 25% от установленных в НИУ ВШЭ нормативов учебной нагрузки, дополнительные программы академической мобильности. Значительное место в реализуемых механизмах отводится специальным программам повышения квалификации. НИУ ВШЭ Нижний Новгород реализует инициативный образовательный проект «Разработка системы по развитию блока академических компетенций молодых преподавателей». Совершенствование системы непрерывного образования и дополнительной профессиональной подготовки является одним из основных мероприятий кадровой политики Национального исследовательского университета ИТМО (далее – НИУ ИТМО). Мероприятие направлено на повышение качества возрастной и квалификационной структуры научно-педагогических кадров Университета за счет интенсивного вовлечения

молодежи в научную, образовательную и инновационно-предпринимательскую деятельность НИУ ИТМО.

Одним из ключевых инструментов профессиональной подготовки молодых специалистов является реализация программ содействия профессиональному росту, включающих регулярное повышение квалификации и переподготовку персонала. Особый упор делается на развитие системы непрерывного образования и профориентации молодежи [7]. Национальный исследовательский Томский политехнический университет (далее – НИУ ТПУ) одним из центральных блоков модели непрерывного развития педагогического профессионализма преподавателя инженерного вуза также определяет повышение квалификации. В рамках этого блока для начинающих преподавателей НИУ ТПУ в 2012 г. была разработана программа «Педагогический минимум», которая реализуется и в настоящее время. Программа ориентирована на начинающих преподавателей и является обязательной для всех вновь принятых педагогических работников [8]. Подобные программы в последние годы открывают многие российских вузы. Так, с апреля 2014 г. программу «Школа начинающих преподавателей» реализует Академия ФСИН России [9], с февраля 2015 г. программа «Школа молодого педагога» открыта в Калмыцком государственном университете [10], с декабря 2018 г. программу повышения квалификации «Школа молодого преподавателя» реализует Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова [11].

В Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (далее – ННГУ) имеется большой опыт деятельности по развитию педагогических, психологических, коммуникативных, информационных и иных компетенций профессорско-преподавательского состава. Базовым элементом системной работы с молодыми педагогическими работниками стал проект «Школа молодого преподавателя» – программа повышения квалификации, направленная на решение актуальной проблемы недостаточного развития психолого-педагогических компетенций у начинающих вузовских преподавателей, обладающих высоким уровнем профессиональной подготовки, но не имеющих, как правило, специального педагогического образования. «Школа молодого преподавателя» представляет собой единую целостную систему работы с молодыми педагогическими работниками, включающую отбор, обучение, поддержку и сопровождение молодых преподавателей. Помимо основной цели, программа способствует построению личностно ориентированной траектории становления педагогического профессионализма

молодых преподавателей и формированию эффективной коммуникации в ННГУ.

Новизна программы связана с использованием инновационных образовательных технологий и ориентированностью на максимальное личностное и профессиональное развитие начинающего специалиста. Ожидаемым результатом программы является формирование преподавателя, готового гибко и творчески подходить к решению выполняемых учебно-методических задач, с прочно сформированными потребностями в постоянном профессиональном самообразовании и саморазвитии.

Программа была разработана и впервые реализована в сентябре 2015 г. Целевой аудиторией программы являются преподаватели естественно-научных, гуманитарных и социально-экономических, общепрофессиональных и специальных дисциплин, имеющие стаж педагогической работы не более трех лет и не имеющие специального педагогического образования. Набор в группы проводится с периодичностью один-два раза в течение учебного года. Управление персонала проводит анализ массива персональных данных педагогических работников, занимающих должности профессорско-преподавательского состава, и составляет список преподавателей, которым рекомендуется пройти обучение в «Школе молодого преподавателя». Кандидатуры на прохождение обучения обсуждаются с деканами факультетов (директорами институтов). Ограничения по возрасту и стажу работы не являются абсолютными – слушателями могут стать преподаватели, имеющие больший возраст или стаж, при возникновении необходимости (например, в случае выхода на работу после отпуска по уходу за ребенком или после длительных перерывов в работе по иным причинам), по запросу со стороны работника либо по представлению его руководителя.

За период 2015-2019 гг. в «Школе молодого преподавателя» прошли обучение четыре группы молодых преподавателей, число выпускников программы составило 71 человек (табл. 1).

Разработку содержания программы проводили на основании анализа потребностей начинающих преподавателей, выявляемых методом анкетирования, как самих начинающих преподавателей, так и их непосредственных руководителей. В значительной мере был использован личный опыт авторов программы, являющихся действующими преподавателями ННГУ и имеющих стаж педагогической работы в вузе более 25 лет.

**Выпускники программы «Школа молодого преподавателя»
за период 2015–2019 гг. по подразделениям, в которых они работают**

	Факультет (институт)	Количество выпускников, чел.	% от количества обучающихся
1.	Химический факультет	10	14,0
2.	Радиофизический факультет	5	7,0
3.	Физический факультет	4	5,6
4.	Юридический факультет	5	7,0
5.	Факультет социальных наук	5	7,0
6.	Факультет физической культуры и спорта	4	5,6
7.	Институт военного образования	6	8,5
8.	Институт международных отношений и мировой истории	6	8,5
9.	Институт экономики и предпринимательства	6	8,5
10.	Институт биологии и биомедицины	7	9,9
11.	Институт информационных технологий, математики и механик	6	8,5
12.	Институт филологии и журналистики	7	9,9
	ИТОГО:	71	100

Программа постоянно совершенствуется, в рамках учебного плана проводится корректировка содержания, видов учебных занятий, времени, отведенного на освоение модулей программы с учетом оценки состава аудитории, специфики профессиональной деятельности и опыта педагогической работы слушателей, а также текущей актуальности тех или иных вопросов. Существенную роль в этом играет регулярная обратная связь со слушателями, проводимая, в том числе, методом анкетирования после окончания программы.

Анкеты обратной связи содержат перечень вопросов, которые позволяют оценить не только актуальность конкретных тем для слушателей и качество работы преподавателей программы, форматы проведения занятий и выполнения итоговой работы, но и составить целостное представление о мотивации молодых преподавателей и степени полезности программы в целом лично для каждого слушателя. Наибольший интерес авторов программы вызывают ответы на вопросы о личной полезности программы для слушателей и их предложения по содержанию курса.

Программа рассчитана на 72 академических часа и реализуется в течение 12 недель. Учебно-тематический план программы включает лекции,

практические занятия (семинары, тренинги, мастер-классы) и самостоятельную работу слушателей. Обучение осуществляется без отрыва от производства и включает пять модулей.

В рамках занятий *первого модуля* «ННГУ им. Н.И. Лобачевского как работодатель» слушатели имеют возможность составить представление об университете как об одном из крупнейших работодателей региона, получить актуальную информацию и консультации по вопросам прохождения процедур конкурсного отбора и трудоустройства в ННГУ. Слушатели традиционно оценивают этот блок как «крайне актуальный», «с высокой степенью полезности полученных знаний», из него слушатели получают «очень много актуальной информации по трудоустройству» (цитаты из анкет выпускников программы).

Второй модуль посвящен актуальным методам работы с информацией. В его рамках слушатели знакомятся с современными источниками информации, ее видами и основными характеристиками, требованиями, предъявляемыми к информации, актуальными методами ее поиска и анализа. Важное место в данном модуле занимает блок занятий по способам представления учебной информации, принципам использования наглядных материалов и презентаций в учебных занятиях. Начиная активную научную работу на старших курсах вуза, многие преподаватели имеют определенные знания и опыт работы с современными базами данных научной информации, представление об оценке публикационной активности, практические навыки подготовки презентаций докладов и учебных занятий, что, безусловно, учитывается при формировании содержания занятий в рамках модуля. По сравнению с реализацией программы в первый год, с учетом отзывов и критики слушателей, в содержательной части произошло смещение акцента в сторону наукометрических индикаторов. Слушатели третьего и четвертого выпусков программы оценивают этот блок как «важный, крайне полезный», высоко оценивая при этом работу преподавателя и качество подачи материала.

Третий модуль программы посвящен современным образовательным технологиям. Этот блок программы чрезвычайно разноплановый. Темы лекционных занятий модуля освещают основные принципы организации учебного процесса в соответствии с государственными образовательными стандартами, компетентностный подход в практике преподавания в высшей школе и проектно-ориентированные методы. Практические занятия в рамках модуля посвящены возможностям использования проектно-ориентированных методов в образовательном процессе. Тематику организации учебного процесса в соответствии с требованиями ФГОС слушатели определяют как «скучную, но

важную, касающуюся всех и каждого». Материал, по отзывам выпускников, «востребован при составлении рабочих программ дисциплин и фондов оценочных средств», поскольку в этот процесс вовлечены и начинающие преподаватели. Особенно слушатели отмечают работу преподавателя, способного донести формальный материал «интересно и понятно». Слушатели также высоко оценивают проектно-ориентированные методы – как направленность занятий, так и их содержательную часть, выбирая для себя наиболее подходящие формы работы с обучающимися из предлагаемых преподавателями. Многие отмечают, что полученный материал «несомненно, будут использовать в рамках реальных занятий», некоторые слушатели начинают пробовать применять элементы предлагаемых форматов работы с обучающимися уже в процессе обучения: «знания ужегодились при подготовке и проведении семинаров у студентов».

Принципы работы с аудиторией отрабатываются в рамках *четвертого модуля*. Модуль изначально включал блоки по психологической подготовке и по технике речи и развитию возможностей голосового аппарата. По запросу целевой аудитории, с 2018 г. модуль дополнен занятиями, посвященными формированию имиджа преподавателя вуза и этике речевого общения. Занятия модуля реализуются в формате тренингов и мастер-классов. Слушатели осваивают приемы установления контакта с аудиторией, привлечения и удержания внимания, управления эмоциональным состоянием, изучают и получают практический опыт использования основных способов профилактики и разрешения конфликтов. Выпускники программы отмечают как «отлично подобранные примеры и упражнения», так и «возможность анализа реальных ситуаций». Оценка полезности блока традиционно высокая: «все, что давалось на занятиях психологами, крайне важно знать любому преподавателю, не только вуза, но и любого другого образовательного учреждения». Курс по развитию возможностей голосового аппарата слушатели считают одним из наиболее запоминающихся благодаря «оригинальной подаче материала» и «высокой степени новизны».

Наиболее сложной, но вместе с тем, интересной частью программы является *пятый модуль* «Проектная работа слушателей». Он предусматривает выполнение групповой проектной работы «Проект учебного занятия». Слушатели разрабатывают концепцию и алгоритм проведения реального учебного занятия с использованием знаний и умений, полученных на занятиях в рамках программы повышения квалификации. Основная сложность при подготовке проектной работы заключается в административном принципе формирования групп без учета предпочтений слушателей (а иногда – и вопреки

им), при этом основным критерием разделения слушателей на группы является отсутствие пересечений в областях их профессиональной деятельности. Это, с одной стороны, приводит к сложностям в процессе выбора единой, интересной и понятной для всех темы, с другой стороны – способствует формированию междисциплинарного подхода. Сами слушатели традиционно высоко оценивают как саму необходимость выполнения групповой проектной работы (от 8 до 10 баллов по 10-балльной шкале со средним значением 9,0 баллов), так и принцип формирования групп (от 6 до 10 баллов, среднее значение 8,7 балла), отмечая при этом ряд противоположных моментов. Минусы, как уже было сказано, слушатели связывают со «сложностью выбора темы и вида занятия», а также «времени и места для совместной подготовки работы», что обусловлено территориальным расположением корпусов университета и занятостью преподавателей. Положительными сторонами такого подхода слушатели отмечают «опыт работы в разноплановой группе», «развитие коммуникативных связей преподавателей разных факультетов и институтов» и, самое ценное, на взгляд разработчиков программы, способность к генерированию неожиданных тематик. Выпускные проекты слушателей разных выпусков были посвящены, в том числе, юмору и шуткам в процессе преподавания учебного материала (проект факультета социальных наук, Института филологии и журналистики, Института биологии и биомедицины и химического факультета), криптовалютам (проект Института экономики и предпринимательства, Института филологии и журналистики, химического и физического факультетов), проблемам допинга в спорте (проект Института международных отношений и мировой истории, Института филологии и журналистики, факультета физической культуры и спорта и химического факультета), пожарной безопасности (проект Института военного образования, Института экономики и предпринимательства, Института информационных технологий, механики и математики и химического факультета) и многим другим аспектам. Несомненной ценностью каждого из проектов является возможность его использования в рамках реальных учебных или внеучебных занятий с обучающимися всех факультетов и институтов – участников проекта.

Давая общую оценку программе, выпускники высоко оценивают как актуальность программы в целом (от 8 до 10 баллов со средним значением 9,4 балла), так и личную полезность программы (от 8 до 10 баллов со средним значением 9,2 балла). В комментариях к минимальным оценкам слушатели пишут, что «это не высшая оценка, поскольку ряд занятий пересекается с некоторыми из модулей, которые преподавали только что в аспирантуре, но это субъективно». Учитывая высокую долю административного ресурса при

формировании списка слушателей программы, ценными для авторов являются отзывы о соответствии уровня программы ожиданиям. Выпускники выбирают ответы «лучше, чем ожидал» либо «примерно соответствует», ответ «хуже, чем ожидал» не выбран ни одним из участников опроса. Типичные ответы на вопрос о том, что выпускники лично получили от программы, выглядят следующим образом: «практически полезные знания», «неоценимый опыт», «практику развития имеющихся навыков и, возможно, формирование новых», «информацию для размышления и осмысления», «новые отличные знакомства», что свидетельствует о достижении цели программы повышения квалификации.

Стабильно высокий интерес слушателей и деканов факультетов (директоров институтов) ННГУ к проекту «Школа молодого преподавателя», отзывы слушателей и выпускников программы об использовании полученных при обучении знаний и навыков в практике педагогической работы подтверждают правильность выбранного подхода к работе с молодыми преподавателями. Схожесть условий образовательной среды российских вузов позволяет предположить возможность трансляции успешного опыта ННГУ по реализации проекта «Школа молодого преподавателя» в других российских вузах, независимо от их профиля.

К основным рискам проекта «Школа молодого преподавателя» можно отнести увольнение преподавателей, прошедших обучение и получивших необходимые профессиональные компетенции, с занимаемой должности в связи с переходом в другую организацию. Следует отметить, что в тоже время реализация проекта способствует эффективной адаптации к педагогической деятельности и вовлечению молодых преподавателей в различные аспекты жизни университета, повышению их мотивации и росту организационной лояльности. Минимизация возможных рисков может быть достигнута использованием имеющихся и развитием новых способов материального и нематериального стимулирования профессорско-преподавательского состава.

Литература

1. Лазарев Г.И., Мартыненко О.О., Лазарев И.Г. Новые стратегии вуза в развитии кадрового потенциала // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1 (95). С. 53–63.
2. Назарова И.Б. Кадровые стратегии российских университетов // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 108–115.
3. Масалова Ю.А. Качество человеческих ресурсов как объект управления в системе высшего образования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 1. С. 107–114.
4. Березовская Е.А., Крюков С.В. Привлечение и сохранение молодых преподавателей в системе высшего образования // Высшее образование в России. 2014. № 6. С. 117–122.
5. Суровицкая Г.В. Механизмы развития кадрового потенциала опорных университетов России // Университетское управление: практика и анализ. 2019. № 23 (1-2). С. 72–80.
6. Кадровый резерв НИУ ВШЭ. URL: <https://academics.hse.ru/kr/main>.
7. Кадровая политика НИУ ИТМО. URL: http://niu.itmo.ru/ru/page/7/kadrovaya_politika.html.
8. Паканова В.С. Многоуровневая система повышения квалификации преподавателей технического вуза // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1 (78). С. 41–45.
9. Академия ФСИН России. Школа начинающих преподавателей. URL: <http://www.apu.fsin.su/area/methodical/cabinet/shnp/>.
10. Школа молодого педагога. URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5710:2016-10-06-08-25-52&catid=1:news&Itemid=333.
11. Школа молодого преподавателя. URL: <https://www.rea.ru/ru/org/managements/Upravlenie-personala/orop/Pages/shchool-mol-prepod.aspx>.

2.3. ОБРАЗ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ В ПОСТРОЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЛАНОВ СТУДЕНТОВ

В последние годы в России у молодежи наблюдается усложнение процесса профессионального самоопределения, который включает в себя развитие самосознания, формирование системы ценностных ориентаций, моделирование своего будущего, осмысление образа профессии. Окончательное формирование профессионального становления происходит лишь на этапе статусного перехода от студента к статусу специалиста, из сферы образования в сферу занятости. При поступлении в вуз абитуриенты ориентируются не на четкие представления о своей будущей профессии, а на субъективный образ профессии. Обучаясь в вузе, многие студенты разочаровываются в выбранной специальности, в результате чего выпускники не работают по специальности, приобретенной в вузе. Рассматриваются результаты исследования факторов, формирующих представления студенческой молодежи об образе будущей профессии, а также факторов, отражающих отношение студентов к выбранной профессии, которые влияют на траектории профессионального развития студентов в процессе обучения в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: высшее образование, студенческая молодежь, профессиональное определение, профессиональное становление, образ профессии, удовлетворенность профессией, трудоустройство.

В постоянно меняющемся мире профессий, в котором одни профессии исчезают, а другие радикально меняются или обогащаются новым содержанием, от человека требуется постоянная переподготовка, переобучение, саморазвитие. При столь динамичном современном рынке труда необходимы специалисты с определенными знаниями и навыками, с высоким уровнем компетентности и мобильности, которые станут успешными и востребованными в своей профессиональной деятельности.

В процессе профессионального самоопределения выбор высшего учебного заведения играет важную роль. «Выбор человеком области будущей профессиональной деятельности является важнейшим этапом жизни человека: фактически это выбор молодым человеком своей судьбы» [1, с. 43]. Перед молодым человеком, вступающим в самостоятельную жизнь, стоит проблема выбора профессии. Допущенные при этом ошибки имеют серьезные последствия и для самого человека, и для общества. Причем правильный выбор профессии формирует важнейшие качества личности. Исследователи отмечают, что сегодня, когда уровень жизни человека зачастую зависит от его личностных

качеств, становится велико значение профессионального самосознания молодежи.

На выборе вуза процесс профессионального поиска не заканчивается и находит свое продолжение в выборе профессиональной деятельности, нередко не связанной со специальностью, получаемой в вузе, или получении второй степени (магистратура) высшего профессионального образования или второго образования по другой специальности [2, с. 152].

С целью изучения особенностей профессионального выбора современной молодежи, выявления взаимосвязи между получаемым образованием и будущей карьерой выпускника было проведено исследование, позволившее выделить широкий набор сюжетов, связанных с исследуемой проблемой¹.

Выбор профессии – первая по-настоящему серьезная задача, которую старшекласснику необходимо решить самому. Насколько успешным будет решение этой проблемы, настолько уверенно он будет чувствовать себя в будущей трудовой деятельности. Выбор профессии у многих людей начинается с детских мечтаний: кто-то мечтал стать космонавтом, кому-то хотелось быть учителем. Со временем у большинства людей меняется мнение о будущей работе, а кто-то воплощает детскую мечту в реальность.

Самые популярные профессии среди современных детей – ветеринар, врач, учитель. Эти простые, но важные профессии, по мнению сегодняшних студентов, нравились им в детстве больше всего. Некоторые дети были уверены, что станут преподавателями из желания быть похожими на своих любимых учителей: *Вообще хотела быть учительницей начальных классов. Просто потому, что очень любила своего первого учителя в школе. Гордилась им, даже как-то старалась быть похожей. С ними они проводили большую часть своего дня, их работа казалась им интересной и даже восхищала: Учась в школе, глядя на школьных учителей, мне тоже хотелось выполнять ту же работу, что и они. Мне казалось это таким удивительным: учить детей, быть учителем.*

Учитель и врач – это те профессии, которые чаще всего передаются от поколения к поколению в семье. Родители, которые любят свою работу, являются положительным примером для детей: *Мама у меня работает*

---

¹ Социологическое исследование «Профессиональные установки и ориентации студенческой молодежи» (2017). Были проведены интервью с 300 студентами из различных высших учебных заведений Нижнего Новгорода, в т.ч. 95 юношей и 205 девушек. Основная часть студентов – социологи, социальные работники, экономисты, менеджеры, юристы. Контрольная группа – студенты традиционных профессий – инженеры, педагоги, медики (98 человек). Анализ данных проводился с использованием программы «Лекта» (Лексико-семантический анализ текстов).

учителем начальных классов. Это еще больше подкрепило мое желание стать учителем. Преемственность поколений существует и в семьях медиков. Дети из семей медиков чаще других повторяют профессиональный путь своих родителей. Кто-то из детей, мечтающих о карьере врача, мечтал об этой профессии из желания помогать людям, кто-то из желания быть уважаемым человеком со стабильной работой, а кто-то в стремлении заработать. Подражание авторитетным людям из области медицины также является причиной популярности профессии врача. Однако не стоит забывать, что профессия врача очень ответственна и сложна, и что в медицинском вузе долго и тяжело учиться: *Я просто представляла себя стоматологом, а на самом деле боялась крови и лечить зубы людям, наверное, никогда бы не смогла.* Поэтому среди молодежи так мало тех, кто реализовал свою мечту о профессии врача. Но студенты, воплотившие свою мечту в жизнь, довольны своим выбором и учатся с удовольствием.

Профессию ветеринара выбирают дети, которые любят животных и хотят им помогать. Дети, с детства мечтающие стать ветеринаром, считают, что эта профессия очень важна и актуальна в современном мире: *В детском садике я мечтала стать ветеринаром. Мне всегда казалось, что это одна из самых добрых профессий, да и я очень люблю животных.*

Такие конкретные детские установки довольно редко воплощаются в жизнь, однако ценностные установки, сформировавшиеся в процессе таких мечтаний, влияют на выбор профессии в дальнейшем. Многие студенты говорят, что в детстве мечтали о такой профессии, которая давала бы им возможность помогать людям: *Я с детства хотела стать юристом, а точнее адвокатом, чтобы защищать других людей.* Так говорят о своей профессии те студенты, которые в детстве мечтали, а сейчас получают образование юриста, государственного служащего, социального работника: *После 9 класса я поняла, что хочу быть адвокатом. <...> К тому времени я поняла, что моя главная цель – защищать права людей. И сейчас я иду к этой цели.* Профессией, приносящей пользу людям, студенты нередко называют и журналистику. В детстве они мечтали о ней, занимались творчеством, писали заметки, небольшие рассказы, эссе, общались с интересными людьми и анализировали информацию, что помогло им осуществить свою мечту и стать журналистом: *Вот так мое творчество привело меня к мечте – стать журналистом.*

У каждого студента были раздумья о будущей профессии. С возрастом мечта о профессии меняется. У одних это желание окрепло и стало целью, а другие с улыбкой вспоминают эти детские мечты: *Я очень хотела быть политиком, я хотела решать какие-то отношения в политике. Я хотела*

работать в ООН. Я хотела иметь свой отель. Я хотела быть журналистом, телеведущей.

Зачастую дети хотят быть похожими на людей, которые рядом с ними – водителей, продавцов, пожарных: *В детстве я мечтала объявлять остановки в электричках, я даже учила специально эту речь.* Студенты говорят, что когда они были детьми, работа, например, водителя им казалась интересной, т.к. она позволяет передвигаться по городам, узнавать много нового. В детском возрасте не думают о финансовом благополучии или о престижности профессии: *В детстве играли в магазин с подружкой, и мне всегда нравилось быть продавцом-кассиром, а не покупателем.* Может статься, что ребенок мечтает о том, чтобы стать дворником, потому что думает, что они работают только утром, а потом можно весь день гулять или спать. Кто-то мечтает стать бизнесменом, потому что думает, что те не работают, а только отдыхают. Дети много раз меняют свои представления о том, кем хотят стать в будущем. Взрослея, они осознают, что детская мечта вряд ли осуществится, и выбирают более реальную профессию: *Сначала я хотела быть ветеринаром, потом хотела быть гимнасткой, затем шеф-поваром.* Годы проходят – дети взрослеют, их взгляды и мечты меняются.

Многим детям нравится профессия их родителей, они не видят иного варианта, чем идти по их стопам: *В детстве, когда я учился в начальной школе, мечтал стать летчиком. Мой отец был военным инженером, и жили мы в военной городке. Там все мальчишки хотели быть летчиками.* В этом есть заслуга и самих родителей – если те любят свою работу, то дети хотят во всем походить на маму и папу, в т.ч. и в профессии.

Очень часто дети мечтают о профессиях, связанных с искусством – актеры, танцоры, музыканты, художники. Желание стать известным, чтобы их показывали по телевизору, печатали о них в СМИ, узнавали бы на улице – главные причины такой мечты. Детей подкупает внешняя яркость и кажущаяся легкость этих профессий, они мечтают о всеобщем восхищении: *Я очень хотела стать артисткой. Мне очень нравились красивые наряды, особенно в исторических фильмах. Также нравилось, что они много путешествуют.* Нередко такие дети занимаются творчеством с малых лет – они танцуют, поют, ходят в театральную студию. Однако, взрослея, начинают понимать, как труден и долг путь к успеху, и выбирают себе профессию более приземленную и реальную: *Просто повзрослела и поняла, что не так-то просто добиться успеха в этой области, стать знаменитой нелегко. В детстве мне казалось, что одного желания и умения хорошо петь достаточно. Потом пришло осознание, что нужно еще иметь связи, да и*

просто заниматься нужно было, а на это времени не хватало. Немногие из них претворяют свою детскую мечту в жизнь, но те, кто верил в свой успех, добиваются многого.

Иногда дети находят свою мечту в книгах и фильмах. Их увлекают литературные и художественные образы, они хотят быть похожими на этих героев: *Мечтал быть палеонтологом. Мне нравились динозавры в детстве, была любимая книга о них.* Летчик, космонавт, стюардесса, исследователь – эти профессии в детстве казались интересными и романтическими. К окончанию школы родители многих из них убеждали, что нужно мыслить реалистично и думать о своем будущем: *Мама говорила, что очень важно устроиться на хорошую работу, зарабатывать, быть кем-то в этой жизни.*

Детские мечты и представления развиваются и изменяются в школе, где на уроках выявляются способности к определенным предметам, а при общении с родителями, учителями и одноклассниками начинают проявляться профессиональные склонности. Именно в это время многие школьники определяют, в какой сфере профессиональной деятельности стоит развиваться: *В период обучения в школе у меня проявился интерес к автоделу и автомобильной технике.* Интерес к учебным дисциплинам у многих старшеклассников перерастает в интерес к науке, к ее прикладным и историческим аспектам.

Все дети в том или ином возрасте хотят кем-то стать, но далеко не все становятся профессионалами в избранной области. Только высокая потребность в самореализации помогает претворить в жизнь свою мечту, приводит в будущем к карьерным успехам, формирует сильную мотивацию достижений. Между детскими желаниями и профессиональной реализацией человека существует определенная связь. Мы не всегда становимся тем, кем хотели, но очень важно стремление к цели. Безусловно, необходимы и интеллектуальные способности, умение общаться с людьми, трудолюбие, упорство, смелость решений, лидерские качества.

Современные абитуриенты зачастую не осознают свои способности, не ориентируются на свои личные качества, не разбираются в системе профессиональных отношений, в связи с чем выбирают учебное заведение неосознанно, основываясь на таких факторах, как престижность профессии и вуза, популярность учебного заведения среди друзей, его близкое расположение к дому. Одним из важнейших факторов вуза сегодня является Единый государственный экзамен. «В основе мотивации выбора вуза лежит, прежде всего, его репутация и авторитет, разносторонняя деятельность, профессионализм профессорско-преподавательского состава и качество

образования. С выбором факультета и специальности у будущих студентов возникают затруднения, и здесь на протяжении многих лет у большинства в основе мотивации выбора лежит количество набранных баллов ЕГЭ по выбранным дисциплинам» [3, с. 617].

Многие российские социологи отмечают, что с введением системы ЕГЭ произошло радикальное изменение процедуры выбора профессии у школьников. «До введения ЕГЭ каждый школьник должен был осуществить выбор своей будущей профессии до начала вступительных экзаменов в один вуз и на одну специальность. Теперь в выбор профессии вошли дополнительные факторы, и окончательный профессиональный выбор смещается ко времени зачисления студентов в один из вузов, факультетов и специальностей, куда абитуриент подавал свои заявления. Проблема такого выбора заключается в том, что уже в период определения школьником предметов для сдачи ЕГЭ, он фактически осуществляет и выбор направления своей будущей профессиональной деятельности» [4, с. 31].

Большинство учащихся средних школ начинают задумываться о профессиональном самоопределении только в последних классах школы: *До старших классов я вряд ли с уверенностью могла сказать о том, что мне что-то очень сильно нравится.* Именно в это время школьникам следует определиться с набором предметов для сдачи Единого государственного экзамена, который им будет необходим при поступлении в вуз. В 10–11 классах все старшеклассники уже должны иметь представление, какие предметы они будут сдавать, и каким образом они достигнут успеха в более углубленном их изучении. Наметив желаемую специальность лишь приблизительно, будущий абитуриент приступает к поиску учебного заведения, курсов подготовки и репетиторов. При давлении со стороны родителей и учителей некоторые старшеклассники выбирали предметы для сдачи экзамена, не имея никакого представления о профессии, подменив выбор профессии выбором предметов ЕГЭ: *Чтобы от меня все отстали, я побыстрее определилась с предметами к ЕГЭ. В итоге, профессию я выбрала неправильно. Это была какая-то защитная реакция.*

Большое количество сегодняшних студентов говорят о том, что, будучи школьниками, они поступали в вуз, не определившись с будущей профессией. В школе они сдавали те предметы на экзаменах, которые хорошо знали, и на основе полученных баллов ЕГЭ искали специальности, на которые можно поступить с таким набором экзаменов. Студенты говорят, что в старших классах средней школы они не задумывались о выборе профессии, а оценивали, насколько реально было сдать экзамены на лучший балл. У многих из них не

было четкого представления о том, кем они хотят стать, какую специальность выбрать, и неудачно сданные экзамены затруднили их выбор профессии: *Поступаешь зачастую не туда, куда хочешь, и не на профессию, кем бы ты хотел стать, а просто куда пройдешь.* Неосознанный выбор профессии приводит к тому, что выпускники оказываются недовольны избранной сферой деятельности, и как следствие – уровнем и качеством жизни, своей профессиональной реализованностью и душевным состоянием: *В будущей профессии у меня низкий уровень заинтересованности, поэтому нет никаких надежд и ожиданий.* Некоторые студенты говорят, что учеба в вузе для них – это трата времени, и они пытаются закончить обучение в университете только ради получения диплома. «Корочка» для них – это страховка на будущее, ведь не имея диплома о высшем образовании, они вряд ли получат место в хорошей фирме: *Мне в будущем пригодится просто галочка, что у меня есть диплом о высшем образовании, но не более того.* Такие студенты свое профессиональное будущее видят размыто, оно для них туманно. В процессе обучения они поняли, что сделали неправильный профессиональный выбор и в будущем не собираются работать по специальности.

Выбор профессионального пути у молодежи происходит из-за необходимости самоопределения на пороге вступления в самостоятельную жизнь. Молодые люди, определившись с примерным направлением своей будущей деятельности, пытаются понять, какие именно профессии востребованы на рынке труда, и где им можно обучиться наиболее эффективно. Но в школе для многих дело завершилось выбором предметов ЕГЭ, и реально интерес к своей профессии у них возник только во время обучения в вузе, причем нередко ближе к окончанию университета, когда в учебном процессе появились практики и предметы по специализации. В этот период многие из них почувствовали, что они занимаются своим делом: *После 2 курса у нас была практика, и я понял, что это именно та мужская работа, появился интерес к учебе, было интересно, что же будет дальше.*

Среди студентов, участвовавших в исследовании, есть те, кто сделал выбор профессии осознанно. Они задумались о ней еще в детстве, заранее определились со специальностью и подошли к этому максимально ответственно: *Мне всегда была интересна эта сфера. И, можно так сказать, выбор профессии я сделала еще в детстве.* Такие студенты рассчитывают на максимальное удовлетворение от трудовой деятельности в будущем. Эти молодые люди, учась в средней школе, оценивали учебный процесс с точки зрения того, что он даст им для будущего, насколько он соответствует их

представлениям о будущей деятельности. У таких школьников возникает связь между учебными и профессиональными интересами – происходит углубленное получение знаний, навыков, умений по тем предметам, которые нужны в связи с выбранной профессией.

В процессе обучения в высших учебных заведениях у студентов формируется образ профессионального будущего, а также стратегия будущей профессиональной деятельности. После окончания средней школы молодые люди выбирают путь своего дальнейшего развития и в процессе профессионального обучения постепенно конкретизируют свои личные представления о будущей сфере деятельности. Образ профессии наполняется знаниями и умениями, необходимыми специалисту в данной области, а также знаниями о том, какие существуют статусные характеристики этой профессиональной группы, какие элементы профессиональной культуры формируют образ профессионалов. Образ профессии может рассматриваться как мотивационный учебный фактор, как показатель профессионального становления студента. Он может являться импульсом для дальнейшего личностно-профессионального развития человека, т.к. побуждает его к определенным шагам, позволяющим войти в профессиональное сообщество, к знакомству со специалистами, представителями этой профессии. «Образ профессии сложен и динамичен, его основа закладывается уже на первых этапах обучения в вузе. При этом на протяжении всего периода обучения он претерпевает изменения, характер которых во многом зависит от того, уделяется ли в образовательном учреждении этому вопросу достаточно внимания» [5, с. 40].

Одна из проблем выпускников высшей школы – это отсутствие у многих из них представлений о себе как о будущих профессионалах, а также неясное представление будущей карьеры. Современные выпускники не умеют проводить анализ личностных качеств в соответствии с будущей профессией. Говоря об образе своей будущей профессии, студенты рассуждают об общей характеристике профессии, о возможных местах работы и должности, о квалификационных требованиях: *От своей будущей работы я ожидаю интересной работы, высокой зарплаты, высокой начальствующей должности* [6, с. 93].

Однако существует значительная часть студентов, у которых в процессе обучения сформировался адекватный образ профессии и, соответственно, образ себя в профессии. Такие молодые люди считают, что по окончании вуза обязательно получают престижную работу. Наиболее значимыми факторами привлекательности профессии для студентов является соответствие будущей

работы их способностям, которое даст им возможность развиваться и добиваться уважения: *Мне нравится разрабатывать сложные системы, алгоритмы, решать сложные задачи. <...> Это интересно, когда ты сделал что-то новое, а потом еще стараешься сделать это еще лучше.*

Важным аспектом профессии является ее социальное содержание. Поэтому большинство студентов рассматривает профессию с точки зрения ее престижности и востребованности, а наличие профессионализма рассматривается как обретение практических навыков. Среди требований, предъявляемых студентами к будущей работе, наиболее значимыми являются: престижность профессии, высокая заработная плата, возможность карьерного роста, интересная содержательная работа, хороший коллектив и хорошие условия труда. Эти требования обозначают практически все респонденты.

Высокий статус и престиж. Составляющими данного фактора являются высокая заработная плата, карьерный рост, престижность и статусность профессии. Престиж профессии является основным фактором выбора для большинства молодых людей: *Я считаю наиболее важным в профессии – это ранг, статус. <...> Деньги сейчас играют огромную роль. Поэтому каждому, наверное, хотелось бы иметь высокую должность.* Еще на этапе выбора профессии некоторые старшеклассники идут в вуз учиться на востребованную и престижную специальность. Они уверены, что после окончания вуза получат высокую должность с хорошей зарплатой: *Я хочу высокооплачиваемую работу. Я себя вижу управленцем, даже чуть ли не топ-менеджером.* Некоторые из них рассматривают свою будущую трудовую деятельность с точки зрения возможности работать за рубежом и путешествовать.

Престижность профессии определяется некоторыми студентами через гордость родителей, для которых важно, что их дети учатся в конкретном вузе и получают конкретную профессию. Так считают, например, студенты военных вузов и академии МВД: *Наиболее важным считаю то, что папа сможет мной гордиться. Это благородная профессия – служить Отечеству. Это долг каждого мужчины, настоящего патриота своей страны.*

Профессиональный и личностный рост. Этот фактор объединяет в себе профессиональные и личностные характеристики (призвание, индивидуальные способности, предпочтения). Здесь важен карьерный рост и возможность профессионально развиваться, причем требования к заработной плате у них отходят на второй план. Студенты этой группы, в основном, собираются работать по получаемой профессии: *Я считаю, что профессия, получаемая в вузе, должна быть такой, чтобы по ней можно было работать в дальнейшем.* У них есть стремление развиваться и стать профессиональными и

компетентными сотрудниками. Молодые люди полагают, что работа должна быть интересной, соответствовать их склонностям, открывать перспективы карьерного роста. Главным для них является само содержание работы, которое должно приносить им удовлетворение: *Наиболее важным в профессии является желание работать. Если его нет, то не вижу смысла мучить себя на работе, которая не доставляет никакого удовольствия.* С точки зрения материальной обеспеченности, такие студенты не ждут высокой оплаты труда, для них важно стать профессионалом и видеть возможности для дальнейшего профессионального роста. Студенты считают, что если человек честно выполняет свою работу по призванию и понимает свое предназначение, то ему намного легче будет достичь успеха в жизни. Многие из них, кто учится на педагога, врача, социального работника, говорят, что их профессия малооплачиваемая и в обществе не считается престижной. Однако они считают свою профессию важной, потому что на них лежит ответственность за благополучие людей. Для студентов, желающих работать по призванию, очень важно при трудоустройстве попасть в коллектив, где люди занимаются любимым делом в комфортной атмосфере.

Востребованность на рынке труда, социальные гарантии. Данная группа объединяет такие требования молодежи к будущей работе, как востребованность профессии на рынке труда, а также социальную защищенность на рабочем месте. По мнению студентов, существует много профессий, которые сейчас востребованы на рынке труда, однако могут оказаться невостребованными завтра. При выборе профессии многие из них ориентировались на прогнозы специалистов, опыт родителей и педагогов, ситуацию в экономической сфере. Для многих молодых людей важно, чтобы их профессия котирировалась на рынке труда и приносила хороший доход. Также немаловажным фактором является комфортность и защищенность сотрудников, наличие социальных гарантий.

Творчество, общение с людьми. Студенты этой группы говорят о будущей работе, как о творчестве, о возможности заниматься тем, что очень нравится: *Идеальная профессия – творческая, незаурядная, интересная.* По их мнению, работа должна быть интересной, захватывающей и создавать ощущение комфорта. Для многих студентов как часть творческой работы также необходима возможность общения с людьми и помощи этим людям.

В вузе студенты получают знания, приобретают практические навыки и умения в избранной профессиональной деятельности. По окончании университета они планируют развивать свои навыки на практике и добиваться успеха в сфере своей деятельности. В своем профессиональном будущем

уверены студенты инженерных специальностей, программисты, медики. Представители этих профессий более отчетливо представляют себе, чем они будут заниматься на своей будущей работе, и более удовлетворены профессиональной подготовкой. Для многих из них важно, какую роль будет играть выбранная профессия в их дальнейшей жизни, как она поможет им реализоваться.

«Особенностью студенческого, вообще молодежного восприятия жизни является оптимизм и романтизм. Представления о профессии, как правило, не соответствуют действительности и зачастую идеализируются. Молодые люди, выбирающие профессию, часто не знают ни основных ее характеристик, ни требований, ни реальных жизненных перспектив, связанных с этой профессией» [6, с. 95]. Ориентация на индивидуальный успех и материальное благополучие являются особенностями профессиональных ориентаций современной российской молодежи. Запрос на высокую зарплату и престижную должность часто не соответствует уровню квалификации выпускников российских вузов. Причем представления студентов о возможности добиться материального успеха обычно не связаны с профессиональным самосовершенствованием.

Сегодня в условиях профессионального выбора у молодежи сформировались жизненные стратегии, направленные, в основном, на получение материальных благ: «профессиональный выбор представляет собой ориентацию на определенный тип достижений в выбираемой профессии: профессиональную самореализацию и интересную работу; признание, славу; материальные блага, которые профессиональная деятельность может принести» [7, с. 7]. Происходящие сегодня изменения на рынке труда не позволяют молодежи адекватно оценить последствия своего профессионального выбора. На этапе выбора профессии и планирования профессиональной карьеры молодые люди зачастую совершают ошибки. Молодежь не всегда понимает, что карьера начинается не в момент получения какой-либо должности, а в момент выбора профессиональной сферы, где возможно применить свои способности.

По мнению работодателей, современные выпускники обладают завышенной самооценкой, прагматическими жизненными ориентациями, высокой мобильностью, а также отсутствием универсализма в профессии. Кроме того, нарастает недовольство работодателей качеством высшего образования. Потенциальные работодатели ждут от молодых специалистов большего не только в профессиональном плане, но и в социальном, морально-этическом. Ценностные ориентации отражают установки молодежи по

отношению к труду и занятости. «По-настоящему конкурентоспособным будет такой специалист, который обладает не только опытом работы, сколько проявляет личностные и деловые качества, такие как коммуникативность, способность к инновациям, расширению сферы деятельности и самообучению» [8].

У большинства студентов весьма неопределенные перспективы трудоустройства, причем те студенты, которые не планируют работать по получаемой специальности, говорят, что карьерные перспективы в его профессии значительно хуже, чем по другим. «Удовлетворенные своим выбором по сравнению с недовольными, разочаровавшимися демонстрируют большую приверженность профессии: чаще планируют работу по специальности, среди мотивирующих ценностей преобладает интересный творческий характер работы, значимость способностей к выбираемой профессиональной деятельности, либо статусная мотивация – ценят престиж профессии, возможность продвижения, карьеры. Недовольные своим профессиональным самоопределением, занимают более пассивную позицию: в меньшей мере склонны к карьере, менее привержены работе (ближе к семье, личной жизни)» [9, с. 133].

Некоторые молодые люди после окончания университета не собираются работать совсем. Так, в планах некоторых молодых девушек – замужество, рождение детей и домашний быт: *Даже если бы мне предложили хорошую работу с хорошей зарплатой, я бы все равно семью выбрала.* Такие студентки не собираются заниматься карьерой, они не считают себя амбициозными и хотят заниматься только семьей. Некоторые студенты после окончания вуза думают об открытии собственного бизнеса. Они планируют заработать таким образом много денег и потом не работать вообще. Такие молодые люди захвачены идеей стремительного успеха и богатства. Они не собираются тратить время и силы на работу, а хотят получать удовольствие от жизни, посвящая ее своим увлечениям.

На формирование образовательных стратегий молодежи, на выбор профессии и высшего учебного заведения существенно влияет современный российский рынок труда. Потере профессиональных навыков, полученных в вузе, способствуют сложности трудоустройства по специальности. Они возникают у выпускников из-за требований работодателей опыта работы по специальности, дефицитом вакансий, низкой заработной платой. Социологи отмечают, что «современная реальность такова, что какая-либо связь между получаемым образованием (даже выбранным в соответствии с собственными желаниями и предпочтениями студента) и будущим местом работы, видом

деятельности не является обязательной» [10, с. 170]. Многочисленные исследования показывают, что значительная часть студентов не связывают свое образование с будущим местом работы. В настоящее время диплом о высшем образовании не является гарантией трудоустройства по специальности.

Ценность образования для многих молодых людей определяется и установками в обществе о необходимости получения диплома о высшем образовании. Зачастую у старшеклассников существует пассивное отношение к выбору своей профессии: так принято, для трудоустройства нужны «корочки», этого хотят родители. Диплом о высшем образовании является неотъемлемой характеристикой при трудоустройстве. Однако сегодня мало наличия диплома, требования работодателей на рынке труда ужесточаются. Работодатели требуют от претендентов на должность наличие опыта работы по специальности. Многочисленные исследования подтверждают, что «наличие диплома является большим преимуществом только при трудоустройстве, в дальнейшей работе молодому специалисту необходимы профессиональные знания и навыки. Молодые люди хотят не просто устроиться на работу, а с ее помощью добиться материального благополучия и общественного признания, стремятся получить не только диплом о высшем образовании, но и профессиональные знания, необходимые в будущей работе» [11, с. 59]. Приобретая необходимый опыт и устойчивый профессиональный статус, молодой специалист начинает чувствовать себя уверенно на рынке труда.

В современных социально-экономических условиях молодым специалистам сложно устроиться на вакантное место и закрепиться в профессиональной области. С проблемой трудоустройства сейчас сталкивается большинство выпускников российских вузов. Специалисты фиксируют высокий уровень безработицы среди молодежи и считают, что у безработицы в России молодое лицо: «В России безработных среди молодежи больше, чем среди других возрастных групп населения. Первый выход на рынок труда осложнен отсутствием трудового опыта у претендентов на рабочие места, противоречивостью и неоднозначностью процесса самоопределения и выбора молодежи, рассогласованностью рынка образовательных услуг и рынка труда. Доля молодежи среди безработных выше, чем удельный вес этой демографической группы в трудоспособном населении страны» [12, с. 45].

Огромное количество выпускников вузов России устраиваются на работу не по полученной специальности. Многие исследователи считают этот процесс следствием не только социально-экономического положения в стране, но и «кризиса системы профессионального самоопределения, профессиональной социализации и профессиональной самореализации в России, так как

современная молодежь, ориентирующаяся на престижные и «прибыльные» профессии, не всегда осознает последствия неправильного выбора профессии» [13, с. 30]. Такая ситуация является результатом отсутствия у многих молодых людей четких профессиональных ориентаций. Многие из них сделали профессиональный выбор неосознанно, они изначально не были ориентированы на профессию и не связывали свои жизненные планы с получаемой специальностью. Они не стремятся применять полученные знания на практике, т.к. изначально выбрали профессию, которая не соответствует их склонностям и способностям.

Неопределенность профессиональных планов сегодня выявляется у большинства молодых людей – при поступлении в вуз у них нет четких профессиональных стратегий. Закончившему высшее учебное заведение молодому специалисту проблематично найти работу на рынке труда. Для трудоустройства в большинстве случаев необходим практический опыт работы, это является одной из причин того, что современные студенты работают в процессе обучения. Работа помогает студенту не только приобрести необходимый ему опыт работы, но и решить материальные проблемы. Однако необходимость работы связана не только с материальной независимостью от родителей, многие студенты работают, чтобы оплатить свое обучение или ради содержания своей собственной семьи. Для студентов, приехавших учиться из других регионов, работа является необходимостью. Важно отметить, что работающий студент обладает высокой мотивацией труда, он лучше адаптирован к социально-экономическим условиям. Работа во время обучения помогает приобрести такие навыки как дисциплинированность, организованность, умение работать в коллективе.

Студенты, подрабатывающие по получаемой профессии, апробируют на практике приобретенные в вузе знания, в результате чего они лучше понимают производственный процесс. Ориентированный на свою профессию студент – не только перспективный специалист, но и человек с четко сформированными жизненными планами. Вторичная занятость таких студентов не только решает их материальные проблемы, но и помогает им укрепиться в профессиональном самоопределении. Однако нужно отметить, что работающие студенты чаще всего выполняют малоквалифицированную работу за небольшую зарплату. Причем эта работа обычно далека от их специальности и не способствует их профессиональному росту. Те студенты, работа которых не связана с получаемой специальностью, зачастую не собираются работать по профессии после окончания вуза. Социологи наблюдают изменение образовательных планов у таких студентов – большинство из них собираются получать второе

высшее образование по специальности, по которой сейчас работают. Таким образом, в результате вторичной занятости такие студенты находят постоянную работу, и это способствует их профессиональному самоопределению.

Сегодня складывается ситуация, когда после получения профессионального образования молодые люди не находят работу и продолжают свое образование, порой совершенно в другом направлении. «Этапы обучения и трудовой деятельности теперь стали попеременно сменять друг друга или протекать параллельно. Молодежь, получая образование, не выходит на рынок труда "окончательно и навсегда", а периодически возвращается к образовательной деятельности» [14, с. 120].

Профессиональное самоопределение – длительный непрерывный процесс, состоящий из нескольких этапов. На каждом этапе у человека происходит осознанный выбор своего последующего профессионального пути. Причем немаловажная роль здесь отводится образованию, которое является фундаментом для будущей жизни. Профессиональное самоопределение на этапе студенчества имеет свою специфику. Она заключается в том, что выбор будущей профессии уже сделан, однако он остается неоконченным и может быть изменен с учетом нового опыта в ходе получения образования.

Спецификой профессионального самоопределения и профессиональной самореализации российской молодежи является отсутствие у молодого поколения устойчивых профессиональных ориентаций и установок. Исследование показало, что сегодня молодые люди делают выбор не самой профессии, а ее образа. В числе мотивов выбора профессии следует отметить получение высшего образования ради достижения жизненного успеха, который многие молодые люди видят в материальном достатке, удовлетворении амбиций по достижению высокого карьерного статуса. Важными факторами успешности будущего трудоустройства они считают высокую зарплату, карьерный рост, престижность профессии, интересную работу и возможность самореализации. Представления молодежи о профессии и о себе как профессионалах в этой области зачастую неопределенные, и в ходе профессионального обучения происходит трансформация образа профессии.

Адекватное профессиональное самоопределение характеризуется успешным согласованием своих интересов со способностями, потребностями общества, самосознанием личности, в результате чего человек находит свое место в обществе и реализует себя как личность. При неадекватном выборе, когда молодой человек выбирает профессию, например, по желанию и требованию родителей, или ориентируется на разные факторы социальной среды, зачастую происходит потеря интереса к специальности, наступает

разочарование. Поэтому так важно для профессиональной самореализации иметь определенные профессиональные планы и четко понимать перспективы профессиональной карьеры.

Профессиональные намерения могут изменяться от периода выбора предметов для сдачи ЕГЭ до начала работы по избранному профилю профессиональной деятельности. В связи с этим процесс профессионального самоопределения сегодня сильно усложнился. Социологи и психологи, занимающиеся данной проблемой, говорят, что окончательное формирование профессионального самосознания происходит лишь на этапе статусного перехода от студента к статусу специалиста, из сферы образования в сферу занятости. «Происходит переосмысление и уточнение различных вариантов профессионально-творческого саморазвития, трудоустройства и построения профессиональной карьеры» [9, с. 79].

Литература

1. Иудин А.А., Подольская Т.О. Многообразие факторов профессионального выбора молодежи // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Вып. 17). Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 43–51.
2. Иудин А.А., Ситникова И.В. Студенческая молодежь: проблемы и стратегии трудоустройства // И чтения памяти В.Т. Лисовского: сборник научных трудов / Под редакцией Т.К. Ростовской, Т.Э. Петровой. М.: Перспектива, 2017. С. 152–158.
3. Ушакова Я.В. Мотивация выбора вуза и специальности в контексте формирования человеческого капитала // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т.2. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 612–617.
4. Иудин А.А., Подольская Т.О., Тютнев А.С. Особенности профессионального выбора абитуриентов ННГУ в сфере общественных наук // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Вып. 17). Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 29–43.
5. Москвичева Н.Л. Динамика образа профессии и мотивации учебной деятельности у студентов начальных курсов // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 4. С. 38–44.
6. Иудин А.А., Ситникова И.В. Современное студенчество: становление образа профессионального будущего // Социология образования. № 3. 2018. С. 89–103.

7. Волокитина А.А. Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / А.А. Волокитина [Московский гуманитарный университет]. Москва, 2011. 21 с.
8. Ярина Е.В. Динамика ценностных ориентаций профессионального самоопределения студенческой молодежи (социологический аспект) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems. № 5(37). 2014. URL: www.sisp.nkras.ru.
9. Проблемы профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий // Информационно-аналитический отчет. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 167 с.
10. Волегов В.С. Социологические подходы к изучению профессионального самоопределения // Вестник Пермского университета: Философия. Психология. Социология. Вып. 2 (26). 2016. С. 167–173.
11. Корж Н.В. Высшее профессиональное образование в структуре ценностей студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 1 (17). С. 56–63.
12. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с.
13. Помазкова И.С. Профессиональное самоопределение российской молодежи в условиях социальной неопределенности: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / И.С. Помазкова [Юж. федер. ун-т]. Ростов-на-Дону, 2011. 33 с.
14. Чередниченко Г.А. Новое в образовании и профессиональной деятельности молодежи // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 119–125.

2.4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТУДЕНТАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ

Мировые образовательные тренды и национальная политика Российской Федерации в области образования движутся в направлении дигитализации, мультимедийности, интерактивности и демассификации. Авторы представляют результаты интернет-опроса (2018) студентов нижегородских вузов гуманитарных направлений подготовки (N=208) и рассматривают готовность студентов к новым трендам, использование ими цифровой образовательной среды и образовательных онлайн-сервисов. Эмпирическое исследование позволило выделить и типологизировать основные образовательные онлайн-проекты, известные студентам. Был рассмотрен режим их потребления и его взаимосвязь с мотивацией обращения к образовательным сервисам в Сети.

Ключевые слова: образовательные онлайн-проекты, непрерывное образование, массовые открытые онлайн-курсы, медиапотребление.

Использование онлайн-ресурсов в образовании – тренд, поддерживаемый все большим количеством пользователей во всем мире. Это связано с тем, что мультимедийное пространство Интернета обладает уникальными для образования характеристиками, являясь и новым средством коммуникации, и глобальной виртуальной средой.

Три базовых аспекта образовательного потенциала интернет-среды: цифровой формат, мультимедийность и интерактивность. Цифровой формат и структура мультимедиа способствуют демассификации, позволяют, с одной стороны, увеличивать охват аудитории, а с другой – индивидуализировать, разнообразить форму подачи информации, в то время как интерактивность меняет отношения между производителем образовательного контента и его потребителем с субъект-объектных на субъект-субъектные.

Эти характеристики отвечают требованиям смены образовательной парадигмы. Развитие процессов информатизации требует от обучающихся и, соответственно, от образовательной системы самостоятельности, активности и непрерывности. Во многом упадок традиционных (печатных) средств коммуникации в сфере образования связан с тем, что процесс создания и издания методических пособий и учебников просто не успевает за развитием науки – новые теории появляются и опровергаются быстрее, чем работает издательский процесс. В таких условиях, особенно учитывая то, что некоторые исследователи предлагают пересмотреть само понятие «современное научное знание» [1], перед образованием стоит задача непрерывной профессиональной переподготовки. Это вполне коррелирует с идеей непрерывного образования,

захватившей умы в 70-е гг. XX века. Непрерывность образовательного процесса возможно реализовать только через новые медиа. По сути, пересмотр «современного научного знания» уже происходит – по крайней мере, исследователи отмечают, что для современного образовательного процесса в программе необходимы не только научные знания, но и знания о действительности, формально не подходящие под категорию научных. Следовательно, образовательные средства массовой коммуникации не должны ограничиваться исключительно научной информацией. Они должны вовлекать пользователя в процесс активного познания, придания смысла физической и социальной реальности, с которой он сталкивается. Меняется и работа с научным знанием: Интернет преподносит науку доступным языком, способствуя ее популяризации; расширяет каналы взаимодействия пользователя с внешним миром, развивает символическое мышление; а кроме того, работает не только с каноническими научными идеями, но и с информацией, получаемой из других источников. Поэтому в современном обществе усиливается значение Интернета как ресурса непрерывного образования.

Одна из важнейших тенденций в сфере интернет-образования – демассификация (индивидуализация) производства и медиапотребления. В Сети существует множество сообществ, которые объединяют людей на основе различных потребностей и интересов. Образование становится приватной практикой, часто лишенной необходимого сопровождающего разъяснения. С одной стороны, это делает содержательный уровень зависимым от культурной компетентности индивида, с другой стороны – при таком индивидуальном контакте способны родиться новые смыслы.

Онлайн-образование включает в себя разнообразные образовательные программы и курсы, осуществляемые опосредованно, обучение с их помощью не привязано к определенному времени и пространству. Обычно для этого используются различные программное обеспечение или специальные онлайн-сервисы и платформы. Проводить обучение могут как аккредитованные структуры, выдающие аттестаты, так и неаккредитованные организации. Для концепта образовательного онлайн-проекта характерны направленность на достижение результата, уникальность конечного продукта и неограниченность во времени и пространстве. Медиаобразовательный проект – «это уникальная образовательная деятельность активного типа, определенная по времени и направленная на создание уникального медиапродукта» [2].

Основные контекстуальные характеристики образовательных интернет-сервисов: оригинальный контент, отбор информации для целевой группы,

нелинейное онлайн-повествование, тематические ссылки, фотоматериалы, архив с возможностью поиска, тесная связь с аудиторией и возможность обратной связи (комментарии, «лайки» и т.д.), снижение времени между производством контента и получением его аудиторией. Технологические компоненты образовательных интернет-ресурсов: многоуровневая организация содержания, удобные средства навигации, электронная доска объявлений, возможность конвергенции медиаформатов, возможности индивидуальной настройки.

Образовательные интернет-порталы в большинстве своем представлены в форме научно-популярных веб-сайтов и массовых открытых онлайн-курсов. Веб-сайт – это «набор веб-страниц, стилей, информации и программ для преобразования и представления этой информации» [3]. Они могут содержать бесплатные образовательные сервисы и, как правило, создаются в рамках определенных проектов и с их завершением теряют актуальность. Массовые открытые онлайн-курсы (МООК) [4] – это новый вариант бесплатного обучения в Сети. МООК – это следующий этап развития открытых образовательных ресурсов. В настоящее время во всем мире растет их количество, число пользователей и число вовлеченных в их разработку образовательных структур.

Феномен МООК ведет к изменению философии традиционного образования в сторону индивидуализации и широкой доступности. В связи с развитием онлайн-курсов можно говорить о появлении новых возможностей их использования, таких как: поиск и отбор наиболее сильных абитуриентов, получение прибыли через сертификацию и дополнительные услуги. При этом полноценное использование МООК требует от пользователей навыков самостоятельного обучения, понимания целей обучения и, соответственно, необходимых компетенций. Философия интернет-образования подразумевает не просто получение пользователем новых знаний, но и активное участие обучающегося в образовательном процессе, взаимодействие друг с другом и преподавателем.

Глобальный рынок онлайн-образования экспериментирует с двумя образовательными трендами: использованием новых технологий диагностики и возможностей индивидуализации. Российский рынок образования движется по направлению к этим тенденциям, стремясь удовлетворить потребности в образовании нового поколения студентов. С 2016 г. внедряется проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ» [4], нацеленный на использование интернет-среды для широкого доступа к непрерывному образованию. Согласно этому проекту, до конца 2018 г. не менее 1500 преподавателей вузов пройдут повышение квалификации в области разработки

и использования онлайн-курсов, а к 2025 г. 11 млн. студентов пройдут курсы в формате онлайн на платформе «Открытое образование» (государственный вариант «Coursera») [4].

Российский рынок онлайн-образования составил в 2017 г. более 20 млрд. руб., около 7,2 млн. россиян хотя бы раз проходили обучение онлайн [5]. Наиболее востребовано дистанционное образование в сфере языкового обучения; площадки, готовящие к ЕГЭ и дающие навыки программирования. В сфере высшего образования онлайн-курсы занимают всего 1,8%. По мнению экспертов, рост интереса государства к онлайн-обучению и принятие программы «Современная цифровая образовательная среда в РФ» будет способствовать повышению доверия образовательных организаций к инновационной форме получения знаний и может привести к более широкому распространению дистанционного образования в России.

Сейчас в России существует более 50 активных площадок по всем тематикам, как платных, так и бесплатных. Специфика российского рынка в том, что у нас изначально доминировала платная модель, в то время как западный рынок онлайн-образования развивался из бесплатных проектов. Цена курса варьируется от 500 до 5 000 руб., а целой программы – от 5 000 до 30 000 руб. [6]. Бесплатные сервисы получают доход благодаря предоставлению дополнительных услуг в виде сертификации и вспомогательных материалов. Продолжительность курса, как правило, 1–3 часа, при этом материал подается в виде коротких роликов, по 5–10 минут и дополняется заданиями и тестами. Получение дипломов и удостоверений государственного образца – полезная опция для российских слушателей, однако она не является популярной и востребованной, хотя необходимость платить за курс положительно влияет на шансы его закончить. Онлайн-платформы работают над продвижением собственных брендов и востребованности дипломов.

Итак, и мировые образовательные тренды, и российская государственная политика движутся в направлении дигитализации образования. Насколько к этому готовы сами студенты и как сейчас они используют цифровую образовательную среду? Можно предположить, что использование студентами онлайн-проектов демонстрирует их вовлеченность в учебный процесс и академическую активность. На фоне общего падения мотивации к получению профессионального образования и появление проблемы «необучаемых студентов» [7] особенно важно определить специфику использования студентами образовательных интернет-сервисов.

Авторы выяснили общие тенденции потребления образовательного интернет-контента нижегородскими студентами и сопоставили их с данными, полученными в результате других исследований, посвященных использованию образовательных интернет-платформ российской молодежью. Основной фокус внимания был сосредоточен на выявлении режимов потребления, мотивов и целей обращения студентов к обучающим онлайн-сервисам, а также роль интернет-образования в академической деятельности студентов. Большинство опрошенных студентов – девушки (69%). Это может быть связано с тем, что девушки, как правило, учатся с большей самоотдачей, чем юноши, что подтверждается исследованиями, проведенными в других вузах, например, исследованием академической активности студентов ИГЭУ [8]. Более половине респондентов 20–21 год (60%), почти четверть респондентов старше этого возраста, 17% – 18–19 лет. Распределение по курсам: 4 курс – 56%, 3 курс – 19%, 2 курс – 17%, 1 курс – 4%, магистратура – 4%.

Важным социально-демографическим показателем является уровень образования родителей. У большинства респондентов родители имеют высшее образование (69%), среднее специальное у 29%, общее среднее – у 2%.

Результаты проведенного исследования показали, что наиболее популярными у студентов, кроме образовательных онлайн-проектов, являются сетевые развлекательные СМИ (75%). На втором месте – научные ресурсы (54%), общественно-политические (52%), культурные (50%). Наименее популярны – развлекательные ресурсы – спортивные (25%) и гляцевые (12%).

Полученные данные не противоречат другим исследованиям медиапотребления молодежи, например, по данным Российского мониторинга населения НИУ ВШЭ, в 2013 г. 85% молодых людей использовали Интернет для учебы [9]. Это немного уступает доле тех, кто, использует Сеть для развлечений (89%), и превышает число тех, кто использует Интернет для общения, поиска друзей и игр. Поиск информации, связанной с учебой, является наиболее распространенным типом активности молодежи в Интернете после развлечений.

На основе открытого вопроса «Перечислите, пожалуйста, о каких образовательных онлайн-проектах Вы слышали?» был составлен рейтинг популярных и узнаваемых студентами образовательных сетевых сервисов (рис. 1). Для сравнения: наиболее востребованные академические онлайн-площадки в России по данным J'son & Partners Consulting – Лекториум, Универсариум, Интуит и Coursera [6].

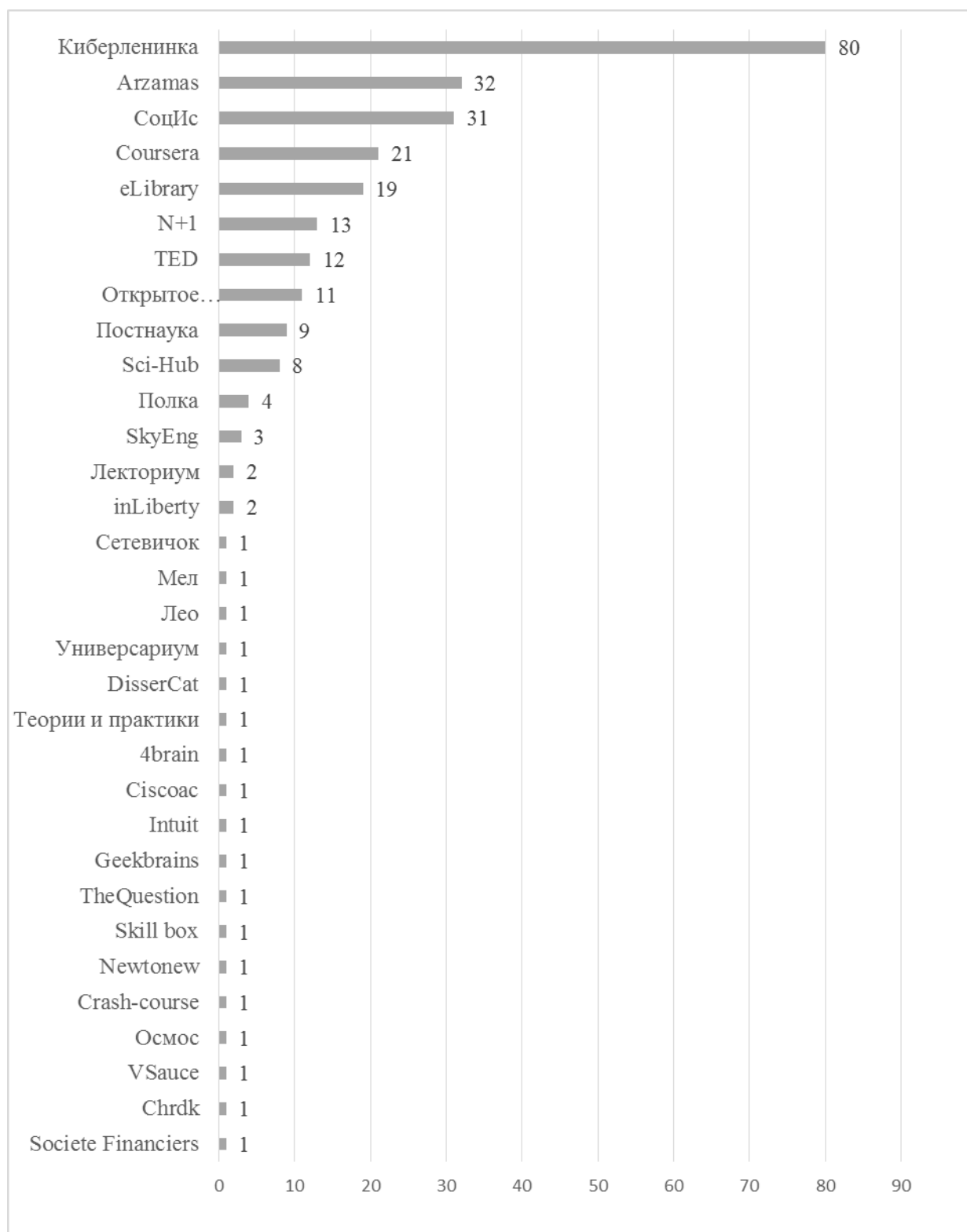

Рис. 1. Популярные образовательные онлайн-проекты
(по количеству упоминаний)

Занявшая первую строчку этого рейтинга Киберленинка, является электронной библиотекой, предоставляющей доступ к учебникам и научным статьям. Очевидно, что это хорошая альтернатива использованию традиционной библиотечной системы, так же как и сервисы Arzamas, CoЦис и eLibrary. Из этих источников, пожалуй, только Arzamas предоставляет более широкий спектр образовательных услуг, являясь площадкой, позволяющей смотреть видеолекции и проходить курсы по гуманитарным дисциплинам, при этом функцию библиотеки он не выполняет – не обеспечивает доступ к статьям. Студенты более склонны к поиску информации, ориентированной на традиционную академическую программу и дополняющие ее, чем на материалы для саморазвития. Кроме того, выбор студентов вполне рационален: названные ресурсы помогают решать ежедневные задачи, связанные с учебой в университете – подготовка к семинарским занятиям, написание курсовых и контрольных работ.

Образовательные интернет-проекты, упоминающиеся в списке, можно сгруппировать по контенту. По итогам группировки получилась типология онлайн-платформ. Самым популярным типом обучающих сервисов являются сайты, предоставляющие доступ к научным статьям (139 упоминаний). Использование таких ресурсов необходимо для решения прикладных задач студентов – написаний эссе, курсовых работ, рефератов. Редко упоминаемой категорией стали научные YouTube-каналы (3 упоминания), однако, учитывая тренды развития новых медиа, стоит ожидать роста их популярности в будущем. Стоит отметить, что в данную категорию попали только те проекты, которые существуют исключительно на канале YouTube, в то время как многие популярные обучающие курсы также представлены на YouTube, но это не является их основной площадкой трансляции. Также были выделены категории «Просветительские проекты» (51). Такие сайты, во-первых, сами себя так определяют, во-вторых, специализируются на описании обыденных вещей через научные и околону научные понятия). Также пользуются вниманием у студентов «Онлайн-университеты» (45) и «Научно-популярные сайты» (27).

Упомянутые студентами сервисы можно также сгруппировать по формату:

- Агрегаторы – ресурсы, осуществляющие навигацию и поиск по базам лекций и других учебных материалов (Киберленинка, Mendeley).
- Тематические сайты и приложения, предлагающие материалы в рамках определенной тематики, в которых не предусмотрены

мультимедийные опции (например, учебники в формате PDF или материалы Студопедии).

- Базы видеолекций – сайты с видеокурсами на различную тематику (VSauce, Crash-course, Осмос, Arzamas, Postnauka).
- Массовые онлайн-курсы – платформы с лекциями и курсами от университетов, как платными, так и бесплатными (Открытое образование, Универсариум, Лекториум, Coursera, 4brain).
- Социальные образовательные платформы – сайты, позволяющие пользователям совместно работать над проектами, обмениваться опытом. К ним относятся и DIY-сообщества: GeekBrains, Habrahabr.
- Вопросно-ответные сервисы – сетевые ресурсы, позволяющие задавать конкретные вопросы и получать ответы, просматривать базу вопросов и ответов на всевозможные темы: TheQuestion.
- Платформы для индивидуальных занятий и тьюторинга – сайты для поиска и занятий с репетиторами: Skyeng.
- Интерактивные гипертекстовые учебники, позволяющие изучать теорию, решать задачи, проверять знания в интерактивном режиме: Chrdk.
- Видеоигры и симуляторы – образовательные игры: Лео, Сетевичок.

Подобная классификация образовательных форматов, которые предлагает Сеть, позволяет показать, что студенты используют в той или иной мере все доступные обучающие формы и средства. В фокусе внимания студентов, в основном, конечно, базы для поиска информации (то есть, инструменты для исследования): агрегаторы и тематические сайты, но определенное внимание уделяется и MOOK, и видеолекциям, о вопрос-ответным сервисам.

Студенты достаточно серьезно относятся к поиску информации и подбору материалов. При выборе сайта они ориентируются на рекомендации преподавателей, а не на первую всплывшую ссылку. Выбор сайта зависит от качества предоставляемого материала – 79%, тематической систематизации – 57%, широты выбора материала – 50%, доступности материала к скачиванию – 29%.

Что касается целей использования образовательных платформ, половина студенческой молодежи использует их для написания курсовых работ. Это представляется логичным в контексте популярности сайтов, предоставляющих доступ к научным статьям. Для выполнения домашних заданий обучающими сервисами в Сети пользуется только 31% студентов. Для сравнения: исследование, проведенное в дальневосточных вузах, показывает, что 50%

студентов при подготовке домашних заданий пользуются исключительно конспектами лекций, а доля тех, кто не готовится к занятиям, составляет 15% [10].

Это может быть связано с тем, что интернет-образование слабо коррелирует с учебными программами и не может предложить пользователям необходимые материалы, а также с низкой включенностью студентов в академическую деятельность. В пользу последнего говорят международные сравнительные исследования, свидетельствующие, что российские студенты в целом проводят больше времени в контактной работе с преподавателями, при этом «интенсивность» их занятий ниже, чем у американских студентов [11].

Почти половина студентов пользуются учебными ресурсами Интернета для пополнения своих знаний как внутри (44%), так и вне рамок своей специальности (44%). Стоит отметить, что образовательные онлайн-проекты пока не могут выступать в качестве заменителя традиционным способам проведения досуга и свободного времени: только 27% респондентов пользуются образовательными сервисами «чтобы убить время».

Для анализа данных авторского исследования применили методологию Джона Дьюи. Его типология образовательных ресурсов, как педагогических инструментов, классифицируется на основании четырех импульсов (мотивов): исследование, коммуникация, конструирование и выражение [12]. Это разделение стало основой для классификации обучающих инструментов в зависимости от целей пользователя, предложенной учеными Джеймсом А. Левиным и Бертраном Брюсом. Анализируя цели обращения к интернет-образованию, эксперты выделяют четыре типа целей, рассматривающие онлайн-ресурсы как инструменты.

Во-первых, онлайн-платформы можно рассматривать как инструменты для теоретического исследования (библиотеки и базы данных), инструменты для самостоятельного сбора информации (например, сервисы для проведения опросов) и инструменты для анализа собранной информации (например, для визуализации социологической информации – создания графиков, гистограмм и т.д.). Во-вторых – как инструменты для коммуникации, позволяющие пользователям взаимодействовать и сотрудничать для решения образовательных задач. В-третьих – инструменты для конструирования. К данному типу относятся средства для программирования. В-четвертых, онлайн-сервисы можно рассматривать как инструменты для самовыражения, позволяющие учиться через творчество (например, программы для создания мультимедийных проектов).

Результаты исследования показали, что студенты заинтересованы, прежде всего, в использовании первого типа образовательных инструментов, то есть,

нацелены на теоретические и практические исследования. Представленные исследовательские инструменты используются студентами при подготовке различных текстов. Студенты обращаются в основном к сайтам Киберленинка и eLibrary, являющимися научными электронными библиотеками, а также к сайту журнала СоцИс, что свидетельствует о достаточно традиционной схеме образования, в рамках которой студенты гуманитарных специальностей пользуются библиотекой для написания курсовых и выпускных работ (рис. 1). Инструменты для коммуникации, конструирования и самовыражения менее востребованы. Это может быть связано как с тем, что эти образовательные цели успешно решаются вне сетевого пространства, так и с тем, что подобные образовательные задачи перед студентами не ставятся.

Что касается режима потребления, то большинство студентов пользуются образовательными порталами несколько раз в неделю (31%). Стоит отметить, что четверть респондентов пользуются сетевыми обучающими сервисами только во время сессии. Чаще всего респонденты пользуются обучающими платформами от 30 до 40 минут за один сеанс работы (23%).

Это достаточно длительный отрезок времени, если сравнивать с данными, полученными в исследовании Courseburg. По полученным в рамках этого исследования данным, средняя продолжительность посещения образовательной платформы 4–10 минут [5]. По всей видимости, эта разница связана с тем, что опрошенные нами студенты, работают в основном с библиотечными системами, а учащиеся из исследования Courseburg проводят время на MOOK.

Существует взаимосвязь между продолжительностью работы с интернет-ресурсом и участием студентов в академической деятельности, в частности, в написании курсовых работ. Те, кто пишут курсовые работы, проводят на образовательных сайтах как минимум 20 минут за один сеанс работы. Также существует связь между продолжительностью работы на образовательной платформе и участием в конференциях. Участвующие в конференциях студенты проводят на сайтах образовательных онлайн-проектов от 20 до 50 минут за один сеанс.

Большинство респондентов утверждают, что получают в университете хорошие оценки. Треть респондентов указала, что их самая частая оценка – «отлично». Конечно, нельзя забывать, что это не объективные данные, а лишь то, что заявили сами респонденты – обычно «троечников» больше, чем 10%. Данные об оценках подтверждаются также самооценкой студентов – 50% оценивают себя средне, 40% считают, что они учатся лучше других, а 10% – кажется, что они являются аутсайдерами.

Учеба в университете занимает у респондентов больше времени, чем учеба вне его стен – всего 8% респондентов тратят на самоподготовку столько же, сколько большинство тратит на учебу в университете (более 4-х часов). Почти половина студентов тратит на самоподготовку 1–2 часа (48%), примерно одинаковая доля респондентов тратит на самоподготовку менее часа и 3–4 часа (21% и 23% респондентов соответственно).

Отметим, что большинство тех, кто удовлетворен своей академической деятельностью, относится к курсовым работам либо нейтрально, либо как обязанности (табл. 1). И наоборот – именно те, кто воспринимают курсовые как шанс совершить открытие или продвинуться в научной карьере, чаще всего недовольны полученным результатом (12 человек из тех, кто считает курсовые работы «шансом открыть что-то новое» и 8 человек из воспринимающих курсовые как «возможность карьеры»). Таким образом, можно говорить о взаимосвязи неудовлетворенности курсовыми работами и наличии амбиций в сфере науки.

Т а б л и ц а 1

Таблица сопряженности переменных «Отношение к курсовым работам» и «Удовлетворенность академической деятельностью», чел.

		Отношение к курсовым работам				Всего
		Мне приходится их писать	Нейтрально	Шанс открыть что-то новое	Возможность карьеры	
Удовлетворенность академической деятельностью	Удовлетворен	52	32	4	4	92
	Не удовлетворен, хотелось большего	12	44	12	8	76
	Не удовлетворен, не получается	28	8	0	4	40
Всего		92	84	16	16	208

В целом уровень вовлеченности студентов в научную деятельность можно охарактеризовать как низкий. Обязательный элемент научной деятельности – написание курсовых работ – выполняют 90% респондентов. Другие виды научной деятельности зависят от желаний самих студентов: почти треть когда-либо принимали участие в научных конференциях, 13% имеют публикации в вузовских научных изданиях, 8% работают лаборантами на кафедрах.

Более детальное рассмотрение вовлеченности в научную деятельность показывает, что эта деятельность воспринимается студентами скорее как обязанность: 44% выбрали вариант «Мне приходится их писать», 8% проявляют к этому научный интерес, и еще 8% рассматривают курсовые работы как канал мобильности в сфере научной карьеры.

При этом более половины респондентов недовольны своей академической активностью – 37% хотели бы большего, а почти каждый пятый (19%) признал, что у него не все получается. Тем не менее 44% вполне удовлетворены своей учебной и научной активностью.

Одним из важнейших элементов как учебной, так и научной деятельности является взаимодействие с преподавателем (именно оно, по мнению многих, и отличает классическое университетское образование от онлайн-образования). Вне занятий с преподавателем взаимодействует 81% студентов.

Взаимодействие с преподавателем вне занятий происходит относительно регулярно, по крайней мере, 59% студентов заявили, что взаимодействуют с преподавателями несколько раз в месяц. При этом студенты сочетают различные виды взаимодействия с преподавателями, но предпочитают личному контакту общение через электронную почту (71%). Непопулярным является вариант работы с преподавателем в его часы консультаций – 27%.

Кроме того, прослеживается связь между использованием образовательных порталов с целью написания курсовых и взаимодействием с преподавателем через электронную почту: те студенты, кто пользуются сетевыми ресурсами для написания курсовых работ, контактируют с преподавателями через электронную почту.

Результаты проведенного исследования позволили выявить цели и мотивы использования обучающих интернет-сервисов и взаимосвязь между режимом потребления и мотивацией обращения к образовательным порталам. Основными целями использования академических интернет-сервисов являются необходимость написания курсовых работ и желание расширить свои знания как по получаемой в вузе специальности, так и за ее пределами. Большинство студентов проводят на образовательных сайтах от 30 до 40 минут за один сеанс. Чаще всего они пользуются образовательными сервисами несколько раз в неделю. Образовательные интернет-проекты положительно влияют на успеваемость студентов и их активность в научной деятельности.

Электронные библиотеки являются самым популярным источником учебных материалов у студентов. То есть студенты ориентированы на текстовый формат, хотя популярным образовательным форматом в Интернете считается видеоматериал, что связано с его наглядностью, персонализацией и

совместимостью с другими видами деятельности. Интернет дает всего лишь упрощенный доступ к литературе, по сути являясь библиотекой, беспрецедентно огромной, но достаточно традиционной формой дополнительного источника информации. Студенты более склонны к поиску информации, ориентированной на традиционную образовательную программу, чем на материалы для саморазвития, возможно им важнее получить оценку, а не расширить знания по предмету.

Образовательное пространство студентов претерпело некоторые трансформации с появлением информационных компьютерных технологий, тем не менее, они продолжают учиться в русле классического текстоориентированного образования.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 355–399.
2. Фатеев В.Н. Медиаобразовательные технологии в профессиональном обучении менеджеров // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. Т. 2, № 6. С. 32.
3. Колодин М.Ю. Разработка, реализация и сопровождение веб-сайта научной организации // Труды СПИИРАН. 2003. Т. 3. № 1. С. 218.
4. Современная цифровая образовательная среда в РФ. URL: <http://neorusedu.ru/>.
5. Как живут MOOK в российских реалиях. Исследование CourseBurg. URL: https://courseburg.ru/analytics/Issledovanie_MOOC_platform.pdf.
6. Исследование рынка онлайн-образования с целью определения оптимальных бизнес-моделей. Аналитический отчет J'son & Partners Consulting. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/rynok-onlayn-obrazovaniya-v-rossii-i-mire-20161206051155.
7. Денисова-Шмидт Е.В., Леонтьева Э.О. Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов). СОЦИС. 2015., № 9. С. 86–93.
8. Мягков А.Ю. Академическая активность студентов: барьеры самореализации и стимулы к учебе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2017. № 2 (46), с. 45–52.
9. Синельников В.В. Онлайн-ресурсы для самообразования российских школьников // В.В. Синельников, С.Г. Косарецкий, А.Г. Милякина, Н.А. Чеботарь; Национальный исследовательский университет «Высшая

школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 29 с.
URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/182408018>.

10. Леонтьева Э.О. Категория «необучаемых» студентов как социальная база массового российского университета: пример дальневосточных вузов. Доклад для участия в XV Апрельской конференции по проблемам развития экономики и общества URL: <http://e.120-bal.ru/doklad/40181/index.html>.
11. Образовательная среда российских вузов нуждается в совершенствовании URL: <http://www.hse.ru/news/science/169932406.html>.
12. Bruce B.C. & Levin J.A. (1997). Educational technology: Media for inquiry, communication, construction, and expression // Journal of Educational Computing Research. 17(1) URL: https://www.researchgate.net/publication/32966816_Educational_Technology_Media_for_Inquiry_Communication_Construction_and_Expression.

ГЛАВА 3

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО И НОВЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ

3.1. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОЛОДЕЖНОГО КОНЦЕПТА В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

Анализируется процесс трансформации молодежного концепта в обществе, в котором все большую роль начинают играть сетевые сообщества. Автор исходит из идеи, что этот процесс можно всесторонне раскрыть на основе социокультурного подхода, который позволяет преодолеть односторонность доминирующих сейчас концептов молодежи. Этот подход позволил показать роль молодежи в сетевых сообществах как особых малых социальных системах. Выявить когнитивные особенности формирования молодежной субкультуры в электронной коммуникации. При этом описывается эффект эстетизации информации и коммуникации в сетевых сообществах. Автор приходит к выводу, что в новых условиях качественно изменяется характер социальной активности молодежи и, в первую очередь, изменяется форма ее социальной ответственности и формирование определенной социокультурной резервации (геттоизации) молодежи в ее субкультурах и в сетевых сообществах.

Ключевые слова: концепты молодежи, сетевые сообщества, социокультурный подход, малые социальные системы, когнитивные особенности молодежи, ответственность молодежи, социокультурная резервация.

Доминирующие концепты молодежи

Чтобы понять, в каком направлении и каким образом происходит трансформация концепта молодежи, необходимо кратко и в контексте обозначенной темы рассмотреть доминирующие концепты.

Отметим вначале, что к проблеме понятия молодежи нередко относятся формально, считая, что молодежь как объект исследования достаточно очевиден, и не надо ломать голову над тем, что такое молодежь. Поэтому определение понятия «молодежь» обычно происходит по социально-демографическому (по другой терминологии – социально-биологическому, возрастному) критерию, позволяющему выделить временной интервал жизни «от и до». Но при этом выясняется, что предлагаемый интервал имеет исторический, подвижный характер, то расширяясь, то сужаясь в зависимости

от толкования критериев и подхода к теме исследования. Поэтому, скажем, нижняя граница молодежи берется в разные годы и у разных авторов от 12 до 14 лет, а верхняя граница колеблется от 25 до 30 лет. Вряд ли в таком концепте молодежи существенна роль сетевых сообществ, так как они могут создаваться в любом возрасте, потому что от пользователя не требуются паспортные данные и разрешение от родителей. В этом случае будет меняться характер сетевого сообщества, границей которого являются предпочтения молодежи в области проведения досуга, музыки, игр и др. интересов и увлечений. Исследования показывают, что в настоящее время все большую роль в процессе идентификации молодежи начинают играть социокультурные факторы [1; 2]. Но в этом случае нужны уже не формальные критерии, а качественные параметры молодых людей, которые определяются только в ходе социологического исследования.

Но в социобиологическом подходе, когда определяются с возрастным интервалом, идет поиск определенных черт выделенной возрастной социальной группы, которые дают возможность представить себе образ молодежи по уровню образования и здоровья, по эмоциональному состоянию и стилю мышления, нормам поведения и образу жизни, то есть по чертам, которыми демографически выделенная группа отличается от других возрастных социальных групп. С возникновением электронных информационных технологий стало важно выявление степени владения этими технологиями молодыми людьми. Так с помощью ряда процедур конструируется социальный феномен «молодежь», который называется особой социальной группой. Затем это понятие фиксируется в словарях, учебниках и энциклопедиях, циркулируя в массовом сознании как нечто всем известное. Роль сетевых сообществ редко учитывается в создании такого целостного образа молодежи. Между тем трансформация концепта молодежи происходит именно в этом направлении.

В этом контексте стоит отметить, что в реальной жизни о молодежи как особой социальной группе заговорили тогда, когда возникли ее общественно-политические движения, и молодежь выступила со своими политическими требованиями в США, в Западной Европе, в арабских и других странах. В студенческих волнениях 1968 г. во Франции их идеологи пришли даже к выводу, что молодежь становится революционным авангардом, придя на смену рабочему классу. Однако идея выдвинуть молодежь в качестве главной общественно-политической силы не выдержала проверки временем. История показала, что молодежь лишь используется различными политическими силами, а самостоятельной политической силой она не является. Те качества, которыми наделяют молодежь, включая идею о том, что молодежь есть наше

будущее, являются мифологемой о молодежи. Как отмечала еще М. Мид, «теперь же вступаем в период, новый для истории, когда молодежь с ее префигуративным схватыванием еще неизвестного будущего наделяется новыми правами» [3]. Такой вывод порождает искушение реально заявить о своих особых политических правах.

Можно приводить различные аргументы в пользу этого вывода или против него, но это не входит в нашу задачу. Мы лишь коснемся некоторых спорных теоретических моментов в контексте проблем, возникающих в условиях формирования сетевых сообществ.

Выделение молодежной социальной группы часто делается через наличие черт особой субкультуры. Однако такой подход приводит к тому, что к молодежи относят не только биологически молодых людей, но и представителей старшего по возрасту поколения, которые являются носителями элементов молодежной субкультуры. Социокультурный характер этих выходящих за демографические рамки людей может быть различным. В одном случае мы имеем дело с инфантилизмом, явлением крайне отрицательным, так как жизнь требует быть ответственным, а в другом – с процессом омоложения, когда человек сознательно начинает жить по нормам жизни молодого человека. С возникновением сетевых сообществ такой возрастной реверс стало возможно осуществлять в форме виртуального моделирования.

Но и в прошлом формировались предпосылки, когда человеку было важно понять, как ему справиться с возрастным кризисом. В качестве примера можно сослаться на произведение М. Зощенко, в котором он рассказывает, как стал бороться со старостью для продления молодости [4]. В этом случае можно говорить об особой форме социокультурной технологии, поскольку речь идет о нормах, которым подчиняется жизненный путь человека и формы его поведения на каждом из возрастных этапов. Как говорил поэт:

*Блажен, кто смолodu был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат...*

В этой строфе из «Евгения Онегина» есть еще строчки, но мы привели те, которые описывают молодость. И что интересно, А.С. Пушкин говорит о 30-и

годах как о конце молодости, то есть точно так же, как считают в социологии сейчас. Если приводить другие высказывания русского поэта о молодости, то по своей проницательности они не уступают выводам современных социологов и психологов. И не мешает напомнить, что наши национальные поэты поражали ранней духовной зрелостью в интеллектуальном, эмоциональном и моральном отношении. Вся классическая русская литература была создана молодыми людьми, если судить по современным меркам. Правда, тогда были другие мерки. Если мы к различным историческим эпохам будем прилагать современную мерку для определения возрастного статуса, то сделаем грубую ошибку. Например, В.В. Колесов подробно разбирает вопрос о социальной дифференциации людей по отношению к господину, хозяину, включая младших членов рода с 12-го по 16 век [5]. Если человек не имел дома, семьи, лошадей и хозяйства, то его считали отроком, несмотря на то, ему было уже за 50 лет.

В сетевых сообществах акцент сделан на равенство всех пользователей, однако анализ показывает, что среди всех формально равных всегда появляются модераторы тематических групп, задача которых состоит в том, чтобы не допустить каких-то отклонений от общих моральных норм и принятых норм конкретного сетевого сообщества. Кроме модераторов существуют еще лидеры обсуждения размещенных постов. Но лидеры обсуждения нередко удаляются модератором по каким-то своим соображениям, не связанным с нормами работы сообщества или форума. В итоге можно заключить, что нормы сетевого общения по своей сути ничем не отличаются от социальных норм реального общения.

Для нашей темы важно отметить еще один момент. Есть социальная дифференциация и выделение молодежи по наиболее общему критерию, выраженному понятием судьба, жизненный путь человека [6]. В этом случае значимо выделение акме человека, то есть такого этапа его жизни, когда достигается вершина реализации его личного потенциала. К тому же «своевременное и успешное решение задач зрелого возраста зависит от того, насколько полно были решены задачи предыдущего этапа жизни – молодости. Человек может оставаться в молодости довольно продолжительное время и продолжать решать ее задачи, пребывая уже в зрелом возрасте» [7]. В виртуальном пространстве пользователь может моделировать свой жизненный путь или прослеживать жизненный путь других пользователей, так как в Сети даются достаточно подробные вехи жизни каждого.

Таким образом, концепт «молодежь» не имеет абсолютного характера. Его относительность усилилась в современной культуре, когда возникла новая система социокультурных коммуникаций, в которой возникает возможность

игры со своим возрастом. Хотя эта игра происходит не только в системе электронных коммуникаций, но и в экономике, в политике, в шоу-бизнесе – во всех сферах, где омоложение является важным фактором для карьеры и удержания на достигнутых профессиональных позициях. Признаваться в старении стало опасно и не выгодно для самооценки.

Социокультурный подход к определению концепта «молодежь»

Чтобы выявить общую логику развития молодежного концепта, представляется, что понятие молодежи изначально нужно определить исторически с социокультурной точки зрения. Существуют исследования [3; 8; 9], в которых показывается, как в различных культурах происходила дифференциация по уровню личностного развития на основе различных критериев. Главное то, что все эти критерии имели качественный характер, являясь формой испытания, которое должен был пройти молодой человек для перехода на новую стадию взросления – процедуру инициации.

Сейчас инициация сохранилась, но она приобрела формальный характер: получение паспорта происходит с 14 лет, аттестата о среднем общем образовании, диплома о среднем или высшем профессиональном образовании. Все эти документы много раз менялись за XX век и начало нынешнего века. Среднее образование ранее завершалось выдачей аттестата зрелости, в дипломе о высшем образовании слово «профессиональное» исчезло, хотя оно осталось в дипломах о среднем специальном образовании. Разумеется, все эти переименования скрывают под собой серьезные изменения характера среднего и высшего образования. Что касается паспорта, то никто толком не может ответить, чем вызвано, что паспорт стали выдавать с 14, а не с 16 лет, как это было недавно.

Молодые люди могут вступать в различные сообщества или создавать свои. В этом и их привлекательность, и причина различных конфликтов, которые возникают между представителями молодежи старшего поколения. Однако в информационном обществе отношения между поколениями имеют уже иной характер. Они все больше уходят в информационную и социокультурную сторону, переставая быть политическим фактором.

Как говорил А.С. Пушкин, «и устарела старина и старым бредит новизна». То же самое можно сказать о молодости и пожилом возрасте с появлением сетевых сообществ. Изменение типа общества, развитие открытости информации на телевидении и создание Интернета состарило молодых и омолодило старых. Ж. Бодрийяр пишет даже об имплозии смысла в

средствах информации, когда происходит взрыв духовной структуры человека: «Информация пожирает свой собственный контент. Она пожирает коммуникацию и социальное» [10]. Информация, лишенная социального содержания, это уже не знание, тем более, не элемент самосознания, а духовная пустота, которая стала одним из признаков современной культуры. «Информационная пустота выражается в том, что при огромной информационной насыщенности социального пространства существуют целые пласты социальной реальности, которые остаются вне поля зрения СМИ. Информации много, а социальных знаний, которые бы раскрывали истинную картину жизни, недостаточно. Кроме того, создаются такие информационные потоки, которые ничего не дают обществу для понимания самих себя и рисуют искаженную картину социального бытия» [11].

Современные пожилые люди начинают замечать, что сейчас молодые люди в своем возрасте знают о жизни нечто такое, что было известно в свое время только пожилому человеку. В то же время пожилые люди чувствуют себя подростками, так как сейчас столько новой и важной информации, которая касается жизни человека, но он никогда об этом уже не узнает, поскольку годы ушли безвозвратно. Преодолению этого диссонанса отчасти служат сетевые сообщества, в которых диалог между пожилыми и молодыми ведется без проявления эйджизма. Вне сетевого сообщества, в реальной жизни такие диалоги просто не состоялись бы.

Но в этой ситуации молодые люди в сети нередко выполняют социальную роль пожилых людей, поучая реально пожилых тому, чего они не сумели вовремя освоить, поскольку жили в другом типе общества и в другой культуре. Молодые люди обращают внимание на финалистскую сторону пожилого человека, стараясь продлить свою стадию развития, но при этом сами начинают воспроизводить атрибуты пожилых, которые всегда поучали молодых.

Таким образом, социальные роли пожилых и молодых перевернулись. В традиционном обществе для обретения житейской мудрости необходимо было прожить определенное количество лет. В настоящее время, когда существует богатая и всем доступная духовная культура, когда к услугам практическая этика и психология для разрешения тех конфликтов, которые раньше было под силу разрешить только умудренному житейским опытом, черты пожилого человека утратили свою жесткую привязанность к определенному возрасту. В свою очередь, черты молодых людей стали перемещаться на людей пожилого возраста. Такая возрастная диффузия в определенной мере по-новому ставит проблему «отцов и детей». Напомню, что известный литературный герой,

молодой Базаров, смеялся над Кирсановым, которому было 44 года, когда тот играл на виолончели и читал Пушкина. Так что нынешние информационные нигилисты недалеко ушли от Базарова, хотя у того были совсем другие мотивы для нигилизма. Видимо, современные нигилисты смеются над тем, что пожилые люди читают книги на бумажных носителях и слушают ноктюрны Ф. Шопена не через смартфон «с ушами», а в зале.

С возникновением телевидения и его молодого, но более мощного по социальным функциям преемника, Интернета, возник эффект информационного и визуального переживания взросления человека, включая этапы своего личного взросления. На экране ТВ мы видим игру известных, но умерших актеров и других известных людей на различных этапах их жизни, в том числе в молодости, поэтому появилась возможность видеть и переживать эффекты молодости и пожилого возраста не абстрактно, а в реальном движении. Что касается Интернета, то в Сетях накапливается многообразная информация о каждом человеке, в том числе и размещенная им самим, что возникает эффект виртуального удвоения жизненного пути человека, если он является активным пользователем Интернета. Такой процесс только еще начался, и многие не понимают, почему человек каждый день отчитывается о своих поступках перед чужими людьми, однако такой интимно-публичный дневник не лишен перспективного культурного смысла. С этой стороны мы еще не знаем возможностей современных информационных технологий и оцениваем их по старым критериям, которые выработаны в культуре, когда СМИ и СМК использовались для идеолого-политического манипулирования, для рекламы и PR, для публикации и ретрансляции художественных произведений, для информирования населения о важных государственных документах и др. задач, которые имели публичные функции. С возникновением Интернета функции средств информации и коммуникации радикально изменяются: они становятся средствами развития личности. Эта новая функция особо значима для молодежи, так как в ее возрасте активно идет процесс инкультурации и социализации. В этом направлении возникли и действуют не только сетевые сообщества, но и развиваются блоги, персональные сайты, тематические форумы и др. технологии. Мы еще должным образом не оценили и не осмыслили этого факта, всячески сопротивляясь новому процессу, видя в нем опасность для поглощения личности, считая, что открытое сообщение о личной жизни «городу и миру» есть симптом некоторого психического расстройства, так как в течение сотен лет проходила жесткая грань между частным и публичным пространством.

Существует стереотип, что молодость – это возраст пытливого ума, жадного стремления к познанию, бурной активности, энтузиазма, инициативности, стремления к героическим делам, опасности, риску, к волевой деятельности, импульсивности, повышенной возбудимости, неуравновешенности, отрицательным эмоциональным порывам, склонности к романтическому, способность к ответственным поступкам в повседневной жизни и др. Весь этот список не внушает удовлетворения и не может протекать долго, не приводя к психическим расстройствам, если в жизни молодых людей не происходит качественного перелома. Обычно он наступает с профессиональным определением, с жилищем и с созданием собственной семьи. Но в последние десятилетия этот процесс у молодежи затянулся, поэтому возникли новые формы решения проблемы перехода. В этом случае возможны различные варианты: во-первых, компромиссный вариант с профессией (работать там, где платят), жилищем (снимать жилье) и семьей (сожительство); во-вторых, продолжать жить в родительской семье; в-третьих, наконец, отказаться от реального решения проблем уходом в виртуальное пространство.

Роль молодежи в сетевых сообществах как особых малых социальных системах

С XXI века начинается новый этап в развитии малых общностей, который в поддержку идеи Л.Г. Ионина тоже назовем «меньшинствами», среди которых есть и сетевые [12, с. 176]. Он отмечает, что интерес к сетевым сообществам начался с обсуждения книги Г. Рейнгольда «Виртуальная общность» (1994). В ней представлена романтическо-оптимистическая версия роли виртуальных сообществ, которые станут вытеснять традиционные сообщества и приобретут глобальный и свободный характер, составляя высшую форму современного гражданского общества, которое «породит новые формы обучения, альтернативные контркультуры, трансформирует принципы свободы информации и частной жизни и, конечно же, создаст новые возможности реализации прямой демократии» [12, с. 154].

Мы тоже допустим, что сетевые сообщества есть малые социальные группы (меньшинства), но без романтического оптимизма, так как проведенный анализ не приводит к такому настрою. Поэтому сразу определим, что сетевые сообщества есть особые малые группы, которые отличаются от традиционных малых социальных групп, которые исследуются в социальной психологии и социологии. Малая группа в отличие от большой (класс, этнос, поселение и др.) имеет характер социокультурной целостности, то есть она является

относительно самостоятельным социальным организмом, способным на формирование и воспроизводство своей субкультуры.

Таких групп в реальности бывает не так уж много, поэтому никакого «парада меньшинств», поскольку они возникали и развивались в различные исторические эпохи, не получится. Хотя таких социальных групп было всегда немало, начиная от древних родов и заканчивая крестьянскими, ремесленными и купеческими общинами. С этой точки зрения, классическая семья есть малая группа и общность, но лишь тогда, когда имеет сформировавшийся вид, когда включает в себя способность к выполнению различных публичных, частных и духовных функций, позволяющих создать в доме особую духовную атмосферу, духовный комфорт.

Много ли мы можем назвать таких семей? Похоже, что нет, так как сейчас множество проблемных семей, в которых постоянно копятся обиды, существует неприязнь друг к другу, происходят ссоры, что в итоге заканчивается разводом, так как семья как особая общность практически уже распалась, и осталось только совместное проживание. Между тем мы всегда склонны к преувеличению в определении семьи как объекта социологии и поэтому все, что склонно репрезентировать себя как семья и имеет юридическое основание, мы тоже называем семьей. То есть обиденные или юридические критерии в определении семьи принимаем за социологические основания. Такая ошибка приводит к *эффекту утраты семьи в качестве объекта социологии*. А более радикально мыслящие авторы приходят к выводу, что исчезает семья вообще, не признавая семьей сожителство без заключения брака. Поэтому молодые люди с появлением сетевых сообществ, позволяющих расширить круг знакомств для создания семьи и поменять правила игры в ее формировании, в полной мере стали использовать новую коммуникационную возможность. Можно сказать, что сетевые сообщества по своему характеру близки характеру семьи, которая существует без заключения брака.

Классическая малая группа имеет свои специфические закономерности, которые отличают ее от других социальных групп. Тождество одной малой группы другой говорит о ее неразвитости и непрочности, так как малая группа всегда отличается своей индивидуальностью. Эта индивидуализация является изначальной в формировании сетевых сообществ по определенной теме обсуждения, по стилю мышления и по моральным качествам. Л.Г. Ионин называет такую локализацию интернет-гетто, отмечая, что от 85 до 91% пользователей этих гетто закрываются от нежелательной информации [12, с. 158]. В сетевом сообществе пользователи сами подбирают это сообщество и таких участников общения, с которыми они не испытывали бы

когнитивного и личностного дискомфорта, забанивая тех, кто создает какой-то диссонанс своим посещением группы.

Таким образом, сетевое сообщество создает и охраняет внутреннее социокультурное пространство, в рамках которого возможно проявление определенных форм частной жизни: симпатии, доверия, уважения, дружбы. С этой точки зрения понятие «гетто» не совсем адекватно отражает возникшую общность, так как гетто создается внешними факторами, а тут сами участники общности формируют и «метят» свою виртуальную территорию. Однако такая закрытость отношений между людьми все же существует, поэтому вполне справедливо она носит характер гетто. Тем более что самостоятельность его создания всегда имеет внешнюю причину: в реальной жизни молодые люди не нашли соответствующей общности, потому вынуждены сами создавать ее в виртуальной реальности.

Сетевые сообщества в этом смысле несут позитивный социальный заряд. Однако культивирование в Сети тех форм отношений, которые невозможны в публичных сферах жизни, приводит к тому, что в сетевых группах становятся возможными нарушения общепринятых социальных норм, где существует строгий социальный контроль. Если говорить точнее, то атмосфера приватности в сетевой группе предполагает *возможность отклонения* от норм публичной жизни, иначе она превратится в одну из публичных областей жизни, в которой царствуют чисто служебные, казенные, формальные отношения, которые регламентируются инструкциями: тогда исчезает малая группа как особое социальное явление. И поскольку в сетевой общности создается лишь возможность отклонений, то эта возможность реализуется в двух направлениях: позитивном и деструктивном.

Традиционная малая группа формирует особое географическое пространство, особый ландшафт, привязанность к которому становится доминантной формой связи членов этой группы. Это то, что получило название «места сбора» группы: завалинки в деревне, клубы, подъезды домов, «подворотни», курилки в цехах, двор многоквартирных домов, гаражи, дачные массивы. Но самое главное, особое, фундаментальное, матричное пространство малой группы – жилище, дом. Оно является критерием по определению годности и значимости всех других обжитых малых пространств групп людей для формирования особой атмосферы отношений. Традиционно такие малые группы назывались *соседскими группами*. В определенных исторических условиях соседство играло весьма важную роль в жизни людей, конкурируя с родственными группами. В сетевой малой группе, казалось бы, исчезает географическая привязка, так как все находятся друг от друга на большой

дистанции и связаны лишь сетью компьютеров, электронным адресом и временем пребывания. Здесь не требуются ни дом, ни договоренность о месте встречи и сама встреча, которая возможна в любой момент, если члены сетевого сообщества находятся в сети. Следовательно, своеобразным домом становится сама сеть, поэтому в ней складывается такая духовная атмосфера, которая притягивает молодого человека и делает посещение сети таким же непреложным делом, как посещение собственного реального дома. Особенно тогда, когда отношения в семье имеют конфликтный характер.

Для сохранения и воспроизводства малой группы в ее традиционной форме необходима определенная социальная дистанция по отношению к большим группам и официальным, публичным социальным организациям. В правовом аспекте эта черта малой группы регулируется, например, законом о неприкосновенности частной жизни, моральными нормами и средствами обеспечения духовной безопасности [13]. Этому же служат различные элементы корпоративной культуры: нормы поведения внутри группы, способ распределения социальных ролей, формы проведения досуга, утвердившиеся традиции, внутригрупповой сленг, групповые символы, внутренне признаваемые клички и другие маркеры, с помощью которых члены группы узнают друг друга (механизм идентификации) и отделяют свою группу от других групп. Но в качестве средства создания дистанции, обеспечения безопасности, идентификации и маркировки может выступать и территория группы (землячество). Исторически это было присуще монастырям, хуторам, староверческим лесным поселениям и другим формам обитания малых групп в прошлом. Вся эта веками сложившаяся система формирования и воспроизводства малой группы рухнула с созданием сетевых сообществ, членами которых являются преимущественно молодые люди. В то же время они стали создавать систему воспроизводства своего сообщества, как им казалось, с нуля. Но так казалось недолго, так как через какое-то время выяснилось, что все новое предстало как давно забытое старое, но только под другим названием. Хотя нередко и названия сохраняются те же самые, так как таким образом собственники и модераторы сетей привлекают внимание к своему пространству. Так работают «Одноклассники», «Фейсбук», «ВКонтакте» и ряд других.

Малая группа всегда имеет свой определенный социокультурный тип. Нет малой группы вообще как чего-то абстрактного, универсального. Когда-то все свободные жители Афин ощущали себя малой группой, и каждый из них знал, например, Сократа, хотя совсем не интересовался философией. Сейчас малая группа может сформироваться в виртуальном пространстве, а

непосредственные связи в этом случае начинают воспроизводиться с помощью мобильной связи и Интернета. С вопроса «Ты где?» начинается, как правило, общение по мобильному телефону. Общение по обычному телефону вызывает такой вопрос только с одной стороны, так как разговор с одной стороны идет по телефону с фиксированным адресом (домашний телефон, рабочий телефон и т.д.). Но в сетевом сообществе этот вопрос уже не возникает вообще, так как есть только электронный адрес, а собеседники могут находиться в любой точке мира. Как сам вопрос по телефону, так и ожидаемый ответ на него предполагают желание воспроизвести некую близость, хотя бы ощущение этой близости. Но вот в Сети такое желание уже не возникает, поэтому далеко не случайно, например, в Фейсбуке все ее участники набирают свое внутреннее сообщество по важным для них индивидуальным критериям и называют их друзьями (фрэндами, одноклассниками и т.п.). Если свести эти критерии к общим моментам, то можно выделить три: иметь в друзьях собеседников близких по интеллектуальному уровню, чтобы можно было вести спокойную беседу («коллеги»); иметь в друзьях фрэндов выше по интеллектуальному и образовательному уровню, чтобы читать информацию его бесед с другими людьми, но иногда вставлять свое слово и постоянно ставить свой «лайк» («читатели»); иметь в качестве фрэндов таких пользователей, перед которыми можно было выступать в роли ментора.

В результате такой многоуровневой конструкции ленты подачи информации утрачивается целостный смысл обсуждения той или иной темы, поэтому организовать научное обсуждение какой-то проблемы в сетевом сообществе практически невозможно. Поэтому фрэнды, играющие роль «ментора», долго не выдерживают такого обсуждения, поскольку им приходится опускаться на обыденный или игривый уровень обсуждения. Такой характер участия быстро надоедает и они уходят. Дольше держатся «читатели», так как они редко вступают в содержательную беседу, но зато активно ведут диалог о чем-то личном с друзьями, с которыми лично знакомы в реальности. Складывается впечатление, что Фейсбук предназначен именно для таких целей. Молодежь редко участвует в содержательных разговорах, предпочитая лишь наблюдать за ними, изредка ставя лайки. Тональность молодежи совсем другая, не нацеленная на выяснение и решение какой-то проблемы.

Когнитивные особенности формирования молодежной субкультуры в электронной коммуникации

Функционирование сетевых сообществ включают в себя действие общих закономерностей познания и общения, получающих в сети определенную

модификацию. Поскольку молодые люди больше всего проводят времени в сети, то модифицируются, прежде всего, структурные элементы познания и коммуникации в среде молодежи. В соответствии с этими изменениями происходят изменения в действии традиционных социальных институтов. В частности, обратим внимание на систему образования.

Сразу отметим, что за последние несколько десятилетий школа перестала быть социальным институтом, который был бы институтом инкультурации, способом освоения культуры. Если это и происходит, то в модифицированном и одностороннем виде.

Так, сейчас от школьников и студентов требуются не столько знания, сколько информированность, которая позволяет ответить на вопросы теста и приобрести определенную ориентацию в выборе профессии. Мы хотим подчеркнуть фундаментальное различие знания от информированности. Информация вообще отличается от знания тем, что ее можно закодировать и передать в процессе коммуникации. Знания передаются не в электронной коммуникации, а в общении учителя и ученика. Знание предполагает понимание, а для информированности это условие необязательно: нужна только память и способность воспроизводить информацию в нужный момент. Между тем, понимание формируется в диалоге с учащимся. А в «диалоге» с компьютером способность понимания не требуется и потому не формируется. Понимание есть результат живого общения учащегося и преподавателя, который использует множество приемов для того, чтобы сформировать понимание каждого, кто хочет понять. В этом и состоит педагогическое и методическое мастерство, талант преподавателя. А компьютер и его технологии предлагают лишь механическое запоминание, копирование схемы знания и презентацию этой схемы в акте коммуникации. Главное, чтобы была *узнаваемая* картинка, а понимание тут не предусмотрено.

Более того, схема для презентации всегда упрощает знание, поэтому создает лишь эффект понимания без возможности его углубления. Понимание отличается от узнавания тем, что формируется через внутреннее *преодоление* непонимания, между тем как акт узнавания требует лишь *совпадения* внутреннего образа и образа, который формируется в процессе непосредственно взаимодействия со схемой презентации.

В еще большей степени в компьютерном обучении не предусмотрено воображение. А без воображения невозможно теоретическое моделирование и конструирование. Отсутствие воображения является одной из причин того, почему сейчас в моде презентации, нарративы, дискурсы и прочая продукция,

которая изготавливается на компьютере на основе предлагаемых шаблонов и комбинаций.

Но компьютер не создал ни одной теории, так как теория есть способ целостного творческого моделирования, в котором разрешаются противоречия, и человек приходит к пониманию сложных явлений и к способности объяснения понятого другому человеку. Возникает эффект взаимопонимания. А без понимания и взаимопонимания нет культуры, так как общество лишается духовной взаимосвязи и высокой мотивации для творчества. Культура деградирует. Так высокие информационные технологии, если они распространяются насильственно, становятся одной из причин снижения духовного уровня культуры молодежи. На такой когнитивной основе и функционируют сетевые сообщества.

Эффект эстетизации информации и коммуникации в сетевых сообществах

В характеристике молодежной субкультуры часто отмечаются эстетические формы, которые используются в механизмах идентификации в сети. Исследования показывают, что это так, но такой крен в эстетическую сторону требует объяснения.

Начнем с того, что эстетический фактор в социальных процессах нельзя отождествлять с эстетизмом [14; 15]. В то же время, эстетический фактор в молодежной субкультуре, особенно с возникновением сетевых сообществ, имеет новую форму эстетизма, а не новый вид художественного жанра [16]. С этой точки зрения, прежде всего, отметим, что таким же эстетизмом грешит не только молодежная, но и взрослая аудитория, что видно по социальной и политической рекламе, особенно в период выборов. Политики набирают очки не как политики, а как крутые парни, как видные мужчины, как любители красивых авто и т.д. Нам каждый день показывают политиков не для того, чтобы они к чему-то призывали или против чего-то выступали, а как говорящие фигуры, которые должны породить эстетический эффект своей внешностью и манерами, скандальными высказываниями и красивыми обещаниями. В обществе эти фигуры обсуждаются не потому, что они сказали о решении политических и социокультурных проблем, а как они выглядели и какое произвели впечатление, создавая образ привлекательного политика. Имидж стал более значим, чем мысли и дела политика. Поэтому роль пиарщика, политтехнолога и помощников по СМИ сейчас стала более важна, чем политического аналитика или социолога. Политики из публичных политических фигур превратились в фигуры публично-художественные.

Однако весь эстетизм старшего поколения стал официально узаконенным, привычным для массового сознания и тем самым считается чем-то естественным, лишь имитируя политическую реальность. Политики движутся по краю политического, когда политика уже «не осуществление власти» [17]. В таком сконструированном под себя законами эстетической реальности мире политики уже не могут терпеть конкурентов, так как на одной и той же сцене один и тот же спектакль не могут играть две группы актеров, в том числе молодое поколение. В «обществе-спектакле», по словам Ги Дебора, главным субъектом политики является бюрократия, которая свою власть приобретает с помощью идеологии, которую она стремится сделать господствующей с помощью самых разных средств, из которых наиболее эффективными становятся эстетические, многократно усиленные возможностями СМИ. «Бюрократия не в силах провести либеральные реформы ни в сфере культуры, ни в сфере политики, ибо само ее существование как класса зависит от идеологической монополии, так как именно эта монополия служит единственным видом ее собственности» [18]. В настоящее время эта монополия срослась с монополией в области экономической, поэтому политическое поле для молодежи практически свелось к нулю. Если оно и существует, то лишь как продолжение политической деятельности бюрократии, в которой молодежь не имеет права на принятие самостоятельных решений. А если она начинает проявлять свою самостоятельность, то делает это тоже в эстетизированной форме, но в перевернутом или извращенном виде, так как не может действовать по нормам официальной эстетизированной социальной реальности, в которой не находится места для молодежи.

Поэтому молодежь создает свою политическую сцену для собственного спектакля, в котором действуют персонажи как пародии официальных политиков. Отсюда эстетизм в поведении молодежи выражен в эксклюзивной и скандальной форме, которая бросается в глаза своей экстравагантностью, но социальная суть одна и та же, что и взрослых – эстетизированная политическая реальность.

В этом одна из причин низкой политической активности молодежи как самостоятельного сегмента политической сферы, а если она и существует, то в скандальных эстетизированных формах. Они очень многочисленны и в литературе достаточно подробно описаны [19; 20; 21], но нет резона искать какой-то особый смысл в каждой их, так как все они проявляются в эстетизированном политическом пространстве, освященном музыкой, песнями и реально-театральными сценами, которые устраивает молодежь на улицах и площадях городов или в виртуальном пространстве.

Представляется, что в создании сетевых сообществ молодежь пытается найти свое реальное пространство, считая, что в этой новой системе социальной коммуникации есть ресурсы для воспроизводства и развития ее культуры. Такой культуры, которая имела бы не эстетизированную, а действительную форму.

Однако Интернет признан лишь как вид СМИ, закон о которых предполагает строгий контроль за контентом, не разрешая молодежи социально-политические эксперименты, имеющие, с точки зрения власти, сомнительный, а то и преступный характер. Право на сомнительные политические эксперименты власть оставила только для себя и не терпит на этом социально-коммуникационном и, тем более, на политическом поле конкуренции.

В итоге молодежная культура складывается, включая виртуальное пространство с его сетевыми сообществами, как форма духовной и поведенческой резервации, в которой позволяют различные вольности, но угрозы для тех, кто склонен видеть в поведении молодежи лишь нечто негативное, молодежь уже не представляет. Она уже находится под контролем, так как содержание этой культурной резервации (гетто) можно изменять и предлагать новые варианты, что выливается в форму мягкого манипулирования, характер которой даже не замечается, так как молодые люди выбирают среди многообразия культурных форм, а процедура выбора оценивается как проявление свободы личности. Но самое главное то, что эти культурные формы имеют эстетизированный характер, связанный с музыкой, танцами, красивыми вещами и местами проведения досуга, модной одеждой, сленгом и собственным стилем поведения в целом.

И все же социализация происходит не в виртуальных, изолированных и эпатажных социокультурных пространствах, а в реальном социальном пространстве в целом, так как молодежная культура не существует изолированно от культуры общества. Все сетевые сообщества есть часть общества, его продукт, как и те социальные субъекты, которые контролируют поведение молодежи.

О характере социальной активности молодежи в условиях наличия сетевых сообществ

В этой связи затронем вопрос о политической пассивности молодежи. Отмечается, что молодежь проявляет свою активность больше в сфере искусства и в коммерции, а не в следовании своим идеологическим установкам. С этим нельзя не согласиться, но дело-то в том, что молодежь просто не

допускается до серьезной политики, в которой она могла бы готовить важные документы и принимать ответственные решения. Ей отказано в доверии, что бумерангом бьет по существующим институтам власти. Политические институты заточены не на процесс отстаивание интересов молодежи и не на воспитание ее для подготовки своей политической смены, а на интересы развития бизнеса крупных финансово-военно-промышленных групп, для которых молодежь есть лишь кадровый ресурс или ресурс для силовых структур государства.

Часто говорят о протестной опасности, которая исходит из рядов молодежи, пугают «молодежной революцией», так как молодежь выступает против проводимой официальной политики. Но при этом отмечается в правительственном документе, что «в настоящий момент доля молодых людей, активно участвующих в жизни общества, составляет менее 7% от общей численности молодежи» [22]. Дело, следовательно, не в страхе перед протестами и молодежной революцией, а в страхе потерять молодежь как политическую и социокультурную смену в преемственности поколений. Ведь это не какая-то абстрактная молодежь, а дети старшего поколения, представители которого находятся у власти. Молодежный ресурс всегда предполагается как кадровый резерв, способный заменить старшее поколение в том духе, в каком его хочется видеть старшему поколению.

Но проблема состоит в том, что молодежь не однородная и содержит в себе различные группы, которые отличаются своими мировоззренческими и политическими пристрастиями, которые радикально отличаются от официально признанных. Их можно не замечать, за них можно наказывать, но это не решает проблемы различий. Они только загоняются внутрь и приобретают уродливые формы, если не находят реального публичного выхода. Тогда такой выход молодежь находит в виртуальном пространстве, в котором осуществлять государственный и социальный контроль труднее, так как молодые люди сидят за компьютерами дома, в частном пространстве, защита которого является задачей государства и его соответствующих законов.

Поэтому несколько странно, что можно найти немало исследований о молодежи как социальной группе в социальной структуре общества, но редко встретишь работы по исследованию социальной структуры самой молодежи и особенности ее поведения в частном пространстве. Молодежь привычно подразделяется по разным критериям: на школьную, студенческую и рабочую, по гендерному критерию, по месту проживания (городскую, сельскую, столичную, провинциальную и т.д.), по этническому признаку, по конфессиональной принадлежности и другим критериям. Исследуется она и по

уровню жизни, по ее социокультурным, в том числе патриотическим установкам, по наличию жилища и т.д. С этой точки зрения обычно социальная дифференциация проводится по отношению к ценностям, но в качестве ценностей чаще всего фигурируют предпочтения молодых людей, которые они приобретают в ситуации выбора. Но ведь есть еще ценности, которые приобретаются в детском возрасте и продолжают воспроизводиться. Но все же есть еще общая проблема: в какой мере молодежь реализует свой исторический потенциал, который определяет будущее общества? Каков характер ее духовности, по которому можно прогнозировать это будущее и чего реально ждать от молодежи, а не в русле политического пафоса, когда политики заявляют, что молодежь – это наше будущее? На этот вопрос можно давать разные ответы, но в этом случае выражение «наше будущее» звучит двусмысленно, так как молодежь имеет свое будущее в соответствии с тем потенциалом, который заложен в ней историей и культурой.

И все же наличие выбора в молодежной среде считается главным механизмом приобретения ценностей. Он имеет даже определенную эстетическую ценность, так как молодые люди не терпят ситуации, в которой выбора нет, если этот выбор имеет искусственный характер. Следовательно, предполагается, что молодые люди не способны самостоятельно что-то понять и выработать свои ценностные предпочтения самостоятельно, когда важен не выбор, а самостоятельная социально-политическая активность под воздействием исторической необходимости принятия солидарного решения. Однако в сетевых сообществах ценится возможность выбора и формулировка своего мнения даже в том случае, когда очевидна необходимость общего мнения. Такой эстетизм в принятии решения стал уже доминирующим в молодежной среде, а его противоположность, предполагающая солидарность и выработку общей позиции, расценивается как возрождение тоталитаризма.

Поэтому наличие политической пассивности у современной молодежи, что отмечается многими исследователями, есть фактор весьма тревожный. Его можно оценивать двояко: во-первых, как утрату своего будущего, субъектами которой привычно провозглашается молодежь. Но дело-то в том, что это будущее молодежью видится иначе, чем людьми, имеющими высокий социальный статус и занявшими все командные высоты. Ведь среди молодежи есть и те, кто родственно принадлежит к носителям этих высот, а есть те, кто их лишен точно так же, как их родители. Социальная структура молодежи имеет не менее сложный и противоречивый характер, чем социальная структура взрослого населения. Во-вторых, развитие потенциально разрушительного социокультурного потенциала может привести к реальному социальному

взрыву с такой же энергией, с какой молодежь проявляет себя в своих экзотичных, имплозивных формах субкультуры и манере поведения в своих культурных резервациях, пугая взрослое население пока только с эстетической стороны.

Трансформация ответственности молодежи в сетевых сообществах

Эстетизация коммуникации сетевых сообществ приводит к тому, что сокращаются и вымываются их моральные элементы. В этих условиях возрастает роль социологии в исследовании ответственности, особенно ответственности молодежи [23].

Поскольку объективно ответственность есть социальная взаимосвязь, то с возникновением сетевых сообществ возник кризис интериоризации ответственности и кризис механизмов ее атрибуции. Выражается этот кризис в том, что молодежь отвечает за то, за что отвечать не может, и не отвечает за то, за что должна отвечать как новое поколение общества и носитель особой культуры. Рассмотрим этот тезис подробнее.

Возникший кризис выражается в *снижении социально-энергетического* начала ответственности в Сети, так как формирование ответственности происходит в отрыве от реальной социальной деятельности, подменяясь ником агента общения, лишённого эмоционального и нравственного начала в принятии решения. Молодые люди воспринимают свое участие в сетевых сообществах как игру, в которой не может быть ответственных в политическом или уголовном отношении. В игре наказывают лишь за нарушение правил игры и самое страшное наказание – забанивание, то есть исключение из рядов участников игры.

Но главное то, что действительная социальная ответственность в ее полной форме не может быть принята, так как она невозможна в области электронной коммуникации. В области коммуникации идет обмен информацией, и ответственность может идти только за характер контента информации, а не за поступки. Причем информации, авторами которой они не являются. Но перед кем? Конечно, перед тем, с кем человек общается он несет моральную ответственность. Однако в соответствии с политическими интересами этой информации придается политический статус, и она становится основанием для ее оценки как экстремистской. Обретенный политический статус информации, размещенной в Сети, закрепляется в законах об экстремизме. В этих условиях «надо очень осторожно относиться к самому понятию экстремизма. Если все проявления активности молодежи будем

жестко загонять в рамки «разрешено – не разрешено», сводить экстремизм к политическим формам, то лишим общество нового социокультурного потенциала и возможного лучшего будущего» [24]. Молодой человек утрачивает обязанности быть ответственным, отгораживаясь от реальной личности и не стремясь брать ответственность на себя. В своих реальных социальных отношениях молодые люди стремятся брать на себя ответственность и считают этот акт показателем их взросления. В виртуальном пространстве человек лишается практики ответственного поведения, поэтому не вырабатывается способность брать на себя ответственность.

В сетевых сообществах ограничен круг предметов ответственности, за которые молодой человек может отвечать. В обычной жизни реального общения и в своих поступках предметом ответственности могут выступать различные ценности культуры, вещи, люди, социальные явления, обладающие актуальной значимостью для человека в процессе всей его жизнедеятельности. Между тем как сетевое сообщество жестко регламентировано тематикой, кругом «друзей» и видом инстанций, перед которыми человек должен отвечать.

Возможно, что инстанция ответственности, то есть то, перед кем или чем человек отвечает за свои поступки, есть главная проблема нравственности современной молодежи [25]. В общем и целом инстанцией ответственности могут выступать близкие люди, социальные организации, в особенности, государство, принимающее законы, народ, как социально-универсальная инстанция ответственности. Но здесь можно выделять и духовные инстанции в виде совести, а для верующего – Бога. Но в принятии решений у современной молодежи сужается круг инстанций, перед которыми отвечают молодые люди. То есть молодые считают, что ни перед кем не должны отвечать, кроме как перед собой. В этом случае ответственность вообще изымается из структуры поступков, вытесняясь мотивами, интересами, страхом. Молодой человек делает что-то или не делает не по зову своей души, требованию своего идеала, а под влиянием страха, который подкрепляется расчетом, который нужен для того, чтобы избежать наказания.

Совесть есть такой регулятор поведения, который действует и тогда, когда человек находится наедине с собой, когда никто не видит, что и как делает человек. В сетевых сообществах совесть проявляется в условном социальном поле, лишенном реальных инстанций ответственности и защищенном от действия реальных публичных регуляторов, которые действуют в обществе. Участникам сетевых сообществ представляется, что они даже способны создавать свою новую мораль, которая отличается от той, которая вырабатывалась веками и стало духовной культурой.

В структуре ответственности важно выделить основание ответственности, то есть критерий, в соответствии с которым человек несет ответственность. Основанием могут выступать культурные ценности, правовые и моральные нормы, религиозные заповеди, профессиональные, семейные и прочие обязанности, политические идеи, научные истины, мировоззренческие принципы. Основание ответственности задает направленность действия ответственности и ее уровень.

Складывается механизм воспроизводства ответственности, который включает в себя публичное приписывание права на субъектность, элиминирование оправдывающих обстоятельств, контроль за поведением молодого человека как атрибутора ответственности в виде отчетов со стороны инстанции ответственности.

Все обозначенные элементы структуры ответственности существуют в определенной взаимосвязи и реализуются через эту взаимосвязь. Способом взаимосвязи субъекта, предмета, инстанции и основания ответственности могут быть качественные параметры структуры личности: индивидуальная воля, рациональный расчет, эмоция, социальные роли, которые задаются характером общественных отношений и местом в социальной группе. Однако в сетевых сообществах, в особенности в молодежной аудитории, когда еще только происходит становление ответственности, ответственность приобретает особую сниженную форму. Пользователь отвечает лишь перед своими собеседниками, не имея с ними непосредственных контактов. Такая ситуация порождает различные негативные явления, например, троллинг.

С точки зрения такого структурирования социальной ответственности можно сказать, что ответственность молодежи в сетях имеет свою специфику по каждому из элементов своей структуры. По своему *субъекту* эта ответственность есть ответственность индивидуально-формальная. Она пришла на смену сословно-корпоративной ответственности и сакральной ответственности перед Богом. Однако сетевая ответственность, как реально действующий, активный социальный механизм деятельности личности, есть результат интериоризации и атрибуции той объективной социальной взаимосвязи, которая существует вне личности в сетевом общении.

Поэтому в гораздо более важной степени сетевая ответственность характеризуется сменой инстанции: пользователь отвечает не перед своим сувереном и не перед Богом, а перед народом, перед демократически созданными социальными институтами, перед государством, олицетворяющим собой общество в целом. В то же время, для гражданской ответственности характерна неформализованность инстанции, поэтому гражданин имеет право

выбора инстанции, ее смены, если по какому-либо критерию она не устраивает человека. Он может сказать «я сам свой Высший суд», а может за каждый свой поступок отвечать перед своими собеседниками, а не перед согражданами. Получается, что гражданская ответственность есть способ самодетерминации; есть зависимость человека от самого себя в определении степени этой зависимости, но в сетевом сообществе круг гражданских лиц сужается, к тому же он набирается самим пользователем.

Есть еще один важный момент. В реальной жизни ответственность лишь тогда становится гражданской, когда она по своему генезису есть акт добровольный, зависимый только от воли личности. В Сети тоже, казалось бы, внешне все зависит от самого молодого человека: выбор круга общения, выбор инстанции ответственности, выбор самого акта ответственности (отвечать – не отвечать). Ответственность в такой своей форме связана с необходимостью мысленного возврата к готовящемуся или совершенному поступку для его оценки и возможной коррекции. Тогда другим участникам сообщества можно наблюдать, как открыто перед другими происходит действие механизма ответственности или отказ от нее.

В этой открытости действия ответственности есть свои плюсы и минусы. Для молодого человека она является формой личной страховки от возможных ошибок; страховки, которая дается человеку, но поскольку неприятные ожидания неизбежны, то желательно, чтоб кто-то постоянно был под рукой, и с кого можно было бы спросить о намерении или случившемся событии. В этом случае сетевое сообщество выполняет роль референтной группы. Но есть тут и свои минусы, так как реальная ответственность личности в реальных поступках формируется постоянным спросом с себя, а поскольку ближе всего всегда оказывается совесть человека, то формируется гражданская совесть. В сетевом сообществе в роли гражданского общества выступает само сообщество, состав которого может контролироваться самим молодым человеком, поэтому он может избежать критики и ждать от всех своих слов и действий только позитивной оценки. Тем самым тормозится формирование совести как инстанции реальной ответственности: не формируется чувство ответственности, включая страх перед ней.

В результате старые формы ответственности (греховность, раскаяние, забота о насущном) вытесняются сетевыми формами ответственности. В этом случае реального гражданского солидарного ответа на вызовы времени не получается. Поэтому не случайно современную культуру, которую все согласились называть постмодернизмом, часто связывают с отсутствием глубокой гражданской ответственности или исчезновением ее вообще в

поведении нарцисса [26]. Пребывание в сетевом пространстве усиливает эту тенденцию.

Гражданская ответственность, исторически возникнув, прошла долгий путь развития, то ослабляясь, то усиливаясь. Но никогда не исчезала вообще. Кроме того, она может «прятаться» в своих латентных формах. Как мы уже отметили, рядиться в форму заботы совести. Она может выразиться в индивидуальных протестах («бунт одиночек»), в диссидентстве, в определенных чудачествах, когда за неимением нормальных условий проявления социальной активности человек начинает вести себя необычно по сравнению с другими, «не как все». Разумеется, лучший и наиболее эффективный путь проявления гражданской активности – участие в общественных организациях и движениях. В этой связи обнаруживается проблема соотношения действительной и мнимой ответственности. Формой ответственности, преодолевающей реальные уходы от ответственности и делающей ее мнимой, является *раскаяние* как особая форма ответственности. Но в сетевом сообществе действие этой формы ответственности снижается. В этом и заключается ее привлекательность для молодых людей.

Дело в том, что ответственность есть социально-нравственный институт, который существует в двух формах: в первом случае ответственность возлагается другими, а во втором – ответственность берется на себя самим человеком. Если это возлагаемая ответственность, то ее функционирование обеспечивается целым рядом правовых и моральных норм, действие которых включает в себя определение вины и назначение наказания.

Если ответственность принимается на себя самим собой, что можно экспериментально делать в сетевом сообществе, то личности молодого человека необходимо развертывать систему нравственных ценностей, которая духовно насыщает совершаемый поступок. Она синтезирует внутреннее содержание личности, и тогда поступок становится динамичной и во времени протекающей формой нравственной ответственности, существующей в социокультурном контексте. Однако сетевое сообщество не обладает статусом действительного сообщества, так как не включается в социальную структуру общества, не регулируется основными правовыми законами и нормами, не координируется с другими социальными группами, в том числе, конечно, с классами и этносами. Поэтому ответственный поступок в сети не может сформировать ответственную культуру, которая придает личности статус социально-онтологической завершенности.

Литература

1. Олейник М.Л. Музыка как фактор социокультурной стратификации в современном обществе // Известия ВГПУ. 2007. № 3. С. 95–98.
2. Таниева Г.М., Козырьков В.П. Социокультурные предпосылки и противоречия реализации идентификационных возможностей музыки // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». Н. Новгород, 2015. № 2. С. 31–41.
3. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 322.
4. Зощенко М. Повесть о разуме. М.: Педагогика, 1990. С. 135–141.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол. ф-т СПб-го ун-та, 2000. 326 с.
6. Коган Л. Н. Человек и его судьба. М.: Мысль, 1988. 283 с.
7. Кашина О.П. Единство и разнообразие жизненного пути человека зрелого возраста в современном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2016. URL: <https://diss.unn.ru/files/2016/619/autoref-619.pdf>.
8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Речь, 2002.
9. Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2000.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издат-й дом Постум, 2015. 240 с.
11. Козырьков В.П. Социокультурные аспекты пустоты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. Вып. 1 (25). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. С. 57–64.
12. Ионин Л.Г. Парад меньшинств. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2014. 176 с.
13. Фомченкова Г.А., Козырьков В.П. Духовная сфера общества и обеспечение его безопасности: Монография. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2018. 218 с.
14. Козырьков В.П. Социокультурная трансформация эстетизма в становлении информационного общества // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2010. №2. Н. Новгород: Изд-во НГТУ, 2010. С. 6–16.
15. Козырьков В.П. Эстетизация как способ существования информационного общества // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева № 2(87). Н. Новгород: Изд-во НГТУ, 2011. С. 264–276.
16. Козырьков В.П. Генезис эстетизации общества и социологии // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Т. 81. Сер. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии», № 1. Н. Новгород: Изд-во НГТУ, 2010. С.6–15.

17. Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.
18. Дебор Г. Общество спектакля // URL: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/gi-debor-obschestvo-spektaklya.pdf>.
19. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.
20. Левикова С.И. Молодежная культура. М.: Вузовская книга, 2002.
21. Мазитов Р.Р. Молодежная клубная культура и клубная деятельность как социально-педагогические феномены // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 4. С. 116–122.
22. Концепция федеральной целевой программы «Молодежь России» на 2011–2015 годы. URL: <https://studfiles.net/preview/2224317/>.
23. Козырьков В.П. Разработка социологической категории ответственности // Социология. Журнал российской социологической ассоциации. М.: 2007. № 3/4. С. 45–53.
24. Козырьков В.П., Фомченкова Г.А. Экстремальность молодежи и молодежный экстремизм: социокультурный подход к анализу факторов угрозы безопасности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 1. С. 36–40.
25. Козырьков В.П., Стрелков Д.Г. Конфигурация гражданской ответственности молодежи в современном российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 6. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. С. 293–299.
26. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Алетейя, 2001.

3.2. «СООБЩЕСТВА СМЕРТИ»: НОВАЯ ФОРМА ОПАСНОСТИ В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Развитие современных информационных технологий, средств связи и вовлечение детей и подростков в мир Интернета и мобильных телефонов делают кибертравлю и функционирование различных подростковых групп одним из серьезнейших современных социальных рисков в этом возрасте. Тема, о которой идет речь, все еще недостаточно изучена. Проблема травли в социальных сетях является относительно новой, и немногие из родителей или учителей осведомлены о том, как стоит решать вопрос травли в Сети. Авторы рассматривают особенности кибербуллинга в школьной среде и взаимосвязь с указанным феноменом популярности «групп смерти» как особой формы решения подростками проблем кибербуллинга, а также механизмы втягивания в эти группы школьников.

Ключевые слова: девиации, девиантное поведение, кибербуллинг, кибертравля, социальные сети, группы смерти, молодежь, подростки, молодежная политика.

Повсеместная распространенность Интернета и пристрастие подростков к социальным сетям в сочетании с дефицитом у них пользовательской компетентности и понимания необходимости поддержания определенной этики общения в Сети делают кибертравлю одним из серьезнейших современных социальных рисков в подростковом возрасте [1, с. 6–9].

С развитием современных информационных технологий, средств связи и с вовлечением детей и подростков в мир Интернета и мобильных телефонов появился и такой вид школьного насилия как кибербуллинг – унижение или травля с помощью мобильных телефонов, других электронных устройств. Иногда он оказывается для подростков более болезненным, чем побои после уроков.

По данным, полученным в исследовании «Дети России онлайн», в среднем по РФ 23% молодежи, которые пользуются Интернетом, являются жертвой буллинга онлайн или офлайн [2].

В связи с распространением кибербуллинга в подростковой среде и увеличением числа «сообществ смерти» было проведено авторское социологическое исследование (2017–2018) с целью изучения кибербуллинга в школах Нижнего Новгорода и связанных с ним проблем, в рамках которого состоялись глубинные интервью с классными руководителями 8–11 классов, социальными педагогами и психологами.

Со случаями агрессии в своей работе встречались все опрошенные специалисты. Причинами агрессии чаще всего становились: хамство; неадекватная реакция на оценки, на общение с одноклассниками; из-за оскорблений, непристойных шуток. Основной возраст, на который приходится случаи агрессии, это 6–8 класс, то есть 12–14 лет.

Проблема травли в социальных сетях является относительно новой и большинство родителей и учителей не осведомлены о способах ее решения. Известны случаи, когда дети не находили поддержки среди родителей и учителей и, не зная как справиться с данной ситуацией, сводили счеты с жизнью, не выдерживая давления со стороны сверстников. В настоящее время набирают обороты «группы смерти», где дети иногда ищут поддержку среди ребят с похожими проблемами, но, к сожалению, «миссия» у этих групп совсем иная. Стоит отметить, что все эксперты отрицают случаи суицидального поведения в их школах и участие школьников в подобных сообществах.

Травля приобретает в классах различные формы. Эксперты отмечают, что травля была долгое время актуальна в школах и в настоящее время она лишь набирает обороты, приобретая новые формы и ее развитие зависит не только от личностных особенностей детей, но и от работы педагогического состава. К тому же, все участники выражают единое мнение о том, что новые формы девиантного поведения будут появляться в школах и активно развиваться, что связано со стремительным развитием технических средств.

Одной из основных причин, по которой происходит рост числа девиаций среди школьников, педагоги и социальные психологи называют недостаток внимания ребенку со стороны родителей. Родители зачастую свое внимание заменяют ребенку гаджетами, и таким образом, свободное время ребенок проводит в социальных сетях. У школы нет возможностей для искоренения существующих форм отклонений в поведении и профилактики возникновения новых.

Девиантное поведение в школах с течением времени получает новые формы развития. Хамство и оскорбления не только в классе, но и в Интернете уже давно не редкость в учебных заведениях, и с каждым новым случаем ситуация ухудшается. Агрессия в школах начинает приобретать массовый характер, выходящий за рамки учебного заведения на интернет-площадку социальных сетей, то есть, таким образом, агрессия начинает переходить в травлю одним человеком (агрессором) другого (жертвы). С развитием Интернета и технических средств ситуация затравливания переходит уже в социальные сети, создаются группы и диалоги, где ребенок уже в неличной форме подвергается оскорблениям и унижению. Такие ситуации в школах присутствуют, и

администрация школы и педколлектив не всегда может узнать о проблеме и тем более получить доступ к соответствующим группам и обсуждениям, так как они находятся в закрытом доступе. В школах вопрос травли решается по-разному. Кто-то берет для работы только две стороны конфликта, пытаясь, конфликтующие стороны примерить, привлекая к работе социального педагога и психолога. В других школах ведется комплексная работа с семьями жертвы и агрессора, привлекаются классные руководители, психологи и социальные педагоги для решения вопроса. По мнению большинства, в будущем новые формы девиантного поведения будут появляться и прогрессировать. Факторами появления различных отклонений является Интернет и развитие технических средств. Многие дети проводят свой досуг не всегда за полезными занятиями, зачастую втягиваясь в ситуацию кибербуллинга, не только как жертва, но и как одна из сторон агрессора.

Школьная травля – сложный процесс, в котором есть жертвы, преследователи, взаимодействие между ними, а также позиция по отношению к происходящему взрослых и школы. Для понимания проблемы следует учитывать множество факторов, а не ограничиваться упрощенными представлениями о жестоком преследователе и его беспомощной жертве. Любая стратегия вмешательства при школьной травле должна быть направлена на процесс в целом. С появлением современных технологий общения, интернет-площадка становится опасным местом для школьника. Особенно для того ребенка, который оказался по каким-то причинам изгоем в своем классе и школе, пытаясь «спастись» от насилия со стороны одноклассников он ищет себя в различных сообществах, в компании других детей, которые могут стать жертвами нагнетавших и набирающих оборот «групп смерти». Другая сторона кибербуллинга состоит в том, что насилие из класса со стороны одноклассников может перейти уже в социальные сети, где ребенок может получить еще большую травму и приумножить свои проблемы с одноклассниками.

Для того чтобы рассмотреть проблему кибербуллинга и ее распространенности в школьной среде в 2017 и 2018 гг. были проведены два исследования. Первое – «Новые формы девиантного поведения в школе: кибербуллинг» (2017). Были опрошены школьники 8–11 классов, первые курсы вузов и студенты средних профессиональных учреждений Нижнего Новгорода. Всего в анкетировании приняли участие 300 человек, опрос проходил на базе Google Forms в социальной сети «ВКонтакте». Второе – анкетирование «Новые формы проявления кибербуллинга в социальных сетях: на примере феномена «Сообществ смерти» (2018). Были опрошены ученики 5–11 классов школ

Нижнего Новгорода. Всего в анкетировании приняли участие 362 человека, опрос происходил на базе Google Forms в социальной сети «ВКонтакте».

Самой популярной формой унижения среди школьников была названа словесная форма недоброжелательного отношения. На словах зачастую ребенку легче выместить какую-то свою неприязнь к человеку, чем совершить действие, так как за словесную форму можно получить не такое жесткое наказание, как за поступок, который задевает физически или же ведет к порче имущества. Из всех представленных форм, связанных с устной формой оскорблений, использование ненормативной лексики и оскорблений является одними из самых жестких. Как известно, человека, а особенно ребенка задеть словами можно сильнее, чем поступком.

По результатам исследования 2017 г., 80% учеников утверждают, что подверглись обидам со стороны сверстников в Интернете, а 30% ощутили на себе недоброжелательное обращение в классе. В 2018 г. ситуация изменилась существенно, теперь 71% опрошенных испытывали недоброжелательное отношение к себе в классе, а столкнулись с недоброжелательным отношением в Интернете – 18%. Считаем, что такой спад кибербуллинга можно объяснить ужесточением цензуры в социальных сетях, принятием дополнительных мер с целью блокировки пользователей, а также и политикой администраторов групп с большим количеством участников.

Стоит отметить, что процент тех, кто оказался жертвами травли в Интернете по результатам исследования в 2017 г. слишком высок, что говорило нам о том, что различные виды недоброжелательного обращения перемещаются в социальные сети, что вероятнее всего объясняется тем, что оскорбления, слухи и другие возможные формы не предполагают в сети личного контакта и взаимодействия. Недоброжелательное отношение выражается в анонимной форме, что усложняет наказание обидчика. При оскорблении и унижении в Сети агрессор не может видеть эмоциональные проявления лично, что лишь добавляет поводов агрессору продолжать дальше травить своего сверстника. Чувство безнаказанности делает травлю в Интернете привлекательной для большинства агрессоров.

По результатам исследования 2018 г., недоброжелательные формы общения вновь вернулись в школьные классы. Такой рост буллинга, прежде всего, можно связать с ситуациями замалчивания. Ребенок видит унижительное отношение к своим сверстникам и предпочитает умолчать о произошедшем. Таким образом, происходит рост числа подобных случаев, поскольку не ведется работа по предотвращению подобного взаимодействия и не проводится разъяснительная работа с ребенком, который стал наблюдателем. Отсутствует и

воспитательная работа с ребенком-обидчиком. Вторым обоснованием роста буллинга являются изменения в политике модерирования в социальных сетях. Особое внимание уделяется пользователям, ведущим себя агрессивно по отношению к другим участникам. Их ограничивают в общении или блокируют. Обидчик не может в полной мере затравить жертву, показать всю свою агрессию и неприязнь. И, наконец, третье – это воспитание в семье. В большинстве случаев родители учат своих детей давать сдачи, давать отпор обидчику, особенно это характерно при воспитании мальчиков. В ситуации кибербуллинга это сделать проще, можно дать отпор обидчику и занести его в черный список. В ситуации, когда обидчик достает ребенка в классе, дать сдачу будет уже сложнее, как и избавить его от преследования, поэтому некоторым детям интереснее добиваться ответной реакции от жертвы здесь и сейчас, чем, например, ждать ответа на сообщение в социальных сетях. Даже несмотря на малое количество форм недоброжелательного отношения в буллинге (в отличие от кибербуллинга), этот вид унижения детей вновь становится популярным, личная неприязнь бьет сильнее, чем неприязнь, которая может быть выражена в нелестном комментарии в социальных сетях.

Согласно полученным данным в 2017 г., 59% учеников продолжали сталкиваться с травлей. Причины данной ситуации видятся в следующем. Во-первых, слишком высок процент замалчиваний о случаях травли, во-вторых, возможно, родители не смогли самостоятельно решить данный вопрос или же решили уйти от решения возникшей проблемы. В 2018 г. этот процент снизился и составил 51%. Такое снижение можно связать с тем, что вырос уровень доверия к родителям в ситуации травли, поэтому вопрос мог решиться с помощью них, если ученик решался рассказать о проблеме.

В числе вариантов разрешения ситуации травли в школе были отмечены также варианты ответов: «разрешилось само собой», «помогли родители и учителя», «разговор с обидчиком». Можно предположить, что имеет место замалчивание по причине того, что ситуация сама собой решится, однако неизвестно сколько нужно ждать, чтобы ситуация сама решилась без вмешательства и через что еще придется пройти жертве, чтобы прийти к нормальному общению с агрессором.

Повторение случаев недоброжелательного отношения к себе со стороны сверстников отметили 48% школьников, что свидетельствует об отсутствии эффективности решения проблемы. Требуется работа специалистов в школе – педагогов, психологов и социальных работников для уменьшения количества случаев недоброжелательного отношения в школе.

Поскольку было выяснено, что более 50% учеников не нашли помощи и поддержки в чьем-либо лице, то вероятнее всего, они пытаются найти помощь и решить свой вопрос самостоятельно, за пределами учебного заведения.

По результатам опроса 2017 г., 62% подростков ищут помощи среди виртуальных друзей, то есть у тех людей, с которыми они лично не знакомы, но может спросить совета, получить поддержку. В 2018 г. произошло несущественное снижение числа таких подростков, однако по-прежнему большее предпочтение респонденты отдают виртуальным друзьям, людям, с которыми они познакомились в социальных сетях. Если человек подвергся травле в Сети, то он может получить помощь от своего виртуального друга в реальном режиме времени. Возможно, что жертвам травли легче поделиться с такой проблемой с незнакомым человеком, который не является по своей сути другом в реальной жизни, и такой человек может дать совет в любое время, при этом не нужно тратить дополнительное время на встречи. В некоторых случаях жертвы травли боятся огласки случаев издевательства над собой, поэтому стараются найти понимание со стороны третьих лиц. Однако вырос число тех, кто ищут помощи в социальных группах, что является негативной тенденцией, поскольку, не всегда в таких сообществах можно получить адекватный совет, поскольку возраст советчиков соответствует возрасту жертвы, и этот совет может лишь усугубить ситуацию.

Не всегда у жертвы травли есть возможность найти поддержку и помощь у ближайшего окружения, поэтому известны случаи втягивания детей в «группы смерти», которые приобрели свою популярность в 2016 г. и существуют по сей день. Большинство детей попадают в такие группы через третьих лиц, которые достаточно подробно изучают страницы детей, содержащие подробную информацию о них. Дети, подвергшиеся травле, могут находить поддержку среди таких же детей в этих группах или же находить свое «спасение» в заданиях, которые практикуются в этих группах. Зафиксированы случаи, когда «виртуальные друзья» втягивали в эти группы детей с трудностями и оказывали деструктивное влияние на детей. «Сообщества смерти» являются одним из видов кибербуллинга, который совмещает в себе несколько ее форм: выдача себя за другое лицо, анонимность, использование шок-контента в группах, форма исключения. Ребенок, который уже и так столкнулся с кибербуллингом со стороны сверстников, вступая в такие группы может подвергнуться комплексным формам кибербуллинга уже в «сообществах смерти», которые могут нанести серьезный ущерб не только его психическому состоянию, но и физическому. При работе с подростками, кураторы групп используют различные формы угроз, если ребенок уже вступил в группы, но

пытается выйти на первых этапах. Среди них могут быть не только угрозы в сторону семьи ребенка, но и угроза распространения личной информации о ребенке, которой владеет куратор.

В связи с тенденцией втягивания детей в «группы смерти», ученикам был задан вопрос о том, знакомы ли им данные группы. Результаты исследования 2017 г. показали, что 79% знают об этих группах. В 2018 г. процент был существенно выше, уже 88% учеников знали о подобных группах. Источником информации послужили социальные сети.

По результатам исследования 2017 г., 7% участников опроса состоят в «группах смерти». Картина тревожная, так как эти дети могут быть подвержены серьезной опасности деятельности данных групп. В 2018 г. ситуация изменилась и уже 2% состояли в данных группах. Такое снижение объясняется проведением активной политики противодействия возникновению таких групп, все группы такого рода были заблокированы. В 2018 г. началась новая волна возникновения «сообществ смерти»: «Красная сова», «Зеленый лес», однако эти сообщества также были закрыты.

На вопрос «Что привлекает Вас в данных группах?» самыми популярными ответами стали – «ничего», то есть простое любопытство, и «игра, квест», то есть интерес к игре тоже присутствует, как и к таинственной тематике групп с особенными взглядами на мир. Стоит, отметить, что дети могут состоять в этих группах ради любопытства и быть сторонними наблюдателями всего происходящего, но это не исключает ситуации опасности для этих детей.

Девиантное поведение в школах с течением времени набирает свои обороты и получает новые формы развития. На данный момент случаи недоброжелательного отношения между учениками не только распространены в школах, но и в Интернете. Агрессия в школьной среде выходит на новый уровень и увеличивает площадки распространения агрессивных форм поведения. Агрессор и жертва – это два лица, которые между собой связаны, поскольку недоброжелатель может вымещать свои комплексы и неприязнь на человеке, который совсем в этом не виноват. Однако жертва не всегда решается рассказать о том, что происходит с ней в классе, поэтому рано или поздно сама жертва может начать вымещать свои обиды на другом. Таким образом, возникает замкнутый круг, который должен быть разорван третьим лицом, а именно соответствующими специалистами, которые представляют психологическую службу помощи в школе. Школьники не только становились наблюдателями случаев травли в учебном заведении, но и сами подвергались недоброжелательному отношению со стороны своих сверстников. Самыми

популярными формами травли являются словесные формы, что свидетельствует о том, что обидеть словом куда проще, чем делом и, как правило, тяжелее переносится, чем порча имущества и физические увечья. В большинстве случаев недоброжелательное отношение наблюдалось в школе, однако, лично на себе большинство опрошенных испытали случаи недоброжелательного отношения в Интернете в 2017 г., в 2018 г. ситуация вновь вернулась в школьные классы, что может говорить о том, что ограниченность возможностей недоброжелательного поведения в социальных сетях заставляет агрессора заявлять о своей ненависти и неприязни лично, не дожидаясь ответа в социальных сетях. В случаях, когда ученики сами наблюдали случаи травли в своей школе, то старались их замалчивать и никому не сообщать. Этот показатель может свидетельствовать о низкой степени социальной ответственности в отношении жизни другого человека. Когда же сам ученик подвергался случаям травли, то он старался с этой проблемой поделиться с родителями, найти помощи и поддержку у них. Однако процент замалчивания своей проблемы, относительно травли в классе оказался выше. Возможно, ребенок не верит в то, что его проблема может быть решена или же винит себя и хочет разобраться в сложившейся ситуации сам. Более чем у половины опрошенных учеников проблема травли не была решена, что свидетельствует о том, что ребенок пытается найти выход за пределами школы или же пустить проблему на самотек. Если ребенок не находит решение проблемы в лице родителей, друзей, учителей, то, вероятнее всего, он будет искать решение проблемы и поддержку в виртуальном пространстве. Многие из опрошенных учеников находили помощь у виртуальных друзей. Таким образом, проблема и ее решение лежит в одной плоскости – в интернет-пространстве. Не всегда виртуальный друг может оказаться лучшим советчиком в решении ситуации со школьной травлей, известны случаи втягивания детей в «группы смерти» третьими лицами, а некоторые дети вступают в эти группы добровольно, желая найти там понимание среди таких же детей с похожими проблемами. Небольшое количество все же состоит в данных группах и выполняют задания, которые выдаются кураторами групп. Напомним, детей в этих группах ничего не привлекает, а состоят они в них из-за простого любопытства. Однако этих детей стоит отнести к «группе риска», так как банальный интерес может обернуться трагедией.

Другой важной проблемой является влияние «групп смерти» на суицид среди подростков. Все чаще молодые люди подвергаются воздействию различных организаций, которые внушают детям мысли о самоубийстве. Подростки добровольно вступают в такие группы в социальных сетях и

подчиняются требованиям «организаторов». И эта проблема только нарастает: количество самоубийц среди детей постоянно растет. По этому показателю Россия занимает одно из первых мест в мире. Но в чем же причина такого поведения подростков? Что может подвигнуть их на совершение таких действий? [3, с. 240–242].

В связи с обозначенной проблемой, авторами был проведен контент-анализ новостных документов. Для исследования были взяты новости о «сообществах смерти», которые публиковались на интернет-сайтах 7 изданий (Аргументы и факты, Лента, Новая газета, Комсомольская правда, Честнок, Мел, Правда.ру) в 2016–2017 гг. В выборку попало 85 новостей. Из выборки были исключены новости, которые повторялись у других интернет-изданий. Контент-анализ был осуществлен с помощью программного пакета Lekta (лексико-семантический анализ текстов). В результате анализа информационно-новостного пространства выделились четыре сюжетные линии, вокруг которых сформировалась тематика новостных документов.

Первая сюжетная линия связана с зарождением «групп смерти» как нового опасного общественного явления в интернет-пространстве. В рамках данной сюжетной линии выделился ряд новостных тематик, посвященных появлению «групп смерти». Первая тема, которая входит в данную сюжетную линию – это смерть девочки Рины Паленковой, которая стала одной из жертв «групп смерти» под названием «F57», и впоследствии ее имя использовалось для раскрутки других, вновь возникших «групп смерти». Также в данную тематику попали новости о том, что изначально существовала группа «Море китов», которую создал человек под одноименным названием («ником»). В этой группе присваивались номера, по которым по сюжету «игры», указывался день и способ суицида. После смертельных случаев эта группа была заблокирована и созданы еще две группы «Familiam» и «Архитекторы зимы», где уже администратор под никнеймом «Море китов» выкладывал свои мысли и переживания, делясь проблемами со своими подписчиками. Эти группы также были заблокированы.

К следующей тематике новостных документов относится сюжет вовлечения детей в «группы смерти» и воздействия на детей администраторов групп и кураторов. Анализ новостей показал, что пик популярности «групп смерти» приходится на начало 2017 г.:

«С началом 2017 г. «группы смерти» в соцсетях снова стали наращивать свою популярность. Региональный общественный центр интернет-технологий (РОЦИТ) отметил рост употребления характерных хэштегов: #синийкит, #f57, #d28, #тихийдом, #ищукуратора, #китыплывутвверх» [4]. Попасть в

группы смерти было несложно: стоило опубликовать лишь несколько хэштегов, характерных для данных групп, или же кураторы и администраторы групп находили свою жертву сами – с детьми просто начинали переписку, убеждали их в собственной уникальности и одинокости, затем предлагали сыграть в игру:

«В России более 200 тысяч человек в соцсетях использовали суицидные хэштеги. По словам экспертов, наиболее распространенные из них – #тихийдом, #синийкит, #млечныйпуть, #хочувигру, #морекитов, #явигре, #f57, #f58, #f53, #домкитов. Их используют для того, чтобы вступить в смертельную игру» [5]. В социальных сетях в то время существовала слабая защита пользователей от групп, которые могут нанести вред человеку. Заметим, что такое частое использование хэштегов на суицидную тематику должно было вызвать подозрения со стороны служб безопасности.

Далее, после появления куратора, жертве присваивали номер, и начинали выдавать задания. Одним из первых заданий было отметить свою геолокацию. Затем следовало перейти по ссылке, которую давал куратор. Как только ребенок попадал на страницу, там запускался таймер. Задания были разные: нарисовать кита или бабочку на руке, проснуться в 4.20, подняться на крышу. Также подростку давалась специальная музыка, которую он должен был постоянно слушать. Преимущественно это была минорная электронная музыка, где низкие частоты перемешивались со звуками моря и китов.

После легких заданий и общения с куратором квест усложнялся. Например, нужно было сделать надрезы на руке, убить животное, стоять на краю крыши или моста. Запрещалось общаться с друзьями, которые отказывались играть. В качестве доказательств ребенок должен был постоянно делать фотоотчет выполненных заданий.

Куратор обязательно информирует ребенка о том, что он якобы следит за всей его семьей, и если вдруг ребенок перестанет выполнять задания, то все они окажутся на грани смерти.

«По данным полиции, вел «деструктивную переписку» с несовершеннолетними под видом координатора одной из групп. При этом, если его собеседники отказывались выполнять его задания, он угрожал им, точно описывая место, где находится их дом» [6].

Полагаем, что страх детей был вполне оправдан, поскольку они были лишены поддержки сверстников и друзей, «работа» с жертвой велась по всем направлениям. Таким образом, ребенок лишний раз боялся совершить какое-либо действие без одобрения кураторов.

Конечным заданием было убить себя. Куратор заранее обговаривал с жертвой обстановку самоубийства: от фоновой музыки до способа

умерщвления. Разумеется, все должно было сниматься на видео или вестись онлайн-трансляция.

Результаты исследования позволили выявить причины привлекательности «сообществ смерти» для подростков. Первая причина – дети вступали в них ради любопытства, поскольку группы привлекали своей загадочностью и таинственностью, чего не было в других группах, при этом дети не думали сводить счеты с жизнью. Не стоит исключать и психологическое воздействие кураторов, которые разговаривали с детьми, убеждая их, что они одиноки и смерть является решением большинства проблем. Вторая причина – такие группы были привлекательны для детей, которые следовали «моде», группы были настолько популярны, что некоторые школьные компании считали, что быть членом этих групп – это престижно и придает статус, что ты не хуже других.

В новостные документы вошли новости и о символике групп. В названии групп очень часто фигурировали слова «кит», «бабочка» и связанная с ними символика. Если говорить о бабочке, то она живет буквально несколько дней, а то и часов, для нее существует только «здесь и сейчас». Это близко психологии подростков, которые считают, что есть только сегодняшний день. Образ кита является символом депрессии, тоски, стремления к свободе, ухода от проблем; использование символа связано с намеком на возможное самоубийство. Иногда используется образ кита, выбросившегося на берег:

«Напомним, что для продвижения идеологии самоубийства в соцсетях выбран образ синего кита – млекопитающее, сводящее счеты с жизнью, выбрасываясь на берег. В соцсетях появились группы "Синий кит", "Море китов", "Летающий кит" и другие» [7].

Символы в группах выбирались под конкретную аудиторию, чтобы смерть была представлена именно через образ, близкий их контингенту, в данном случае через «китов» и «бабочек», что является романтизацией образа смерти.

Третья сюжетная линия контент-анализа показывает какие дети преимущественно вступали в сообщества смерти, кто были эти загадочные кураторы, и сколько жертв было после смертельного увлечения «играми». В такие группы входит, как минимум, две группы подростков. Во-первых, это дети, которые не могут найти общий язык со взрослыми и сверстниками. Педагоги и родители могут этого не замечать или делают вид, что не замечают, потому что не знают, как эту проблему решить. Такие дети часто объединяются и вступают в группы, где находят сверстников с такими же проблемами, и куратор может выслушать и поговорить. Большинству родителей приходится

много работать, чтобы обеспечить семью, поэтому общение с ребенком уходит на последнее место:

«Детский суицид, подростковый суицид, он никогда не бывает, что называется, на ровном месте. Он всегда имеет какую-то достаточно длительную предысторию. Это никогда не бывает вдруг, внезапно, ни с того ни с сего. Группы в Интернете, они, может быть, кого-то подталкивают, но у таких детей уже есть какая-то внутренняя предрасположенность, готовность, которая может создаваться разными мотивами. В этом возрасте очень часто происходят колебания настроения, эмоциональные колебания, различные переживания. Плюс к этому – обостренные отношения с ближайшим окружением, особенно с семьей, обостренные реакции на те или иные проблемы, неудачи и т.д.» [8].

Вторая группа детей – это те дети, которые не имеют возможности позитивной самореализации. Они пытаются самореализоваться, что-то кому-то доказать через принадлежность к таким сообществам, которые на слуху, которые все знают. В настоящее время идет недостаточная работа с детьми в школах и семьей в целом. Не все семьи имеют возможность отдать ребенка в кружки, поскольку большая часть кружков осуществляется на коммерческой основе, значит необходимо задуматься о том, чтобы на базе школ осуществлялись дополнительные занятия на безвозмездной основе, чтобы дети были заняты позитивными формами деятельности:

«То, что подростки переживают различные эмоциональные проблемы, что это возраст риска, мы знаем. Аутоагрессии, суициды, самоповреждения – это всегда было известно хорошо. Каждый год кончают жизнь самоубийством сотни детей. Эти 15 человек – лишь незначительный процент от тех, кто действительно идет на это. Это только завершённые суициды, а суицидальных попыток намного больше» [7].

Рассмотрим роль кураторов и их мотивацию вовлечения детей в опасные игры. В новостных лентах были выделены сообщения о цели кураторов, как было выяснено, в большинстве случаев это люди с психопатическими наклонностями, которые чувствуют свою власть и считают, что имеют право распоряжаться жизнью других людей. Лидирующим администратором «групп смерти» считается Филипп Лис, в результате деятельности которого были созданы остальные «вирусные» группы. В своем интервью Лис говорит о том, что есть люди, а есть биомусор, от которого стоит чистить мир:

«Пространство во вселенной забито! Мы чистим мир от биомусора!» [9].

Возраст администраторов и кураторов невелик – чуть старше 18 лет, некоторые и вовсе являются подростками:

«Администраторами групп являются молодые люди от 13 до 25 лет: 42% из них подростки 14–15 лет, 40% – 16–18 лет. А их основной мотив – власть, превосходство над другими людьми» [10].

Эти группы не были бы так опасны, если бы не случаи смерти участников этих групп в результате прохождения квестов. Был выведен список новостей (примерно 20), связанных со смертельным исходом после участия в группах. Основной возраст, на который приходятся факты суицидов – 13–15 лет. Точное число погибших после опасного увлечения неизвестно:

«В расследовании, посвященном массовым самоубийствам подростков, утверждалось, что жертвами таких сообществ стали 130 подростков» [4]; «следствие установило 15 потерпевших – подростков, которые состояли в «группах смерти» и совершили самоубийства» [11].

По разным данным жертвами были дети в возрасте 13–15 лет, количество жертв варьируется от 15 до 130 человек. Что же было предпринято в первую очередь? Все социальные сети, в том числе и Instagram, стали блокировать «сообщества смерти», чистить пространство от хэштегов, которые были «паролем» для вхождения в группы:

«15 февраля «ВКонтакте» начал блокировать пользователей, которые публикуют записи с хэштегом #синийкит. «Мы против того, чтобы на теме „групп смерти“ спекулировали, распространяя связанные с ней материалы», – прокомментировала ситуацию пресс-служба «ВКонтакте» [12]; «Даже Instagram, уже не первый год игнорирующий закон о персональных данных, обсудил ситуацию с Роскомнадзором и удалил более 300 ссылок с суицидальным контентом» [13].

Решение вопроса о функционировании «групп смерти» был вынесен на государственный уровень. Были внесены поправки в УК РФ, где добавлен пункт о доведении до самоубийства через интернет-сети:

«В законопроектах впервые была предложена новая форма сотрудничества Роскомнадзора и правоохранителей, – уточила Яровая. Она предусматривает незамедлительное уведомление, которое позволяет оперативно выявлять преступников и пресекать их деятельность» [14].

«Организаторам незаконных сообществ в соцсетях грозят тюремные сроки. Госдума приняла в первом чтении поправки в УК РФ, предусматривающие наказание за склонение детей к суициду, – сообщает Интерфакс» [15].

Также был поставлен вопрос о введении уроков медиабезопасности в школах:

«О введении уроков медиабезопасности говорят давно. Первые шаги в эту сторону уже сделаны, и, по распоряжению губернатора, своеобразные уроки-беседы о безопасном Интернете должны проводиться в ... школах уже целый год в виде классных часов» [16].

Таким образом, очевидно, что «группы смерти» являются реальной социальной проблемой, которая не сконструирована обществом и СМИ. Несмотря на тот факт, что ряд газет своими расследованиями могли разжечь пристальный интерес и рост количества таких групп в геометрической прогрессии. Стоит отметить, что большинство кураторов и администраторов групп были «профессиональными» психологами, которым удавалось заманивать детей в свои группы, создавая иллюзию мистики и загадочности. Такие группы возникли как реакции на общественные недоработки в системе образования и нарушений функционирования института семьи. Дети находили понимание и поддержку в этих группах у таких же, как они и у незнакомых людей. Безобидные группы развлекательного характера оказались опасной ловушкой, из которой некоторым не удалось выбраться без последствий. Администрация социальных сетей не среагировала оперативно на подобные группы, возможно, при моментальной реакции удалось бы избежать жертв. Такое явление как «сообщества смерти» продемонстрировало необходимость задуматься о недоработках и пробелах некоторых общественных институтов.

Подводя итоги, отметим:

1. Ситуации травли в учебных заведениях отмечаются не только самими работниками школы, но и учениками, большая часть из которых сами подверглись случаями травли.

2. И ученики, и учителя отмечают, что присутствуют случаи травли в социальных сетях, где происходит оскорбление человеком или группы людей одной жертвы.

3. Несмотря на отмеченные случаи травли в классах, некоторая часть агрессии уходит в интернет-пространство, о чем не всегда могут знать учителя и родители и принять эффективные меры для решения подобной проблемы.

4. Пострадавшими не всегда становятся дети, которые неприметные и хорошо учатся, это также могут быть, напротив, очень яркие по своему проявлению личности. Агрессор – это человек либо, который внутри себя зл и обижен на окружающих и старается это выместить на другом, либо же человек, который пытается установить свой авторитет. Иногда роли жертвы и агрессора может исполнять один и тот же человек.

5. Как показало исследование, среди ближайшего школьного и семейного окружения жертва не находит поддержки или же не пытается найти и старается

умолчать о своей проблеме, поделившись ею с виртуальными друзьями в группах, которые не всегда носят доброжелательный характер.

6. Некоторые дети из-за проблем во взаимоотношениях со сверстниками могут быть втянуты в «группы смерти», находя там своих сверстников с похожими проблемами. Многие дети состоят в подобных группах из любопытства, что не исключает ситуации риска для этих детей.

7. Большую привлекательность для детей представляет собой «философия» групп, которая представлена интересными названиями «киты плывут вверх», «китовый журнал», где смерть представляется с романтической стороны, что это благо или подвиг, а не что-то страшное и неизвестное.

8. В большинстве школ проводится работа в случаях конфликтных ситуаций. Однако из-за их высокой повторяемости, можно предположить, что эти меры не являются эффективными, поскольку не носят последовательный и комплексный характер.

9. Большую привлекательность представляют не столько сами названия групп и их «философия». Сама игра вызывает интерес у детей в этом возрасте, и участнику такого квеста кажется, что он выйдет из нее победителем. Иногда участие в таких группах является способом самореализации и приобрести авторитет у обидчиков.

Литература

1. Бобровникова Н.С. Опасность интернета – кибербуллинг // Восточно-Европейский научный сборник. 2015. С. 6–9.
2. Зинцова А.С. Влияние кибербуллинга на личность подростка. URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer31/350.pdf>.
3. Агеев Н.В. Влияние «групп-смерти» на суицид среди подростков / Н.В. Агеев, И.С. Щербань // Педагогика и психология: перспективы развития : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 окт. 2017 г.) / Редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 240–242.
4. «Синий кит»: что мы знаем об игре, подстрекающей подростков к суициду // Мел. URL: https://mel.fm/sotsialnyye_seti/8312507-blue_kite.
5. «Игра» из суицидальных пабликов «ВКонтакте» перекочевала в Instagram // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2017/02/08/kit/>.
6. Полиция вычислила кураторов «групп смерти» в трех регионах России // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/incidents/policiya_vychislila_kuratorov_grupp_smerti_v_treh_regionah_rossii.

7. «Группы смерти» начали убивать европейцев // Pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/news/society/10-03-2017/1326928-kiti-0/>.
8. «Группы смерти» – дело рук извращенцев // Pravda.ru URL: <https://www.pravda.ru/news/society/family/pbringing/15-11-2016/1318114-severny-0/>.
9. Кто такой администратор «групп смерти» Филипп Лис (Будейкин)? // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/dontknows/actual/kto_takoy_administrator_grupp_smerti_filipp_lis_budeykin.
10. Портрет администратора «группы смерти»: подросток-всезнайка из благополучной семьи // МК.RU. URL: <http://www.mk.ru/social/2017/10/03/pochti-pоловина-administratorov-grupp-smerti-podrostki-1415-let.html>.
11. Администратору «групп смерти» предъявили обвинение в доведении до самоубийства // Мел. URL: <https://mel.fm/novosti/5093861-charge>.
12. «ВКонтакте» начал блокировать пользователей, которые публикуют записи с хештегом #синийкит // Мел. URL: <https://mel.fm/novosti/1247603-vk>.
13. Запуганные предки // Lenta.ru URL: <https://lenta.ru/articles/2017/03/07/siniykit/>.
14. Яровая сообщила, что закон «о группах смерти» могут принять в мае // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/yarovaya_soobshchila_что_zakon_o_gruppah_smerti_mogut_prinyat_v_mae.
15. Госдума одобрила в первом чтении уголовное наказание за «группы смерти» // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/society/law/gosduma_odobrila_v_pervom_chtenii_ugolovnoe_nakazanie_za_gruppy_smerti.
16. Детство в Сети. Как обезопасить ребенка в Интернете // Аргументы и факты URL: http://www.chel.aif.ru/society/internet/detstvo_v_seti_kak_obezopasit_rebyonka_v_internete.

3.3. ИГРОВОЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ

Анализируются игровые формы в социальных практиках молодежи. Обосновывается закономерность распространения игровых социальных паттернов. Определяются функции игры в социальных практиках. Игра рассматривается как креативная стратегия социального взаимодействия в неустойчивом и неопределенном пространстве.

Ключевые слова: игра, социальные практики, габитус, функции игры, социальное взаимодействие.

Каждое новое поколение ищет, вырабатывает свои способы самоосуществления и самоактуализации в обществе. Эти поиски всегда базируются на всеобщем духовном наследии. Молодые люди пересматривают опыт родительского поколения, на первых этапах самостоятельности отталкиваются от него, в поиске новых, более эффективных практик освоения окружающего мира и социального взаимодействия. В период стремительных социальных изменений опыт и знания традиционной культуры становятся непригодными, оказываются неспособными решать новые задачи. Привычные паттерны постановки целей и выбора средств их достижения не соответствуют современному социокультурному контексту и не приносят ожидаемого результата.

Поколение современной молодежи социализируется и вступает в самостоятельную жизнь в период существенных изменений в характере и содержании социальной динамики, трансформации ценностно-смысловой системы, определяющей ориентиры социального действия. Скорость социальных изменений увеличивается, что осложняет восприятие, осмысление и освоение содержания современной культуры. Новые технологии требуют создания новых социальных практик и ценностных ориентиров, которые позволят встроить их в систему социокультурных связей и эффективно использовать для развития общества. Эти явления способствуют нарастанию сложности социокультурной системы, усложнению форм, паттернов и процессов социального взаимодействия. Нестабильность и неопределенность – сущностные характеристики современного общества. Риск становится естественным элементом любого социального действия, направление развития социальных процессов неопределенно и мало предсказуемо [1]. Риск распространен во всем обществе в независимости от положения в социальной структуре, особенностей культурной, экономической или политической

системы. Вероятность возникновения опасности непредсказуема и присутствует во всех сферах социальной практики.

Осторожность, расчет и прогноз больше не являются заведомо успешными стратегиями. Традиционные практики предусмотрительности и избегания риска не только перестали приносить положительный результат, они несут вред социальным системам, которые к ним прибегают. Ориентация на стабильность и избегание опасности способствует стагнации, которая губительна для социальных субъектов в стремительно развивающемся и усложняющемся социокультурном пространстве. Успешное самоосуществление требует от актора не просто соответствия скорости изменений и готовности к риску, ему самому необходимо стать источником бифуркаций, турбулентностей, риска, стать создателем и центром нового социокультурного пространства.

Ценности смещают свой фокус с социальных потребностей на индивидуальные. Наиболее актуальными становятся ценности: самоидентификации, самореализации, самоактуализации. Основной компетенцией социального актора становится самопонимание, которое помогает выбрать референтные элементы социокультурной системы и сконструировать свой «мир». Индивидуализация современного общества не является синонимом эгоизма. Это поиск и актуализация инновационных ресурсов для развития общества в условиях новых трендов, увеличения потребностей и дефицита традиционных ресурсов. Поддержка индивидов в удовлетворении потребностей в творчестве и самореализации обеспечивают обществу уникальные продукты, способствующие его динамичному развитию.

Социальные явления, которые более старшие поколения воспринимают как новые с позитивной или негативной эмоциональной окраской, поколение ровесников этих явлений видит как естественный контекст социальной самореализации. Молодые люди относятся к инновациям последних 10-15 лет как к обычному фону своей жизни. Эти инновации естественным образом включены в социокультурные паттерны взаимодействия с материальной средой и с социальными субъектами. Новые социальные практики, которые отвергают или осознанно используют как эффективный инструмент представители старших поколений, являются для молодежи очевидными и единственно возможными способами деятельности в данном контексте.

Игра – это творческое, исследовательское, пробное действие в конкретном пространстве и времени. В современном мире увеличивается динамика социальных процессов, нарастает их сложность. Направление и содержание социальных процессов амбивалентно и противоречиво и зависит от контекста реализации и целей вовлеченных субъектов. В этих условиях игра

выходит за границы творчества и собственно игры, она реализуется как способ освоения нестабильного непредсказуемо развивающегося социального пространства. Игра, как форма действия, легитимизируется в социальном пространстве. Игровой формат социального действия переносит акцент с внешних целей на внутренне значимые, мотивирующие факторы.

Игра, игривость, играизация и заигрывание становятся сущностными характеристиками социальных практик. Эти феномены проникают даже в те сферы, которые на протяжении тысяч лет развития общества были сугубо рациональны, практичны и однозначны и не допускали амбивалентности, неустойчивости и вариативности. В детстве игра является естественным состоянием человека, она помогает растянуть границы обусловленности и конечности, открывать и создавать новое, получать удовольствие. Сейчас мир сталкивается с ограниченностью ресурсов, с процессами изменений, скорость и объемы которых постоянно увеличиваются. Значение игры как стратегии, адекватной современным социальным трендам, возрастает.

Молодые люди обращаются к игре как к форме социального действия в ситуациях неустойчивости, неясного завершения, число которых в социальном пространстве постоянно возрастает. Важно понять, насколько осознанным является обращение к игре в процессе социального взаимодействия, каковы функции и негативные последствия игры в нем. Поэтому представляется интересным рассмотреть общий тренд игровых устремлений, чтобы понимать цели и смысл, которые вкладывают в свои действия молодые люди. Необходимо выявить мотивирующие факторы и ценности, которые позволят взаимодействовать с новыми социальными субъектами, организовать максимально комфортное и эффективное управленческое воздействие на эту социальную группу.

Социальная группа, находящаяся в процессе активной социализации в период значительных социальных изменений, становится основным их проводником и субъектом их институционализации. Наиболее ярко воспринимающей социальные и ценностные изменения является возрастная группа от 17 до 25 лет [2, с. 15–33]. Это период активной социализации, освоения взрослых ролей, первых самостоятельных выборов и решений. На этом этапе развития социальные субъекты осваивают нормы и практики, которые будут являться основой для их последующей деятельности в социальном пространстве.

В социально-демографическом аспекте эту возрастную группу можно рассматривать как поколение, которое объединяет общность переживания определенных социально-исторических событий и ценностно-нормативных

ориентиров, выработавшихся в результате этого процесса. Теория поколений наиболее активно развивается и популяризируется с конца XX века [3]. Исследователи полагают, что представители одного поколения демонстрируют относительно одинаковые реакции и делают одинаковые выборы в типичных ситуациях (карьера, семья, политическое и экономическое поведение).

Поколение людей, родившихся в последние пятнадцать лет XX века, называют миллениалами. Период их активной взрослой социализации приходится на начало XXI века. Миллениалы стали свидетелями процессов глобализации, расширения социального пространства и возможностей культурного взаимодействия, последовавших за ними процессов локализации и даже социальной изоляции. В их повседневной жизни и восприятии социальные процессы перестали быть поступательно эволюционными: общество отказывается от движения вперед и обращается к давно прошедшим этапам своего развития, пытается переосмыслить и возродить прошлые ценности и нормы в новых формах. Противоречивые социальные ориентиры не только соседствуют в одном социокультурном пространстве, но и совмещаются в деятельности одного социального субъекта. Адаптивность, социальная гуттаперчивость – одни из наиболее актуальных социальных навыков в современном мире. Они играют в разных контекстах, примеряют на себя разные роли, пробуют разные способы социального взаимодействия. Социальная мозаика – их естественная среда обитания. Стремительное развитие информационных технологий и различных гаджетов постоянно изменяет контуры повседневной жизни человека: общение с друзьями не ограничивается пространством локального соприсутствия, иллюзия общения с бытовыми приборами, возможность быть свидетелем событий из разных точек земного шара, доступность мировых достопримечательностей, произведений искусства и литературы, появление новых видов профессиональной деятельности.

Миллениалы еще помнят Сережу Сыроежкина из кинофильма «Приключения Электроника», который пел: «Чтоб стать, говорят, человеком, шагать надо в ногу с веком». Век от них убегает стремительно – с каждым годом скорость социальных процессов возрастает. Это вынуждает молодых людей либо догонять социальные изменения, отказываясь от своих целей в попытке поймать момент синхронности с социумом, либо конструировать мозаику своей жизни из явлений, практик, ценностей и ориентиров, которые они успели вырвать из этого процесса обновления социальных достижений. Участие в этих процессах является предпосылкой формирования потребности в быстром и головокружительном успехе, необходимости успеть ухватить шанс.

Навязанные извне критерии успешности стремятся оказывать влияние на внутриличностные системы самоопределения и самоосуществления. В этих условиях становится очевидным, а СМИ усиливают это впечатление, что длительная и поступательная деятельность не является залогом успеха. В свою очередь, потребность в быстром успехе посредством поиска и ловли шанса конструируют новую социальную практику частой смены мест работы, профессиональной деятельности, брачных партнеров. Это практика поиска счастливого случая без особых усилий и вложений. Калейдоскоп социальных процессов, инноваций и ориентиров вовлекает молодых людей в круговорот постоянных выборов и проб, не дает возможности зафиксироваться на себе как субъекте социального и культурного производства, включиться в обратное взаимодействие с социумом.

Миллениалы в юном возрасте познакомились с цифровыми технологиями и растут вместе с ними. Надо отметить, что в их детстве смартфоны и другие цифровые гаджеты были дорогими и малораспространенными диковинками, которые несмело осваивали их родители. Благодаря бурному развитию рынка цифровых технологий миллениалы получили к ним доступ в средней и старшей школе и полностью отдались власти виртуального мира. Смартфон стал олицетворением мира свободы, мира интереса, компенсирующим недостатки реальности. Все сферы социальной деятельности молодежи характеризуются стремлением к удвоению в виртуальном пространстве и иногда замещением реального взаимодействия виртуальным. Социальные сети, сетевые игры и онлайн-шопинг удовлетворяют практически все потребности молодого человека, они создают иллюзию универсальности Интернет-пространства. Родители, учителя и общество в целом предъявляют к подросткам высокие требования, ставят перед ними большое количество задач, контролируют неукоснительное соблюдение программы по подготовке к «настоящей взрослой жизни», зачастую игнорируя истинные потребности молодых людей и их права. Кулисы и декорации Интернета позволяют молодым людям спрятать «неподходящий» возраст, «неправильное» тело или «некрасивое» лицо и сконструировать безопасное и комфортное социальное взаимодействие, отвечающее потребностям участников. В Сети работают, учатся, развлекаются, общаются, потребляют, строят отношения. Убедить молодых людей в приоритете реального мира достаточно сложно. Новые возможности позволяют им не только создавать новое социокультурное пространство, но и оказывать влияние на традиционные формы социального взаимодействия. Преподаватели идут за ними в социальные сети, банки играют с ними в компьютерные игры-квесты, магазины стремятся в их смартфоны через мобильные приложения, и

даже работодатели ищут талантливых миллениалов на виртуальных площадках репрезентации.

На социальной арене появился новый актер, игрок. Он громко заявляет о своих претензиях на ресурсы современного общества по праву рождения, категорично отказывается проявлять лояльность знаниям и опыту старших поколений, и он играет. Он меняет цели, роли, правила. Он самостоятельно конструирует и переконструирует свои социальные контексты. Он мастер малых форм, стремительных спринтов, ярко гаснущих на фоне последующих достижений результатов. Он настораживает социальных аборигенов своим близким горизонтом: срок постановки цели максимум один год; прагматичностью ориентиров и достижений, которые определяются на основе бюджета потребностей; отсутствием однозначных ответов даже на простые вопросы – выбор делается спонтанно, вынужденно, без принятия ответственности за него. Он хочет получать удовольствие и радоваться, учиться только за диплом и работать только за зарплату ему не интересно. Это новый игрок на социальном поле и его социальные практики обусловлены его габитусом неопределенности, хаотичности, подчеркнутым интересом к собственной персоне.

Игра – это источник и тренажер социальных компетенций. В социальных практиках молодежи она является фактором образования солидарности, новых социальных групп. Самые популярные игры, которые объединяют людей, это сетевые компьютерные игры. В этих общностях субъект актуализируется через свойства своего игрового персонажа и в целях продвижения в игре вступает во взаимодействие с другими игроками, которое часто продолжается на тематических форумах и иногда развивается в реальной жизни. Компьютерная игра имеет априорную логику и механизмы развития, свобода игрока ограничена в ней внешними правилами. Мир компьютерной игры более яркий и, как правило, построен на мотивах героических эпосов. Она привлекает своей структурированностью, прозрачностью, возможностью быстрого достижения результата. Игровое и постигровое взаимодействие создает ощущение совместного творческого конструирования мира, значимого социального потенциала собственной личности, способствует развитию навыков стратегического мышления, совместной деятельности и других социальных компетенций. В настоящее время наиболее активно развиваются сетевые компьютерные игры. Они позволяют устанавливать контакты с представителями других стран-культур, формируют навыки командной работы, проактивное отношение к социальному пространству. Любая игра имеет стремление захватить всю жизнь игрока, формируя неадекватное восприятие

реальности и деструктивное поведение. Компьютерная игра является одной из наиболее агрессивных форм поглощения реальной жизни, потому что обладает инструментами создания наиболее реалистичного симулякра и подмены им реальности. Растворение личности в игре, неспособность различить игру и реальность могут привести к различным формам проявления девиантного поведения.

Реконструкторские игры и квесты в реальном пространстве также являются активным фактором конструирования новых социальных групп. Стоит отметить, что местом рекрутинга новых игроков, как правило, является Интернет. Темами данного вида игр обычно становятся исторические события, героические эпосы, испытание себя, преодоление страхов, различные головоломки. Эти игры позволяют на время замедлить скорость реальности, ощутить причастность к великим событиям или эпохам, помочь кому-либо или спасти группу, решив сложную задачу. Игрок стремится развить свое Я и повысить статус, совершая символические подвиги и приобретая игровые очки. Так же как в компьютерной игре субъект примеряет на себя различные роли, пробует новые способы деятельности. Отличие от компьютерной игры состоит в том, что здесь игровое пространство и игровые роли поддерживаются посредством реальных материальных объектов. Эти виды игры требуют большего напряжения воображения, чем игры, поддерживаемые компьютерными технологиями, обеспечивая большую личностную вовлеченность. Источником ассоциации в данных играх выступает общность интересов, участники являются условием и средством игры, без них она невозможна. Группа представляется как основание и результат игры. Эти игры развивают познавательные и аналитические навыки, социальные компетенции.

Игра в социальном взаимодействии выступает как средство конструирования определенности. В ситуации неясности ориентиров действия, неясности социальных связей игровой подход позволяет сформулировать правила, которые фиксируют и стабилизируют социальное пространство в некоторый момент времени. Игра как серфинг. Она «пристегнута» к человеку – существует только там, где есть человек. Она обеспечивает пространство устойчивости и маневра. Она помогает преодолевать стихийные неуправляемые процессы, требуя от игрока абсолютной вовлеченности и напряжения сил.

Игра помогает попробовать, отрепетировать незнакомое в относительно безопасном пространстве. Возникновение новых социальных практик и явлений в настоящее время требует быстрой реакции социума в виде конструирования адекватных структур и правил взаимодействия относительно инноваций. Игровой, краткосрочный, прагматичный подход молодых людей к

этим новшествам делает их первооткрывателями в их освоении и увеличивает префигуративный компонент нашей культуры. Они не создают на века ни работу, ни отношения. Они вместе разыгрывают партию, конструируют пространство, цель которого – хорошо здесь и сейчас. Достижение или не достижение этой цели ведет к одинаковому результату – созданию новой игры. Игру можно рассмотреть, как вариант «фрагментарной» социальности, о которой писал социолог З. Бауман [4]. Она создается для достижения некоторой цели группой индивидов, функционирует по определенным правилам, не распространяет свое действие на другие социальные контакты участников и прекращает свое существование по мере решения поставленных задач.

В условиях дефицита ресурсов и быстрой смены актуального знания игра замещает символический капитал и выступает как габитус, который обуславливает социальные практики. Игровой задор, свобода творчества, переформатирование старых правил взрывают поля привычных социальных практик и создают новые социальные пространства, где основной частью капитала владеют представители молодого поколения. Ярким примером этого являются разного рода стартапы, захватывающие традиционный рынок, стимулирующие его искать новые пути развития и взаимодействия с инновациями. Молодые люди меняют отношение общества к труду, на смену подвигу и жертве приходит организация рабочей деятельности как увлекательного творческого процесса в комфортных условиях. Они хотят получать удовольствие от работы.

Процесс самоидентификации молодого человека в современном обществе носит характер игровой истории. Эта тенденция поддерживается многими коммерческими компаниями, они геймифицируют процесс приобретения их товаров и услуг, заинтересовывают и привязывают к себе клиентов. Игровая история идентификации формулируется и развивается вокруг целей и символических объектов, которыми обладает субъект. Смена контекста, целей или интересов влечет за собой переформатирование идентичности, создание новой истории. Эта игра требует от участника владения игровыми предметами или действиями, чтобы в нужный момент продемонстрировать посвященным свои роль и статус. Субъекты с низким культурным уровнем и творческим потенциалом, как правило, прибегают к манипулированию символическими предметами (телефон, одежда, украшения) для конструирования и демонстрации своей идентичности. Обладатели более высокого социального и культурного капитала стремятся усложнить символический код своей идентичности через лексикон, определенные социальные действия и другие нематериальные символы.

Игра – это форма социального действия, ее содержание зависит от контекста, целей и индивидуальных характеристик субъектов игры. Самостоятельная творческая игра – сложное искусство. Источником и единственным основанием игры является воображение игрока, его интерес, внимание, умение балансировать и сочетать игру с реальными социальными фактами. Эти качества субъекта придают игре свойства «ликвидности» и «антихрупкости», которые позволяют не только закрепиться в этом мире, но и развиваться, усложняя свою природу и природу играющих. Игра – это ликвидный паттерн взаимодействия в социокультурном пространстве, она способна изменять свою форму, содержание, динамику, контуры и ориентиры под влиянием хаотичных социальных процессов и непредсказуемых рисков.

Роль игры в социальном пространстве не исчерпывается позитивными функциями творчества, развития, интенсификации социального взаимодействия. Задача игры в нестабильном социокультурном пространстве сохранить себя и своего игрока. Эта задача не всегда соотносится с этическими и моральными нормами. Латентными функциями игры могут быть дифференциация общества, манипулирование, подмена реальности симулякрами.

Способность, умение играть является важным компонентом символического капитала в современном обществе. Игра повышает потенциал субъекта в адаптации, освоении и конструировании социального пространства. Игра требует от человека полной вовлеченности, напряжения интеллектуальных, творческих и эмоциональных сил. Возможность игры должна обеспечиваться безопасным поддерживающим пространством. Игра – это ресурс, который оказался доступен не всем членам общества. Она, как и образование, стала основой дифференциации социума. Она воспроизводит социальное неравенство. Недосток витальных ресурсов и отсутствие безопасного пространства лишает многих людей доступа к игре, тем самым снижая их способности к адаптации и самореализации в обществе. Уже упоминалось, что игра является естественной и основной деятельностью в период детства. В то же время в современном мире значительная часть детей не имеет свободного доступа к игре. Это не только дети из неблагополучных в социальном и экономическом отношении стран. Европейские и американские исследователи отмечают сложности доступа к игре детей из низших и средних социальных классов США и Европы [5]. Эти тенденции присутствуют и в нашей стране. Основная часть населения, озабоченная потребностями выживания, испытывает страх относительно будущего своих детей и не оставляет место для игры в их жизни, замещая ее ранним развитием, учебной,

подготовкой к трудностям взрослой жизни. Игра изгоняется из программ детских садов и школ. Родители и педагоги хотят для детей серьезной тренировки. Игра вымещается из сферы детства. Как в Средневековье дети становятся маленькими взрослыми. Отказываясь от детской игры, видя в ней только пустую трату времени, общество теряет уникальные ресурсы для своего развития.

В то же время доля игровых форматов в сфере образования, развития, управления для людей, обладающих высоким социальным статусом, различными видами капиталов (и их детей) значительно выросла за последние годы. В сфере бизнес-образования активно применяются игры, способствующие развитию творческих, аналитических и социальных компетенций. Игра организуется для поддержки творческой среды проектных команд. Особую популярность в последние годы приобретает геймификация рабочих процессов, приносящая в них дополнительные смыслы и ценности, усиливающая искреннюю вовлеченность и интенсивность деятельности сотрудников. Доступ к игре становится ресурсом, его обладатели развивают в себе навыки и компетенции, которые еще более увеличивают их отрыв от других членов общества. Эти тенденции демонстрируют неравный доступ к игре по критериям возраста и статуса.

В рамках проблемы неравномерного распространения игры в социокультурном пространстве ярко выделяется тенденция видового распределения. Наиболее активные и плодотворные виды игры требуют привлечения интеллектуальных, творческих ресурсов, относительной свободы и безопасного пространства, поэтому они оказываются доступными только представителям определенных социальных групп. Вытесненная из сферы детства низших и средних классов игра сохраняется у взрослых членов этих групп. Как правило, это не собственно игра, источником которой являются ее игроки, а игровой продукт. Он создается и поддерживается кем-то извне для достижения своих целей. Здесь основной функцией игры становится не развитие, поиск и создание нового, а служебная задача заполнения свободного времени. В худших случаях такая игра становится формой эскапизма, бегства от реальности, что еще более снижает адаптивный потенциал социального субъекта. В таких играх «приглашенные» со стороны игроки исполняют роль объектов или статистов, оказываясь в подчиненном состоянии по отношению к «хозяину» игры. Эти игры не предполагают свободы и творчества в их истинном значении, они способствуют застыванию или даже ухудшению положения своих игроков.

Игровые процессы и формы привлекательны и очаровывают людей. Игра часто используется как способ манипулирования поведением, которому наиболее подвержены молодые люди. Отсутствие привычки к самостоятельной свободной игре способствует появлению иллюзии свободного выбора, который подменяется выбором из ассортимента. Таким образом, поведение игрока изначально ограничено рамками, о которых он не осведомлен. Формат игры позволяет подменять цели и ценности, управлять действиями игроков в интересах автора игры. Ограничения в удовлетворении социально-психологических потребностей, неразвитые социальные навыки способствуют подмене реального мира игрой. Угрозам игры подвержены люди, которые не умеют играть сами, считают ее пустым занятием. Эта простота и пустяшность обманом вовлекают их и превращают в объекты чужой игры, лишая самостоятельности и осознанности в принятии решений.

Игра становится одним из языков социума, языком подвижности, открытости и развития. Это уникальный инструмент, он мотивирует и оживляет молодежь. Игра способствует развитию навыков и компетенций, актуальных в обществе риска и неопределенности. У людей есть естественная предрасположенность к игре, задача общества поддерживать и обеспечивать ее, не снижать статус игры в рейтинге других занятий молодежи. Тогда игра как тонкий инструмент креативности, организации и управления социальными процессами станет восполняемым ресурсом развития общества.

Литература

1. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука – Аттикус, 2012.
2. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3.
3. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и Н. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya>.
4. Бауман З. Текучая современность. Спб.: Питер, 2008.
5. Браун С., Воган К. Игра. Как она влияет на наше воображение, мозг и здоровье. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2015.

ГЛАВА 4

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

4.1. МОЛОДЕЖНАЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЛИЯНИЕ СТЕРЕОТИПОВ НА ОЖИДАНИЯ ВОЛОНТЕРОВ

Представлены некоторые результаты двух социологических исследований¹, посвященных выявлению особенностей мотивации студентов к участию в добровольческой деятельности и их ожиданий от этого вида общественной деятельности. Рассмотрены источники информации и интерес к волонтерству, цели и мотивация волонтеров, формы поддержки добровольческой деятельности, влияние общественных стереотипов на ожидания волонтеров

Ключевые слова: волонтер, волонтерская деятельность, мотивация к участию в добровольческой деятельности, стереотипы о волонтерстве.

На сегодняшний день волонтерство становится одним из основных видов общественной деятельности у молодежи по всему миру. В России же практики добровольчества лишь на стадии развития и популяризации. На этом этапе возникает потребность в изучении эффективности волонтерской деятельности, рассмотрении направлений ее развития. Для этого необходимо изучать не только сегмент нуждающихся в помощи, но и самих волонтеров. На основе проведенных исследований можно проанализировать опыт участия молодежи в различных проектах волонтерской деятельности, выявить как сильные, так и слабые стороны подготовки будущих и действующих волонтеров.

Зачастую, человек, готовый стать волонтером, готов лишь на уровне желания и не имеет ни организационной, ни психологической, ни физической

---

¹ 1) Социологическое исследование, посвященное выявлению особенностей мотивации студентов к участию в добровольческой деятельности (2017). Метод сбора информации – стандартизированное интервью. В исследовании приняли участие 200 студентов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (100 человек, имеющих опыт участия в волонтерской/благотворительной деятельности, 100 человек – никогда не принимавших участия в волонтерской/благотворительной деятельности). 2) Социологическое исследование на тему выявления ожиданий волонтеров (2018). Метод сбора информации – полуструктурированное интервью. Опрошено 20 человек, занимающихся волонтерской деятельностью, в возрасте от 18 до 25 лет.

подготовки. По этой причине некоторые волонтерские организации уже начали вводить в одну из составляющих своей деятельности подготовку и обучение новичков. Это является одним из механизмов улучшения эффективности работы организации. Обучение волонтеров, как и любая другая подготовка, включает в себя теоретические знания, правила, нормы, основанные на прошлом опыте. Такой опыт содержит как положительные моменты (правила поведения, удовлетворенность, вознаграждение и пр.), так и отрицательный (неграмотное распределение времени или ресурсов, несоответствие ожиданиям и пр.). Последнее особенно важно изучать для разрушения стереотипов молодых людей о волонтерстве до начала работы, чтобы сделать ее более эффективной.

Волонтерская деятельность в вузовской среде достаточно разнообразна, но наиболее востребованным по временным характеристикам со стороны самих студентов-волонтеров сегодня, как и во многих зарубежных вузах оказывается проектная волонтерская работа, реализуемая время от времени и не предполагающая ее высокую регулярность. Мотивация российских студентов-волонтеров также, как и у большинства молодых волонтеров в мире включает в себя как альтруистические, так и эгоистические мотивы [1].

Важно также отметить, что включение студента в добровольческую (волонтерскую) деятельность является одной из форм вузовской профессиональной подготовки, а также средством формирования социальной ответственности [2].

Проведенные социологические исследования позволили выявить цели, которые волонтеры преследовали, когда начинали заниматься добровольческой деятельностью, ожидания волонтеров от добровольческой деятельности, сравнить ожидания волонтеров и их опыт, оценить степень подверженности волонтеров стереотипам о волонтерской деятельности.

Источники информации и интерес к волонтерству

Одной из проблем низкой популярности волонтерства является недостаточное информирование населения как о добровольчестве в целом, так и о его видах, действующих организациях и об актуальной информации. Результаты исследования показали, что чаще всего о волонтерстве узнают либо в университете, либо еще со школьных времен. Это относится и к учебной программе, и к внеучебной деятельности:

Предложили поучаствовать в проведении олимпиад от университета (муж., 21 год);

В первый раз узнала о волонтерстве в 10 классе, когда на Свечу памяти администрация города искала ребят, готовых помочь с организацией мероприятия (жен., 22 года).

Некоторая часть молодых людей узнавала о добровольчестве во время посещения разнообразных лекций, тренингов, мастер-классов, где так или иначе затрагивалась тема волонтерства. Можно предположить, что это связано с тем, что именно в школьном и студенческом возрасте интересно что-то новое, необычное, и внимание фокусируется именно на том, что человек еще не пробовал.

Реже всего, в роли информатора выступали социальные сети и Интернет в целом: всего несколько человек назвали их как источники первичной информации. Таким образом, личные встречи, беседы с представителями и членами волонтерских организаций, лекции, тренинги, мастер-классы являются более информативными и именно таким способом информирования необходимо уделять особое внимание при знакомстве молодежи с основами и практиками добровольческого труда.

В вопросе заинтересованности волонтерской деятельностью добровольцы разделились на две группы. Представители первой группы заинтересовались волонтерством сразу же, как услышали об этом: стали спрашивать у друзей и родных, куда можно обратиться, чтобы принять участие в добровольческой деятельности. По словам волонтеров из второй группы, им понадобилось время, чтобы разобраться в деталях волонтерства, его направлениях, т.е. они подошли к этому более осознанно, изучив основы и практики деятельности в теории. Такой подход не является намного продуктивнее первого, поскольку первая группа получает необходимые знания в процессе работы, т.к. они сразу же направляют свой интерес на практику, а вторая группа – на теорию, основы. Один из волонтеров отметил, что поначалу его интерес был не особенно сильным, поскольку на тот момент не было острой потребности в таком виде общественной деятельности. Однако, как только появилась возможность поработать с интересными для него людьми, обзавестись связями и помочь в организации мероприятий, он воспользовался таким шансом:

Появились возможности поучаствовать волонтерам в нескольких проектах на Рождественской стороне, чем и воспользовался (муж., 24 года).

Молодые люди по-разному оценивают начало своего участия в волонтерской деятельности и продолжительность этого участия. Кто-то начал «волонтерить», как только поступил учиться в университет, у кого-то эта деятельность продолжается со школы, а часть волонтеров и вовсе не помнят, с

чего все началось, что их к этому привело, но указывают, что опыт участия у них уже более трех лет. Часть опрошенной группы были волонтерами лишь некоторый промежуток времени: кто-то занимался этим две недели, кто-то потратил больше времени – около полутора лет:

Была волонтером на фестивале на Горе-море (Горьковское водохранилище – прим. авторов), недели две, наверное, по времени (жен., 23 года).

Четвертый год работаю, а что привело – уже не помню, если честно (жен., 19 лет).

По большей части, те, кто единожды попробовал себя в качестве волонтера или занимался этим какое-то время, но прекратил – участвовали в проектах и фестивалях, где не предусмотрена постоянная занятость, если только не выдается шанс стать одним из организаторов мероприятия. Но для этого, как правило, необходимо либо проявить себя в деле в первый год участия, либо помогать постоянно. Как правило, те волонтеры, которые хотят развиваться в данной сфере, расти по внутренней «карьерной» лестнице, они ставят себе подобную цель и действуют в ее рамках.

Цели и мотивация волонтеров

Важным аспектом в изучении волонтерской деятельности является выявление целей, которые преследуют молодые люди, начинающие заниматься добровольчеством. Исследователями отмечается, что волонтеры – это не только альтруисты, они работают ради приобретения опыта, специальных навыков и знаний, установления личных контактов. Часто добровольческая деятельность – это путь к оплачиваемой работе, возможность попробовать себя в разных сферах деятельности [3]. Результаты проведенного социологического исследования показали, что среди факторов, которые могут быть решающими при принятии решения стать волонтером, студенты чаще называли личное отношение к какой-либо проблеме и возникающим, впоследствии, желанием помогать людям (табл. 1). Такую позицию выбрали 81% юношей и девушек. Вторым по значимости фактором выступает желание быть просто полезным (58%). Более половины принявших участие в опросе студентов (53%) хотят улучшить жизнь в доме, районе, городе или стране. Можно предположить, что те, кто лично столкнулся когда-либо с необходимостью просить помощи окружающих, в дальнейшем стараются так же помогать и другим. То есть, основные мотивы к занятию добровольческой деятельностью направлены на безвозмездное оказание помощи.

Основными мотивами участия в волонтерской деятельности, по мнению участников опроса, стали получение морального удовлетворения от того, что сделали полезное и доброе дело (39%) и возможность общения с единомышленниками во время работы и после нее (36%).

Корыстные побуждения, личная выгода (организация собственного досуга, материальное вознаграждение, желание приобрести полезные контакты и связи с влиятельными людьми, улучшение собственного имиджа и престиж), следование модным тенденциям оказались для молодых людей не столь значимыми.

Т а б л и ц а 1

Факторы, повлиявшие на решение стать волонтером, %

Фактор	%	Фактор	%
Личное отношение к проблеме	81	Организация своего досуга	19
Желание быть полезным, помогать другим людям	58	Материальное вознаграждение	11
Желание улучшить жизнь в доме, районе, городе, стране	53	Желание приобрести полезные контакты и связи с влиятельными людьми	11
Личное удовлетворение от благотворительного поступка	39	Улучшение своего имиджа, престиж	8
Возможность общения, дружеского взаимодействия с единомышленниками	36	Нематериальное вознаграждение	6
Получение необходимого опыта	28	Мода	6
Желание улучшить жизнь конкретного человека	25	Семейные традиции	6
Реализация творческого потенциала	22	Религиозные мотивы	6

Следование семейным или религиозным традициям помощи нуждающимся студенты также не считают весомой причиной для занятия волонтерством. Возможно, такое мнение связано с тем, что изменилось отношение к волонтерству с советских времен, когда это влияло на статус семьи в обществе, было признаком хорошего воспитания. Сейчас же семейные нормы не так сильно подвержены подобным установкам и поэтому человек волен выбирать, заниматься ему чем-то социально-значимым или нет.

Тем не менее, личная значимость осуществляемой деятельности играет важную роль в добровольчестве. Так, 47% студентов выразили уверенность в том, что работая волонтером на крупных мероприятиях, можно приобрести

полезные контакты и связи с влиятельными людьми. Примерно столько же считают, что благотворительность является одним из способов повышения социального статуса (44%). Отметим, что четверть опрошенных иногда принимают участие в благотворительном сборе средств на лечение, а 14% вносили пожертвования хотя бы один раз в своей жизни, что, безусловно, является значимыми мероприятиями, но никак не крупными.

Менее половины студентов (42%) считают, что желание безвозмездно помогать другим людям – признак хорошего воспитания. Вероятно, что в их семьях нередко затрагивали эту тему. Подавляющее большинство молодых людей (92%) уверены в том, что участие в благотворительной деятельности доступно всем без исключения, а не только состоятельным людям, что соответствует классическому понятию «добровольчество».

Проведенное исследование позволило выявить факторы, влияющие на повышение интереса молодежи к волонтерской деятельности. На первой позиции рейтинга находится появление новых проектов, совпадающих с интересами и целями потенциальных волонтеров. Они готовы вкладываться и тратить гораздо больше времени на то, что вызывает у них желание попробовать себя именно в таких проектах. Вторым фактором повышения интереса студенты называют улучшение условий работы на объекте или в волонтерском коллективе. Можно предположить, что не весь их волонтерский опыт был комфортным во время работы. Остальные факторы разделили третье и четвертое место: самореализация; посещение тренингов, форумов, встреч, на которых будет рассказываться об особенностях деятельности; желание помогать нуждающимся; приятная компания, коллектив, в котором предстоит работать. Что касается материального и нематериального поощрения – студенты не считают их достаточно сильными мотивами, по сравнению с наличием интересных проектов.

Стоит отметить, что говоря о мотивах, повышающих интерес к волонтерской деятельности, молодежь практически не указывает на наличие свободного времени. Однако дефицит времени для них – весомая причина прекратить заниматься волонтерством. Практически половина действующих волонтеров указало ее как один из факторов прекращения благотворительной деятельности.

Уменьшение интереса к какому-то благотворительному проекту или волонтерству в целом – еще одна причина, по которой добровольцы могут забросить деятельность. Но, выявив основной фактор повышения интереса молодежи к волонтерской деятельности, можно предположить, что такое решение, скорее всего, будет временным, до появления новых, интересных

проектов. Важной причиной приостановления занятия добровольчеством студенты называют физическую или моральную/психологическую усталость. Среди добровольцев есть и такие, кто уверен, что не оставит волонтерство ни при каких обстоятельствах.

Отношение к волонтерской деятельности действующих добровольцев во многом схоже с отношением тех, кто никогда не занимался этим видом общественной деятельности. Возможно, некоторые студенты могли бы пополнить ряды добровольцев, если бы были достаточно информированы о волонтерской деятельности, ее особенностях, целях и задачах (рис. 1).

Рис. 1. Причины неучастия в добровольческой деятельности

Ведущую роль в развитии студенческого добровольчества играют вузовские волонтерские организации. Одними из популярных направлений волонтерства являются организация студентами культурно-массовых мероприятий, выездов в детские дома и дома престарелых. Мнения студентов о значимости такой деятельности разделились: треть опрошенных считает, что мероприятия такого рода не основное направление в развитии благотворительности в университете, столько же выразили противоположную точку зрения. Тем не менее, на сегодняшний день организация мероприятий в детских домах или домах престарелых стали ведущим направлением деятельности волонтерских объединений в вузах.

Формы поддержки добровольческой деятельности

По своей сути, добровольчество не предполагает вознаграждение за проделанную работу, однако некоторые организации готовы поощрять волонтеров за их труд. Различают материальное и нематериальное вознаграждение. Почти 70% студентов, участвовавших когда-либо в добровольческих мероприятиях, не получали вознаграждение за свой труд. И, как показали результаты исследования, изначально мотивация студентов к участию в волонтерской деятельности не преследовала какой-либо личной выгоды.

Рис. 2. Допустимые виды поддержки волонтеров

Несмотря на это, говоря о допустимых видах поддержки добровольческой деятельности, многие молодые люди рассчитывают на получение некоторых бонусов и привилегий: 67% считают необходимым давать волонтерам право бесплатно посещать культурно-массовые городские мероприятия, 58% хотели бы иметь плюсы при приеме на работу по результатам своего добровольческого труда. Также более трети участников опроса посчитали допустимым и материальное вознаграждение (рис. 2).

В оценке значимости вознаграждения, мнения студентов разделились: треть опрошенных считают, что материальное вознаграждение совсем не важно, однако 42% дали среднюю оценку значимости. Относительно нематериального вознаграждения студенты единодушны – большинство

поддерживает это тезис (рис. 3). Таким образом, очевидно, что большинство студентов занимаются добровольческой деятельностью без нацеленности на материальную награду, а из-за желания помочь людям, но приветствуют вознаграждение за свой труд.

Проведенные интервью с волонтерами позволили выявить сходства и различия во мнениях волонтеров на тему целей и мотивации. Основным мотивом волонтеры все также называют желание помогать нуждающимся. Однако при разговоре о личных целях, выясняется, что самыми частыми мотивами к участию в волонтерской деятельности молодые люди видели в обретении связей на будущее, личном развитии, а также приобретении необходимых навыков:

Новые знакомства, которые открывают новые перспективы. Что касается личного смысла, то это, наверное, обречение связями и получение новых навыков (муж., 24 года).

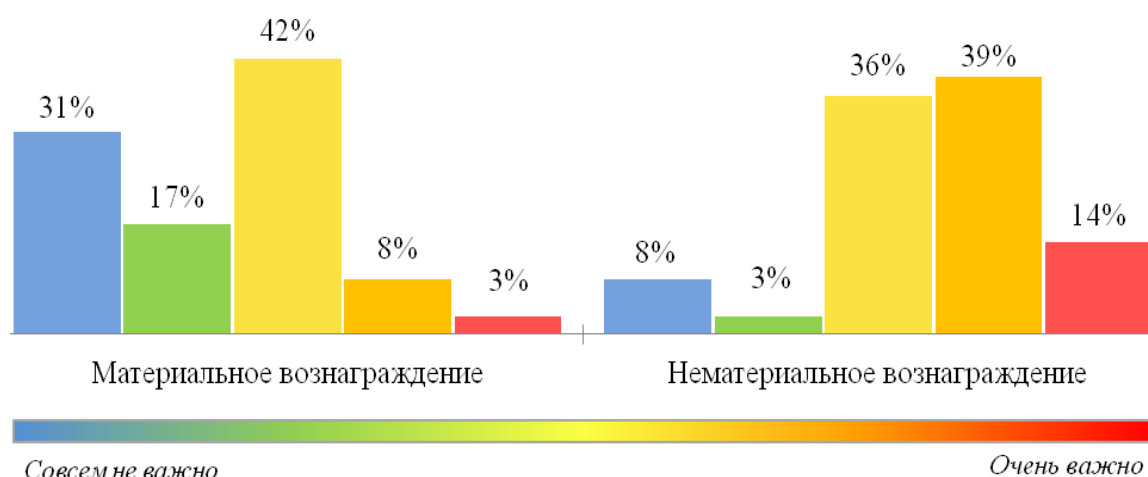

Рис. 3. Оценка значимости вознаграждения

Часть участвовавших в интервью, которые занимались волонтерством еще в школе, указали, что им ставили хорошие оценки и были какие-то бонусы помимо этого, но основным мотивом к помощи становилось желание пообщаться с одноклассниками в неформальной обстановке, даже, если это было после уроков. Некоторые становились волонтерами для изучения организации мероприятий, как это происходит, как люди взаимодействуют, приобретали опыт для организации чего-либо своего в будущем.

Таким образом, каким бы сильным ни было желание молодого человека помочь нуждающимся, он все равно преследует для себя хоть какую-то малейшую личную выгоду в этом деле:

Я выстроила важные, на мой взгляд, социальные связи, а также смогла приобщиться к деятельности высокого уровня (жен., 18 лет).

Большинство волонтеров считают, что их цели и мотивы к участию в добровольческой деятельности с дебюта и до настоящего момента существенно не изменились или не изменились совсем:

В принципе, кардинальных отличий нет. Просто при работе мыслишь немного иначе, более разумно, чем было в самом начале (жен., 18 лет).

Раньше начинал «волонтерить» для расширения круга общения, а сейчас – это стало лишь дополнением к деятельности (муж., 20 лет).

Однако некоторые говорят об изменении личного смысла волонтерства после того, как начали им заниматься. Кто-то увидел для себя возможность постоянно пробовать что-то новое, кто-то и вовсе пересмотрел свои приоритеты. Также изменились и ценности, некоторые стали толерантнее, их кругозор расширился, а цели стали масштабнее и осознаннее:

Если раньше все строилось лишь на желании помочь, то сейчас к нему прибавилось и повышение личных навыков или умений в различных видах деятельности – организаторской, творческой. Также волонтерство для меня – это большое количество контактов, как в нашем городе, так и по всей стране (муж., 21 год).

Вознаграждение или похвала – важная часть любой работы, в том числе добровольческой. Часть волонтеров были не удовлетворены отсутствием вознаграждения за их труд и поэтому решили для себя, что больше не будут помогать безвозмездно. Однако есть и такие, кто видит для себя возможность развития или отдачи в будущем, и ради этого они готовы работать без поощрений. Основной причиной, почему волонтеры считают, что даже добровольческий труд должен оплачиваться, является простое удовлетворение базовых потребностей. Скорее всего, такие люди готовы заниматься волонтерством постоянно или сделать это своим основным видом деятельности, но из-за отсутствия материальной поддержки они вынуждены менять сферу деятельности, устраиваться на работу, чтобы оплачивать себе жилье, питание и прочие бытовые нужды. Именно поэтому оплата волонтерства является для них весомым аргументом к занятию этим видом деятельности.

Влияние общественных стереотипов на ожидания волонтеров

При изучении ожиданий студентов от занятий волонтерской деятельностью важно учитывать, каким был первый опыт волонтерства и сферу волонтерского дебюта. Чаще всего люди начинают «волонтерить» в таких направлениях, как экология, организация или помощь в организации мероприятий, фестивалей, благотворительных концертов, выездов в интернаты, больницы, детские дома. Эти направления деятельности опираются на большое количество волонтеров на мероприятиях, подразумевают большой объем работы, с которым не справляется основная группа организаторов.

Говоря о своих ожиданиях от участия в волонтерской деятельности, студенты высказывали совершенно разные мнения. Некоторые молодые люди изначально настроили себя на то, что труд будет полностью бесплатным, другие высказались об отсутствии каких-либо ожиданий, но при этом упомянули, что они не отказались бы от вознаграждения:

Волонтерство – деятельность безвозмездная, на этот счет иллюзий не было с самого начала (муж., 24 года).

Я стала это делать не для того, чтобы меня похвалили или что-то подарили, хотя это приятный бонус (жен., 18 лет).

Еще одним распространенным ожиданием от волонтерской деятельности стали благодарность и уважение со стороны окружающих. Некоторые молодые люди были уверены, что волонтерство делает человека выше в глазах других, но это было заблуждением и стало разочарованием после первого опыта.

Во многом на ожидания будущих волонтеров влияют общественные стереотипы в отношении благотворительной деятельности. Фонд «Нужна помощь» вместе с добровольческим движением «Даниловцы» выявили семь распространенных стереотипов о волонтерстве [4], которые были предложены нижегородским волонтерам для оценки в ходе интервью как обычные высказывания:

1. Достаточно лишь желания помогать. Главная и единственная сила волонтера – его энтузиазм. Если есть желание помогать нуждающимся, нужно просто идти и делать это.

Практически все волонтеры согласились с этим высказыванием, связав с ним свои самые основные ожидания от добровольчества. Тем самым они показали подверженность своих взглядов одному из главных заблуждений о волонтерстве. Практика показывает, что такие волонтеры не участвовали в организации каких-либо мероприятий, поскольку именно в более серьезной работе приходит осознание, что для реализации идеи мало только желания

волонтера. Отметим, что такого мнения придерживаются по большей части представители мужского пола. В частности, их точка зрения складывается из того, что желания достаточно для какого-то «толчка» к действию, чтобы начать что-то делать.

С энтузиазма все начинается, но на нем не заканчивается. Множество задач не решишь голым энтузиазмом, хотя без него их выполнить невозможно в принципе (муж., 24 года).

В действительности, активные участники волонтерской деятельности нуждаются не просто в какой-либо помощи – им нужны люди с конкретными умениями и навыками. Для того чтобы доверить человеку какую-то работу или взять в проект, нужно точно знать, чем именно он может помочь или научить, как это делать правильно.

2. Помогать другим – легко. Для того чтобы помогать, достаточно жизненного опыта. Тот, кто ухаживает за своей старенькой бабушкой, сможет ухаживать и за другими.

Нижегородские волонтеры отмечают, что помощь человеку далеко не всегда будет легкой, и большинство указывают на необходимость психологической и моральной подготовки к волонтерской деятельности.

Конечно, нет, а как помогать людям в тяжелой клинической форме депрессии или страдающим ОКР¹? (жен., 25 лет).

Я считаю, что все-таки нужна психологическая подготовка для всех видов волонтерской деятельности (жен., 19 лет).

Волонтеры уверены, что многое в их деятельности зависит от индивидуального жизненного опыта: знаний о поведении в определенных ситуациях, оказание реально полезной помощи, а не наносящей вред. Волонтер, не прошедший подготовку, скорее нанесет вред нуждающемуся, чем окажет помощь. Именно по этой причине волонтеры в крупных организациях проходят подготовку, которая иногда продолжается несколько месяцев.

3. Волонтер сделает мир лучше. После первого выезда он почувствует, что может буквально все – накормить бездомных, вылечить болезни, остановить войны.

Волонтеры уверены, что, если у новичка сложилось такое впечатление от добровольческой деятельности, то это возможно лишь поначалу. Потом приходит осознание того, что в одиночку мир не изменить. Главное – чтобы это чувство не угасало.

---

¹ ОКР – обсессивно-компульсивное расстройство, вид психического расстройства.

Естественно, остановить войны один волонтер не сможет, но стать новой крупницей в среде людей, которые также стремятся к этому – это уже важно (жен., 19 лет).

Также волонтеры отмечали, что хорошее настроение от первого выезда может легко смениться на подавленное, когда понимаешь, что не можешь помочь каждому, кто нуждается в помощи. А чтобы помощь была эффективной, нужна слаженная работа большой команды волонтеров, а не одиночки-энтузиаста.

4. Волонтер будет чувствовать много добра от окружающих. Знакомые будут с восхищением слушать истории о деятельности волонтера, а родители начнут им гордиться.

Это высказывание вызвало много отрицательных эмоций и недоумения у волонтеров. К сожалению, волонтеры не испытывают на себе повышенное проявление доброты со стороны окружающих. Некоторые знакомые волонтеров не понимают, как можно отдавать время и силы бесплатно, считают их «недалекими» и наивными. Родственники волонтеров уверены, что волонтерство – труд бесполезный, что ресурсы тратятся зря, что количество нуждающихся бесчисленно и волонтерская помощь ничего не изменит. Конечно, некоторые друзья волонтеров восхищаются ими, а родители гордятся, но непонимающих все-таки больше.

Добро от окружающих – это такая же сказка, как и средняя зарплата врача в 50 тысяч рублей (муж., 21 год).

Нет, какого-то особого отношения к волонтерам я не замечал. Историй у волонтера действительно найдется множество. Но не все они интересные и добрые (муж., 21 год).

Что касается отношения семьи и друзей к волонтерской деятельности их родных и близких – большинство либо одобряли выбор молодежи, либо относились к этому нейтрально. Некоторые родители меняли свою точку зрения по мере того, как их сын или дочь начали все серьезнее посвящать себя добровольчеству. Некоторые волонтеры придерживаются мнения, что отношение окружающих к их занятости зависит от сферы деятельности, в которой волонтер реализует свои знания, навыки и возможности, и от мировоззрения знакомых и родных.

Учитывая текущий хайп и навязчивость волонтерства – знакомые могут скептически вздохнуть и отмахнуться, в очередной раз услышав об этом (муж., 24 года).

Точка зрения волонтеров в этом случае верна, т.к. безвозмездная помощь может изменить взгляды на жизнь, приоритеты, ценности, круг общения. Волонтер всегда должен быть готов к тому, что нуждающиеся, с которыми он работает, не всегда будут благодарить за работу. Причины могут быть различными, но чаще всего теплой отдачи может не быть, чаще это случается из-за тяжелого характера подопечных.

5. Можно остановиться в любой момент. Волонтер потому так и называется, что может закончить работу в любой момент. Его ничто и никто не связывает.

Этот тезис является вторым по популярности среди стереотипов, которые повлияли на ожидания потенциальных волонтеров. Однако уже после первого участия в оказании помощи их мнение изменилось в противоположную сторону, т.к. волонтерская деятельность для многих молодых людей становится образом жизни. Часть волонтеров согласилась с высказыванием лишь частично. Для них это больше вопрос совести, поэтому они не рассматривают такой вариант как прекращение такого рода деятельности совсем. Они готовы лишь на время сделать перерыв или принимать участие не во всех проектах, в зависимости от внешних обстоятельств или причин личного характера.

Остановиться нельзя. Если ты волонтер – то это навсегда, при любых обстоятельствах, с любым человеком, если ты можешь, ты хочешь ему помочь (жен., 18 лет).

Могу дать себе перерыв в практиках, но навсегда забросить не могу (жен., 19 лет).

Тем не менее, есть небольшая часть волонтеров, чье мнение отличается от предыдущих. Они полагают, что не всегда волонтер хочет продолжать деятельность, иногда у него гаснет энтузиазм, пропадает желание что-то делать или меняется цель. Они считают, что волонтер в этом плане максимально свободен и может в любой момент прекратить волонтерскую деятельность.

Практика волонтерской деятельности показывает, что нуждающимся в помощи волонтерских движений и организаций нужна долгосрочная и регулярная поддержка. Они в какой-то степени привязываются к волонтерам, и, если волонтер неожиданно бросает свою работу, то положительного результата ждать не стоит. При этом состояние нуждающегося может стать хуже, чем было изначально. С другой стороны, если доброволец не состоит в конкретной организации, а занимается, например, пожертвованиями, то он действительно может прервать или прекратить свое участие в процессе в любой момент, не подводя при этом коллег-волонтеров.

6. Настоящий волонтер способен действовать в одиночку. Зачем координировать работу добровольца, который прошел обучение и знает, как правильно помочь?

Принявшие участие в интервью нижегородские волонтеры придерживаются единого мнения: для успешной реализации любого дела нужна команда. Контроль, координация, взаимодействие – те понятия, которыми руководствуются волонтеры. Они уверены, что невозможно работать в одиночку, даже, если пройти обучение или иметь многолетний опыт работы. Конечно, существуют волонтеры, которые много знают, могут выполнять работу, для которой обычно требуется целая команда, и справляются с любой задачей в одиночку. Но реальные практики показывают, что не все так однозначно, и такая деятельность возможна только на некоторых направлениях (например, сиделки).

Разум подсказывает, что идеального волонтера быть не может. Неконтролируемое делегирование – плохое делегирование. Координация необходима всегда, даже если работу выполняют оплачиваемые работники, не говоря о добровольцах (муж., 24 года).

Работа в команде, грамотная координация действий волонтеров, по их убеждению, может привести к лучшим результатам и большей эффективности (например, поиск пропавших людей, сбор средств, благоустройство территорий, тушение пожаров). Волонтер, действующий в одиночку, с высокой вероятностью, не сможет попасть в больницу, детский дом или дом престарелых, какими бы добрыми ни были его намерения. Координаторы волонтерских групп выстраивают отношения с персоналом этих учреждений, и иногда на это могут уйти месяцы.

7. Деньги – не главное. Волонтеры трудятся бесплатно, деньги волонтерским организациям не нужны.

Необходимость в материальной поддержке волонтеров – самая частая тема для дискуссий и, как правило, заблуждений. Стереотипу, что добровольческим организациям не нужны деньги, подвержена лишь малая часть действующих волонтеров. Большинство же единогласно придерживается мнения, что без материальной поддержки не сможет существовать ни одна волонтерская организация. Причем материальная поддержка нужна не самим волонтерам – они работают безвозмездно, деньги нужны организациям на рекламу деятельности, конкретных проектов, содержание помещений, специальное оборудование (например, при поиске пропавших людей) и т.д.

Деньги нужны, безусловно. Взять, к примеру, волонтеров в приюте для животных. Нужны ведь деньги и на содержание, и на лекарства, и прочие вещи для животных, без которых не обойтись (жен., 22 года).

Волонтеры уверены, что основать волонтерскую организацию без финансовых затрат не получится: необходимо оплатить обучение координаторов, которые будут работать на постоянной основе, разработать сайт и поддерживать его, содержать собственный транспорт или оплачивать арендованный, оплачивать аренду помещения.

Таким образом, говоря о том, оправдались ли ожидания молодых людей после первого опыта работы, волонтеры указали на сложность выполняемых действий – все оказалось куда тяжелее и серьезнее, чем они себе представляли. Только в процессе работы молодые люди осознали ее важность и поняли, что для достижения результата некоторые практики нужно совершать регулярно, непрерывно и в течение длительного времени (помощь семьям с детьми с ДЦП, организация досуга слабовидящих, уборка мусора).

Специальная подготовка и активность

Принадлежность волонтера к какой-либо волонтерской группе, отряду или организации не является показателем серьезного отношения к делу. Более половины волонтеров-участников опроса никогда не состояли в таких сообществах. Остальные добровольцы чаще всего являются членами волонтерских секторов студенческих советов на своих факультетах и Студенческих педагогических отрядах университета. Некоторые вышли за рамки образовательного учреждения и состоят в Нижегородской службе добровольцев, Молодежной общероссийской общественной организации «Российские студенческие отряды».

Обучение или подготовка – важная составляющая волонтерской деятельности. Как правило, во время обучения волонтерам рассказывают про специфику работы волонтера в конкретной сфере, про необходимые знания, умения, навыки, способы решения типичных задач, порядок действий в форс-мажорных обстоятельствах, осуществляют морально-психологическую подготовку, если предстоит сложная эмоциональная работа. С тем, что волонтеров необходимо готовить перед началом работы, не согласна лишь малая часть волонтеров, принявших участие в опросе. По их мнению, все необходимые знания и навыки придут с опытом, стоит лишь начать что-то делать. Большинство же добровольцев считают, что необходимость обучения зависит от сферы, в которой волонтер будет работать:

Я думаю, на более серьезные занятия, связанные с ответственностью за чужую жизнь, нужно обучение (жен., 19 лет).

Такая точка зрения большинства может быть связана с тем, что менее трети волонтеров, принявших участие в исследовании, проходили подготовку перед началом работы. У некоторых обучение состояло в простом разговоре, рассказах об опыте прошлых лет; кто-то проходил более серьезную подготовку и даже заканчивал курсы:

Проходила специализированные курсы по уходу за инвалидами (жен., 18 лет).

Уровень и форма подготовки во многом зависит от организации, в которой планирует трудиться волонтер. Как правило, студенческие отряды и сектора студенческих советов проводят собрания перед самим мероприятием, чтобы настроить волонтеров на нужный лад и обсудить организационные моменты. Более крупные организации проводят обучение в виде лекций, которые могут длиться несколько часов; отработки практики на коллегаволонтерах – выстраивание диалога, выработка реакции. Кроме того, степень подготовки зависит от специфики самого мероприятия:

Нам раздавали инструкции, каждое утро было собрание, где говорили косяки прошлого дня и на что обратить внимание сегодня. Обговаривались сегодняшние события, виды состязаний и примерное количество болельщиков. Напоминали, кто, где стоит, к какому сектору относится. На крупных событиях типа олимпиады – без этого никуда (муж., 25 лет).

Часть волонтеров, не проходивших подготовку, читали информацию в Интернете самостоятельно. Некоторые даже указали, что им есть, что рассказать новичкам, если это будет необходимо. Уверенность в своей подготовленности может быть вызвана достаточным опытом в волонтерстве, что является несомненным плюсом – такая активность действующих добровольцев способствует развитию практики обучения начинающих волонтеров.

В настоящее время нижегородские добровольцы реализуют себя в самых различных сферах. Анализ добровольческих практик показывает, что выезды к нуждающимся и личная работа с людьми являются самыми распространенными направлениями работы. Самым популярным направлением волонтерской деятельности стала организация благотворительных концертов и участие в них. Следующее по популярности – благотворительность, к которой волонтеры отнесли сбор денег, одежды, игрушек, корма для животных. Третьим по

популярности стали практики проведения досуга с людьми, имеющими какое-либо заболевание:

Читаю вслух женщине, потерявшей зрение; развлекаю как-то, гуляю с парнем с ДЦП (жен., 19 лет).

Экологические мероприятия также являются популярным направлением добровольческой деятельности: акции по раздельному сбору мусора, сдача его на переработку в специализированные центры, субботники по уборке мусора в зонах отдыха, расчистка русла рек.

Тем не менее, выявление целей волонтеров показало, что большинство добровольцев не ставят для себя помощь нуждающимся выше своих личных целей. Самыми распространенными мотивами участия в волонтерской деятельности являются новые знакомства, личное развитие и обретение полезных связей на будущее.

Ведущие мотивы добровольческой деятельности должны отвечать следующим требованиям: иметь социально значимый позитивный характер, широкую распространенность среди добровольцев, отвечать общечеловеческим ценностям, сохранять индивидуальные различия добровольцев, способствовать развитию добровольческой деятельности, реализации ее целей и задач [5].

Молодежная волонтерская деятельность не является необдуманной или спонтанной, она осознана и ориентирована на достижение конкретных целей и результатов. Дефицит времени остается главной причиной отказа от участия в волонтерстве или прекращения занятий этой деятельностью. Потенциальные волонтеры хорошо информированы о добровольчестве, некоторые начинают посещать тренинги и лекции по этой проблематике еще учась в школе.

Основным мотивом участия в волонтерской деятельности было и остается желание помогать нуждающимся. Тем не менее, исследование показало, что волонтеры могут преследовать в своей деятельности и корыстные мотивы. Наиболее распространенной целью стало желание завести полезные связи, которые пригодятся в будущем. Еще одним мотивом является общение с единомышленниками и саморазвитие: приобретение новых навыков, умение выходить за рамки «зоны комфорта».

Проведенное исследование показало, что в большинстве своем даже опытные волонтеры подвержены распространенным стереотипам. Основными являются два заблуждения. Первое говорит о том, что для становления волонтером достаточно лишь желания; немногие вспоминают о необходимости обладать навыками и умениями для успешной реализации дела. Вторым стереотипом, которому подвержены потенциальные добровольцы – волонтер

может в любой момент оставить добровольческую деятельность вне зависимости от того, чем именно он занимался.

Исследование ожиданий волонтеров может способствовать развитию волонтерского движения в России, поскольку, учитывая интересы большинства добровольцев, можно выявить недочеты в работе волонтерских организаций и в течение короткого времени устранить их. Чтобы снизить вероятность влияния стереотипов на ожидания волонтеров, необходимо популяризировать практики обучения волонтеров перед выходом на работу. Это повысит эффективность их деятельности и поможет избежать таких недоразумений в процессе работы, как моральное истощение, разочарование в волонтерстве, ожидание материального поощрения и пр. Такая подготовка также поможет уменьшить количество временных волонтеров и увеличить количество постоянных.

Литература

1. Певная М.В. Студенческое волонтерство: особенности деятельности и мотивации // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 81–88.
2. Орлова Ю.В. Добровольческая деятельность как средство формирования социальной ответственности студента // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2013. Т 5. № 4. С. 110–114.
3. Великанова Е.В. Мотивационные составляющие участников волонтерского/добровольческого движения // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 8 (112). С. 172–179.
4. Берг Е. 7 самых опасных заблуждений начинающих волонтеров URL: <https://takiedela.ru/2016/03/danilovsy>.
5. Косова У.П. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник КРАУНЦ. 2012. № 2. С. 123–127.

4.2. МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНОМ СЛУЖЕНИИ

Социальное служение религиозных организаций в России представляет собой широкое поле вовлечения молодежи – в качестве получателей социальных услуг, волонтеров, активистов социальной деятельности. Программные документы различных конфессий страны представляют системы работы с молодежью, в том числе, в рамках оказания социальных услуг. Мнения экспертов, ожидания молодежи относительно оказания социальных услуг религиозными организациями, а также изучение практики социального служения в Нижегородской области позволяют сделать выводы об участии молодежи в нем.

Ключевые слова: социальное служение, молодежь, религиозные организации, социальные услуги.

Молодежь как разнородная социальная группа представляет существенный интерес для религиозных организаций России как с точки зрения вовлечения молодых адептов в различные виды культовой и внекультовой активности, так и с позиции оказания помощи молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации.

С самого начала 1990-х гг. религиозные объединения страны выстраивают работу с молодыми людьми, базируясь на концепциях конфессионального богословия и различных способах организации работы с молодежью.

В 2010-х гг. работа с молодежью в религиозных объединениях более систематизируется, приобретает комплексный характер и выводится на публичные арены – в СМИ и социальные сети. Всероссийские религиозные объединения выпускают программные документы об организации молодежной работы.

Концепция молодежного служения РПЦ обосновывает необходимость молодежного служения в церкви, способы организации ее на уровне общецерковном, епархиальном, уровне благочиния и прихода [1; 2, с. 4]. Разработаны подробные методические рекомендации по формированию молодежного совета, актива епархии, штатной должности помощника благочинного по молодежному служению. Важным является представленное разнообразие форм работы с молодежью на приходе – «беседы и встречи с духовенством; вероучительные (катехизаторские) занятия; группы по изучению Священного Писания; миссионерские акции и поездки; социальные проекты; молодежные лагеря; Интернет-проекты; киноклубы; кружки по интересам; проекты по профилактике зависимостей; спортивные секции; военно-

патриотические клубы; клубы молодой семьи» [2, с. 20]. Вместе с развитием молодежного служения приходит осознание необходимости дальнейшего его развития, внедрения качественно новых принципов и форм [3]. Опыт РПЦ перенимают дружественные религиозные организации, например, православная церковь в Казахстане издала методическое пособие по работе и развитию православного молодежного служения на приходе, в котором предложена подробная пошаговая инструкция создания православного молодежного сообщества и православного молодежного клуба [4].

Римско-Католическая церковь в материалах XV очередной генеральной ассамблеи Синода епископов в Ватикане (2017) представляет концепцию по сопровождению молодых людей к вере и призванию в служении. Авторы определяют в качестве целевой аудитории всю молодежь без исключения и считают важной ответственную роль общины, родителей и служителей в реализации эффективной молодежной политики [5].

Российские протестантские общины достаточно давно позиционируют молодежную работу в качестве основной в социальном служении церквей. Автор «Стратегии молодежного служения», базирующейся на библейском подходе, подчеркивает необходимость активного развития этого служения, в том числе, вовлечения молодежи в дела общины, наставничества старших – из числа служителей, лидеров и просто активных прихожан, а также противопоставление мирским целям и стилям руководства [6].

Молодежная политика и взаимодействие с молодежью религиозных организаций стали предметом пристального изучения в современной российской социологии.

С.В. Алексеев оценивает роль РПЦ в формировании общественной и государственной молодежной политики России в последние 25–27 лет. Как считает автор, церковь предпринимает усилия, более всего направленные на воспитание патриотизма в среде молодежи с целью сохранения политической стабильности. Исследователь показывает, что молодежная политика РПЦ «преимущественно проявляется в культурно-досуговых мероприятиях, нежели в политической сфере» [7, с. 12].

Известный деятель и исследователь православного социального служения И.В. Астэр представляет теории и практики участия молодежи в социальном служении РПЦ. Автор статьи подчеркивает действенность управленческой структуры молодежного движения в рамках деятельности РПЦ, а также уточняет некоторые проблемы развития этого движения, в том числе, «отсутствие инфраструктуры учреждений по работе с молодежью, отвечающей ее потребностям, интересам и проблемам; разобщенность церковных структур в

организации работы с молодежью; неготовность системы диагностики и комплексного социального мониторинга состояния молодежной сферы, а также ограниченное взаимодействие с государственными структурами и общественными организациями, от которых зависит формирование и реализация молодежной политики». И.В. Астэр предполагает наиболее эффективным средством развития православной молодежи – ее вовлечение в добровольческую деятельность в лоне церкви, применение инициативы молодых людей в социальном служении [8].

Е.И. Уфимцева в исследовании особенностей воцерковления православной молодежи уточняет понятие религиозной социализации и подчеркивает важность активного участия в социальном служении для ее эффективности [9].

С.О. Елишев описывает систему работы с молодежью исламских организаций в Российской Федерации, включая в нее «мусульманские детские сады и клубы; оздоровительные лагеря; начальные, воскресные, вечерние школы (мактабы, мектебы), курсы при мечетях и местных религиозных организациях; средние (дневные и вечерние), средние профессиональные школы (медресе) и колледжи; высшее образование (как религиозного, светского, так и смешанного (сочетающего различные компоненты) типа): исламские университеты, институты и высшие медресе (дневной, вечерней, заочной форм обучения; бакалавриат); послевузовское образование: научно-исследовательские проекты; мусульманские женские клубы и организации (например, Союз мусульманок России, женский мусульманский клуб «Джамиля»); молодежные общественные организации (например, Союз студенческих землячеств Москвы), а также молодежные халяль (сферы досуга) клубы и организации» [10]. Автор также определяет насущные проблемы развития молодежной политики мусульманских организаций, характерные для всех регионов страны. В работе, посвященной институционализации общественной конфессиональной молодежной политики организаций иудаизма, С.О. Елишев подчеркивает эффективность функционирующей ее модели и делает вывод о разнообразии моделей привлечения молодежи к социокультурной активности общин [11].

Участие молодежи в социальном служении религиозных организаций можно разделить на два смысловых потока. Прежде всего, традиционными клиентами социальных услуг религиозных организаций являются молодые люди в трудной жизненной ситуации. В России с 1990-х гг. созданы и расширяют свою сеть конфессиональные реабилитационные центры для зависимых; приюты и детские дома под эгидой религиозных объединений;

центры помощи семье и детям. В этих учреждениях молодежь получает социальные услуги вместе с религиозной социализацией и вовлечением в активную социальную деятельность. Как правило, выпускники этих служб впоследствии становятся помощниками в своих же центрах. Второе направление представляют молодые верующие, которые, не являясь клиентами, хотят найти свое призвание в социальном служении. В отдельных конфессиях их активность описывается в терминах служения мирян. В целом можно говорить о реализации активной гражданской позиции в социально одобряемых формах в рамках деятельности религиозных организаций.

Наибольший вклад в изучение феномена социального служения внесли представители РГСУ, сформировавшие школу обучения социальному служению студентов вуза. С.Г. Зубанова дала определение понятию «социальное служение Русской Православной Церкви» [12, с. 11].

Т.А. Костылева в диссертационном исследовании «Социальное служение религиозных организаций» сопоставляет социальные программы и концепции разных религиозных объединений. Автор считает, что служение религиозных организаций «создает объективные возможности для полноценного осознания обществом социальных проблем секуляризованного государства». По мнению ученого, социальное служение религиозных организаций в настоящее время «принимает во внимание современные представления о социальном правовом государстве и гражданском обществе» и обосновывает тезис, что «социальное служение является одним из факторов устойчивого развития государства» [13, с. 12–15].

О.И. Антонова в диссертационной работе «Социальное служение религиозных общностей в современной России: опыт социологического исследования» представляет результаты изучения статуса религиозных общностей как субъекта-участника реализации государственной социальной политики; основных направлений партнерства религиозных общностей и государства. Вместе с тем, для светского общества и государства социальное служение – это «деятельность нерелигиозная, некультовая, но для самих религиозных общностей имеющая культовое значение, так как направлена на достижение не только земных, но и неземных целей» [14, с. 9–17].

В.Б. Устиненко представляет основное отличие социального служения от социальной работы: направленность его «за пределы данной социальной реальности и возможность использования в качестве средства воспитания последователей конфессии, а также метода проповеди вероучения» [15, с. 7]. На основе авторского исследования В.Б. Устиненко представляет типологию форм социального служения религиозных организаций: «первая – работа членов

местной религиозной организации в государственном учреждении вне штата, на безвозмездной основе в статусе физических лиц; вторая – это благотворительная деятельность, осуществляемая непосредственно религиозной организацией без образования специально для этих целей юридического лица; третья форма – благотворительные организации, учрежденные теми или иными религиозными организациями, их центральными или региональными управленческими структурами, иными конфессиональными образованиями» [15, с. 11].

В диссертационной работе Е.В. Нечипоровой «Основные идеи и практики милосердно-благотворительной деятельности христианских церквей: компаративный анализ» проводится сравнение социального служения православных, католиков и протестантов «по источникам вероучения о благотворительности; по целям благотворительной деятельности; по субъектам благотворительной деятельности; по объектам благотворительной деятельности; по основным видам (типам, формам) благотворительной деятельности» [16, с. 12].

В.В. Заболотнева посвятила диссертационную работу анализу малоизученной сферы социальной деятельности новых религиозных движений (НРД) в России (2012). По мнению исследователя, субъектами социальной деятельности новых религиозных движений в России являются и рядовые верующие, и лидеры общин. Как подчеркивает автор, в социальных программах НРД сохраняется позитивное отношение к политике властей [17, с. 15].

Результаты анализа темы молодежи в понимании религиозных социальных служб представлены автором на основе контент-анализа собранных интервью и материалов опубликованных интервью священнослужителей и работников социальных отделов религиозных организаций (N=59) в период с 2008 по 2013 гг. Продолжительность интервью составила в среднем около одного часа. В массиве данных преобладают интервью представителей христианства. Для более подробного изучения темы кроме интервью в анализ были включены материалы дискуссий и конференций. Для обработки полученных данных применен метод контент-анализа с использованием специализированного пакета Лекта. Базовый словарь составил более 38 000 слов. Объем словаря для изучения интересующей проблемы – 145 семантических цепочек. В результате было получено 18 факторов.

Два фактора отмечены высокими нагрузками на переменные, связанные с жизнью российской молодежи: социальные проблемы современной России, духовные причины социальных проблем. Фактор «Социальные проблемы

современной России» оказывается нагружен совокупностью трудных жизненных ситуаций российской молодежи.

Устрашающие масштабы приобрело злоупотребление алкоголем, в среде молодежи глубоко укоренилась наркомания. По истине, эти губительные пороки приобрели масштабы национальной катастрофы, являясь в настоящее время угрозой для сохранения генофонда россиян (мужчина, сотрудник Духовного управления мусульман РФ, Москва, 2010, интервью опубликовано в Интернете).

И потому убежден: о грехе аборта надо обязательно говорить с молодежью, воспитывая в ней отвращение к этому преступлению (мужчина, православный врач, Белгород, 2011, интервью опубликовано в Интернете).

В рамках анти-СПИД сети осуществляется координация работы для повышения ее эффективности и во избежание дублирования, а также совместная разработка направлений, представляющих общий интерес – создание информационных и образовательных ресурсов, паллиативный уход, профилактические программы для подростков и молодежи, работа с ВИЧ-инфицированными заключенными в местах лишения свободы, проекты помощи ВИЧ-инфицированным детям, обучающие семинары для студентов духовных школ, волонтеров и специалистов (женщина, сотрудник православной социальной службы, Москва, 2012, интервью опубликовано в Интернете).

Исламская мораль строго осуждает такие губительные явления, которые разрушают личность и дезорганизуют жизнь всего общества. Пьянство, наркомания, беспризорность способствуют росту преступности, выводя за рамки закона сотни тысяч молодых людей. В результате этого общество лишается наиболее трудоспособной и активной части своих граждан (мужчина, сотрудник ДУМ РФ, Москва, 2010, интервью опубликовано в Интернете).

Фактор «Духовные причины социальных проблем» демонстрируют наиболее высокие нагрузки по темам деструктивного поведения молодежи и включает в себя тексты о работе религиозных организаций по его исправлению.

Гораздо более важно предохранить от «чумы XX века» детей и молодежь, воспитать у молодого поколения нравственный, духовный иммунитет против этого недуга. А для этого необходимо объединять усилия государственных структур, Православной Церкви, общественных институтов и бизнес-сообщества (мужчина, сотрудник РПЦ, Москва, 2012, интервью опубликовано в Интернете).

Поэтому наиболее достойной заменой политической деятельности должна стать благотворительная работа, деятельность, направленная на

решение социальных проблем. Это благородная миссия, которая не только поможет решить многие общественные проблемы, но и повысит авторитет традиционного духовенства в глазах мусульманской молодежи (Мужчина, служитель РПЦ, Москва, 2012, интервью опубликовано в Интернете).

Создан и эффективно работает Совет молодежного служения (СМС) Сибири, проводятся саммиты молодежных лидеров, ежегодная Всесибирская молодежная конференция, которая осуществляется силами и на средства самой молодежи. Молодежь обновляет свое посвящение Богу, вдохновляется на краткосрочные миссии в различные регионы Сибири и России. Я радуюсь, что возрастает единство церквей и по-настоящему осознается ценность братства. Растут будущие служители для Сибири, а может быть, и России. (мужчина, служитель Российский Союз Евангельских Христиан-Баптистов, Новосибирск, 2011, интервью опубликовано в Интернете).

Социальная деятельность различных религиозных организаций обращена к молодому поколению и представляет великое разнообразие подходов, смыслов, задач и способов реализации.

В конце 2013 г. в Нижнем Новгороде было проведено авторское социологическое исследование, посвященное изучению отношения молодежи к социальному служению РПЦ (N=600). Большая часть (59%) респондентов считает, что РПЦ имеет возможность влиять на социальную ситуацию в РФ и оказывает такое влияние. Основным источником информации о социальном служении РПЦ является ближайшее социальное окружение респондентов и СМИ.

По мнению респондентов, социальную работу РПЦ характеризует направленность на духовное благо, а социальную работу государственных учреждений – система нормативных актов, закрепляющих оказание услуг. Большинство респондентов считают, что РПЦ должна заниматься борьбой с наркоманией и наркоторговлей (43%), борьбой с алкоголизмом (43%), поддержкой многодетных семей (38%), преодолением беспризорности (34%). Именно это позволяет сделать вывод: деятельность РПЦ многие молодые нижегородцы считают направленной на оказание социальной помощи молодежи, решение сложных проблем молодого поколения.

В Нижегородской епархии социальное служение является одним из приоритетных направлений и представлено следующими приходскими и епархиальными инициативами (материалы официального сайта Нижегородской епархии РПЦ): волонтерское движение «Милосердие», Христианский центр детства и родовспоможения, Православный центр глухих и слабослышащих

«Спас», Нижегородская областная организация по борьбе с алкоголизмом и наркоманией «Осознание».

Вместе с тем, важно отметить и деятельность других религиозных направлений в сфере работы с молодежью. Приход Римско-католической церкви в Нижнем Новгороде активно помогает иностранным студентам-католикам, обучающимся в разных университетах города. Нижегородский католический приход регулярно посещают 40-50 студентов из Африки, Кот'д'Ивуара, Конго, Танзании, Ганы, Кении и Нигерии; студенты из Малайзии, Индии, стран Европы.

В Нижнем Новгороде действует благотворительная организация католической церкви Каритас [18, с. 478–489]. В России Каритас реализовал широкий спектр программ: «детские центры, домашние школы, программы для реабилитации детей из неблагополучных семей и семей мигрантов, программы помощи инвалидам, включающие организацию патронажной службы на дому, создание домашних школ для детей-инвалидов, оказание психологической и материальной помощи и организации досуга» [19].

Благотворительный фонд «Еврейский центр Хэсэд «Сара» проводит культурно-просветительские программы, в том числе кружки по интересам, служба знакомств, молодежный клуб для вовлечения молодежи в деятельность еврейской общины Нижнего Новгорода.

Участие мирян в социальном служении представляется важным вопросом вовлечения молодежи в социально одобряемую активную деятельность. Многочисленные научные работы посвящены изучению мотивации религиозных волонтеров, возможности взаимодействия волонтеров из разных религиозных организаций, а также использование волонтерского труда в евангелизационных компаниях в русле прозелитизма.

С.Б. Филатов в коллективном труде «Православная церковь при новом патриархе» акцентирует внимание на призывах Патриарха к развитию приходской жизни Церкви, а также действиям по качественному расширению социальной функции приходов, вводя в штатное расписание должности социального работника, педагога-катехизатора и молодежного руководителя. В настоящее время реализуются разнообразные программы подготовки кадров для церковной работы с молодежью, социальной работы и так далее [20].

А.И. Черный полагает, что Католическая Церковь Германии смогла осуществить массовое привлечение мирян к работе на приходах благодаря существующему до сих пор церковному налогу, что делает ее весьма богатой, способной оплатить работу штатных сотрудников. Начиная с 1977 г. многие задачи возложены на дьяконов и мирян, и это воспринимается не как мера по

восполнению недостатка священников, а как изначальное право мирян участвовать в церковном труде. Интересным представляется тот факт, что для сугубо церковной диаконии привлекается множество нерелигиозных волонтеров. Зачастую молодежь без церковного опыта и воспитания считают важным приобщиться к церкви через волонтерскую деятельность [21].

По результатам контент-анализа собранных данных и материалов опубликованных интервью священнослужителей и работников социальных отделов религиозных организаций тематика участия молодежи как мирян в волонтерском служении оказалась нагружена на разные факторы, не выявляя высоких оценок ни в одном из них. Это позволяет сделать вывод о том, что работа по привлечению молодых прихожан в активную социальную деятельность нуждается в дальнейшем развитии.

Молодые люди... делают добрые дела, которые совершаются по благословению Святейшего Патриарха, по благословению Церкви, приобщаются к церковным Таинствам. Для них это способ узнать о Церкви, способ узнать о Боге. Узнать о Церкви не со стороны церковного искусства, архитектуры или знания Евангелия, а со стороны тех добрых дел, которые совершаются Церковью. Это тоже вход в Церковь, и вход для многих молодых людей более удобный (мужчина, служитель РПЦ, Москва, 2012, интервью опубликовано в Интернете).

Карьерный рост волонтера из «захожанина» через стадию «прихожанина», потом активиста и далее – штатного сотрудника из числа мирян в настоящее время в российских религиозных организациях вполне возможен, и служители считают его наиболее правильным для молодого верующего.

Нижегородские христианские общины за годы своего активного развития с начала 1990-х гг. сформировали различные системы вовлечения молодежи в социальное служение. В регионе сложилась определенная специализация церквей, работающих в большей мере с осужденными и вернувшимися из исправительных учреждений; организующих реабилитацию нарко- и алкозависимой молодежи; помогающих выпускникам интернатных учреждений; молодым мамам в трудной жизненной ситуации; молодым семьям на грани лишения родительских прав в отношении детей; приемным семьям.

В молодежной работе христианских церквей в настоящее время принято обращать внимание и предлагать различные варианты для молодежи из семей верующих родителей – их число постоянно растет, и для вновь пришедших в общины «из мира» молодых верующих. Одним из важных приемов работы является ознакомление подростков, в особенности, из верующих семей, с

разнообразием социального служения начиная с 11–12 лет. Этому способствует активность родителей в социальном служении, учителей воскресных школ, лидеров молодежного служения. Молодежь посещает одиноко проживающих пожилых верующих, помогают многодетным семьям или больным членам общины, и, приобретая опыт помощи, формируют готовность поддержки социального служения вне общины. Оказание помощи является, как правило, рутинной работой, зачастую не приносит радостных эмоций и потому вызывает трудности в процессе религиозной социализации молодежи в общинах.

Воспитание молодых лидеров из числа активной молодежи через принятие крещения во взрослом возрасте (в протестантских церквях) через обретение своего призвания в служении становится повсеместной практикой российских христианских общин. Социальное служение развивается, религиозные объединения проводят региональные и всероссийские конференции по обмену опытом, публикуются методические материалы по молодежной работе и усилению активности молодых людей в социальном служении внутри общин и вне их.

Особенным направлением служения становится привлечение молодежи из числа успешно прошедших реабилитацию в центрах по преодолению зависимости – наркомании или алкоголизма, уверовавших в учреждениях системы ФСИН – к работе с (бывшими) осужденными. Дискуссионным является баланс участия сотрудников с опытом личной реабилитации и тех, кто в жизни не пережил таких ситуаций. В каждом случае община принимает решение индивидуально.

Два потока участия молодежи в социальном служении религиозных организаций не являются совершенно автономными – молодые люди из клиентов – получателей социальных услуг переходят в разряд активистов и служителей. Происходят и обратные по смыслу ситуации: молодой человек может успеть побывать в системе оказания помощи в разных статусах на протяжении своего взросления. Религиозные общины сходятся в общем мнении о том, что привлечение молодежи к активной социальной деятельности служит практически всем заявленным целям организаций – и более широкому распространению вероучения, укоренения молодых верующих и их успешной религиозной социализации; а также развитию лидеров и, впоследствии, служителей в сфере оказания социальной помощи.

Литература

1. Концепция молодежного служения РПЦ. URL: <https://pravoslavmolodezh.ru>.
2. Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви. М.: АНО «Центр православных молодежных программ во имя святого Георгия Победоносца», 2014. 68 с.
3. Молодежное служение: «другое измерение», методическое пособие // молодежный отдел Петрозаводской и Карельской епархии. Петрозаводск, 2016. 112 с. URL: https://xn----7sbaabib1a1arghukmqlj5yh.xn--p1ai/wp-content/uploads/2018/02/DI_osnova.pdf.
4. Методическое пособие по работе и развитию православного молодежного служения на приходе. Алматы, 2013. 20 с. URL: https://rokmp.de/wp-content/uploads/2015/04/metodichka_molodegnoje-dvigenije.pdf.
5. Молодежь, вера и распознавание призваний // Материалы XV очередной генеральной ассамблеи Синода епископов, Ватикан 2017. URL: http://cathmos.ru/files/docs/vatican_documents/PodgotovitelnyjDokument_Sinod2018.pdf.
6. Гуртаев А.В. Стратегия молодежного служения: библейский взгляд. Церковь <Преображение>, г. Самара, Россия, 2009. URL: www.proprovedi.ru.
7. Алексеев С.В. Молодежная политика в контексте взаимодействия государства и Русской Православной Церкви // Автореф. дис. ... канд. полит. наук, 23.00.02. Москва, 2018. 22 с.
8. Астэр И.В. Российская молодежь: потенциал православного социального служения// Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2012. Вып. 4 (27). С. 84–93.
9. Уфимцева Е.И. Особенности воцерковления в оценках православной молодежи. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/2013/06/05/1251218803/Ufimtseva.pdf>.
10. Елишев С.О. Молодежная политика исламских организаций в Российской Федерации // Пространство и время. 2013. № 2(12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodyozhnaya-politika-islamskih-organizatsiy-v-rossiyskoy-federatsii>.
11. Елишев С.О. Молодежная политика организаций иудаизма в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. URL: <https://www.socio.msu.ru/vestnik/eng/archive/text/2013/3/11.pdf>.
12. Зубанова С.Г. Социальное служение в России: исторический опыт, теоретические основы, современная практика: монография / С.Г. Зубанова. М.: КНОРУС : ООО «Квант Медиа», 2016. 255 с.

13. Костылева Т.А. Социальное служение религиозных организаций // Автореф. дис. ... канд. филос. наук, 09.00.13. Омск, 2006. 32 с.
14. Антонова О.И. Социальное служение религиозных общностей в современной России: опыт социологического исследования // Автореф. дис. ... канд. соц. наук, 22.00.04. Екатеринбург, 2009. 24 с.
15. Устиненко В.Б. Социальное служение религиозных организаций в контексте социальной политики современной России: на примере Санкт-Петербурга // Автореф. дис. ... канд. филос. наук, 09.00.13. Москва, 2008. 23 с.
16. Нечипорова Е.В. Основные идеи и практики милосердно-благотворительной деятельности христианских церквей: компаративный анализ // Автореф. дис. ... канд. филос. наук, 09.00.14. Ростов-на-Дону, 2010. 27 с.
17. Заболотнева В.В. Социальные учения и социальная деятельность новых религиозных объединений в современной России // Автореф. дис. ... канд. филос. наук, 09.00.11. Москва, 2012. 20 с.
18. «Каритас» – благотворительная организация католической церкви в Нижнем Новгороде / с.М. Дагмара Дудзиньска, с.М. Франциска Стемпневска // Религии России: проблемы социального служения. Сборник материалов конференции. Москва – Н. Новгород: ИД «Медиа», 2011. С. 478–479.
19. Котикова Е.А. Деятельность нижегородского отделения католической организации «Каритас» / Е.А. Котикова // Религии России: проблемы социального служения. Сборник материалов конференции. Москва – Н. Новгород: ИД «Медиа», 2011. С. 268–269.
20. Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малащенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 415 с. (Религия в Евразии).
21. Черный А.И. Богословие церковного служения и штатные должности для мирян в Католической Церкви Германии после Второго Ватиканского Собора // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2013, Вып. 5 (49). С. 26–40.

4.3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Рассматривается уровень социально-психологического самочувствия нижегородского студенчества накануне выборов Президента РФ¹. Отмечается, что студентов характеризуют умеренно-оптимистические взгляды на свою текущую жизнь и на ближайшее будущее. Предпринимается попытка всестороннего анализа политических ориентаций студентов. Делается вывод о сравнительно невысоком интересе к политике и снижении демонстративного уровня их электоральной активности. Отмечается, что демонстративная электоральная активность зачастую оказывается не связанной с реальным участием студентов в выборах Президента РФ. Рассматривается отношение студентов к политическим партиям и общественным организациям, а также к ведущим фигурам отечественной и зарубежной политической сцены. Подчеркивается невысокая осведомленность студентов по поводу деятельности большинства политических партий и политиков. Анализируется отношение студенческой молодежи к различным формам гражданской активности и отмечается неприятие большинством студентов несанкционированных акций протеста.

Ключевые слова: выборы, политические предпочтения, протестные настроения, социальная активность, социально-психологическое самочувствие, студенты.

Уровень социально-психологического самочувствия, характерный для студенческой молодежи, является важнейшим фактором, формирующим оценки самых различных аспектов жизнедеятельности, будь то восприятие работы властных структур или собственные намерения принимать участие в политической жизни страны. В настоящее время накоплен достаточно обширный опыт социологического измерения психологического самочувствия населения с учетом влияния большинства социальных факторов [1–3].

Уровень социально-психологического самочувствия нижегородской студенческой молодежи за три месяца до выборов Президента РФ в марте 2018 г. можно назвать умеренно-оптимистичным. Оценивая изменение качества своей жизни за последний год, молодые люди гораздо чаще дают им положительные оценки: так отмечают, что жизнь стала значительно лучше или

---

¹ Использованы результаты социологического исследования «Отношение молодежи к социально-политической ситуации в России» (2017), проведенного кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В опросе приняли участие 960 студентов нижегородских вузов. Выборка квотная, репрезентативная по половозрастному составу.

в целом несколько улучшилась – 57% против всего 14% придерживающихся противоположных точек зрения (рис. 1). Однако тех, кто говорит о существенных улучшениях, гораздо меньше, чем тех, кто видит лишь некоторые улучшения (13% и 44% соответственно). Примерно треть молодежи, отмечает, что их жизнь за последний год не изменилась.

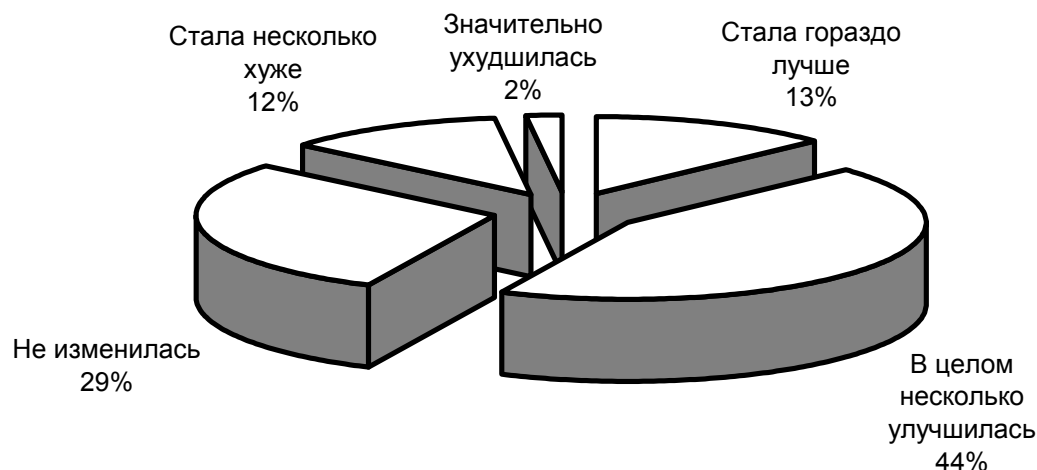

Рис. 1. Оценка изменения жизни за последний год

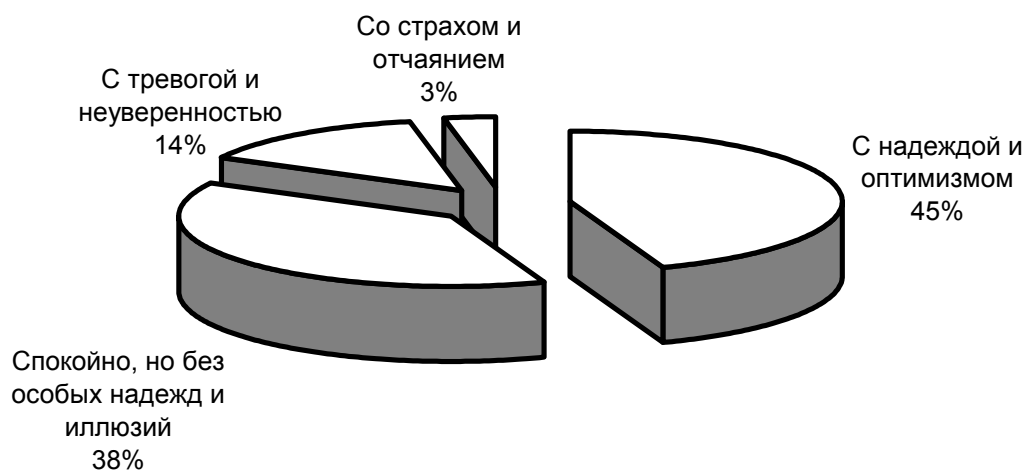

Рис. 2. Чувства, с которыми студенты смотрят в будущее

С надеждой и оптимизмом в будущее смотрят 45% студентов. Чуть меньше – спокойно, но без особых надежд и иллюзий (рис. 2). Пессимистично настроенных по поводу своего будущего среди студентов, казалось бы, не очень много – менее пятой части. Однако для молодых людей, которым обычно

характерно оптимистичное восприятие жизни, это не так уж и мало. Важно отметить, что есть среди студентов и те, кто смотрит в будущее со страхом и отчаянием (3%).

Группа однозначных оптимистов (30%), т.е. чья жизнь, по их оценкам, улучшилась, и будущее полно светлых надежд, по своей численности превышает все остальные (рис. 3).

Вторая по численности группа – это также оптимисты, те, кто говорит, что их жизнь за последний год улучшилась и таковой останется (20%). Примерно у десятой части студентов жизнь за последний год не изменилась, но они надеются на ее улучшение в самое ближайшее время, а еще 4% студентов считают, что их жизнь улучшится, хотя за последний год и изменилась в худшую сторону. Все эти четыре группы можно в той или иной степени отнести к оптимистам, и, таким образом, оптимистичные настроения присущи примерно 65% студентов.

Пессимистов среди нижегородских студентов примерно пятая часть. Причем, число тех, кто прогнозирует ухудшение своей жизни, или тех, кто говорит об отсутствии изменений на фоне уже состоявшегося ухудшения, среди студентов примерно равное и составляет 5-6%.

И еще 13% студентов занимают промежуточное положение между пессимистами и оптимистами. Они говорят, что их жизнь за последний год не изменилась, и в будущее они смотрят спокойно, но без особых надежд и иллюзий.

Для сравнения отметим, что по данным поселенческого опроса¹, проведенного в Нижнем Новгороде примерно в то же время, в целом для населения города свойственно умеренно-пессимистичное настроение. Наибольшими по численности группами оказываются те, кто говорит, что их жизнь не изменилась и не изменится, а также те, кто не надеется на изменения на фоне общего ухудшения жизни. Однозначных оптимистов среди населения в целом вдвое меньше, чем среди студентов (15% против 30%), а вот крайних пессимистов, напротив, почти в три раза больше (15% против 6%).

Оценивая ситуацию, сложившуюся в своей жизни, а также в своем ближайшем социальном окружении, студенты чаще говорят о том, что, либо все нормально, либо все хорошо. По собственным оценкам, все в жизни просто отлично у 18% студентов, 13% также считают, что все отлично и у их

---

¹ Социологическое исследование «Социально-психологическое самочувствие жителей Нижнего Новгорода» (2017), осуществлено кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Опрошено 500 человек. Выборка квотная, репрезентативная по половозрастному составу.

знакомых. Вполне естественно, что эти группы более чем наполовину пересекаются друг с другом. Тех, кто, напротив, считает, что у них в жизни все плохо или даже ужасно – менее десятой части.

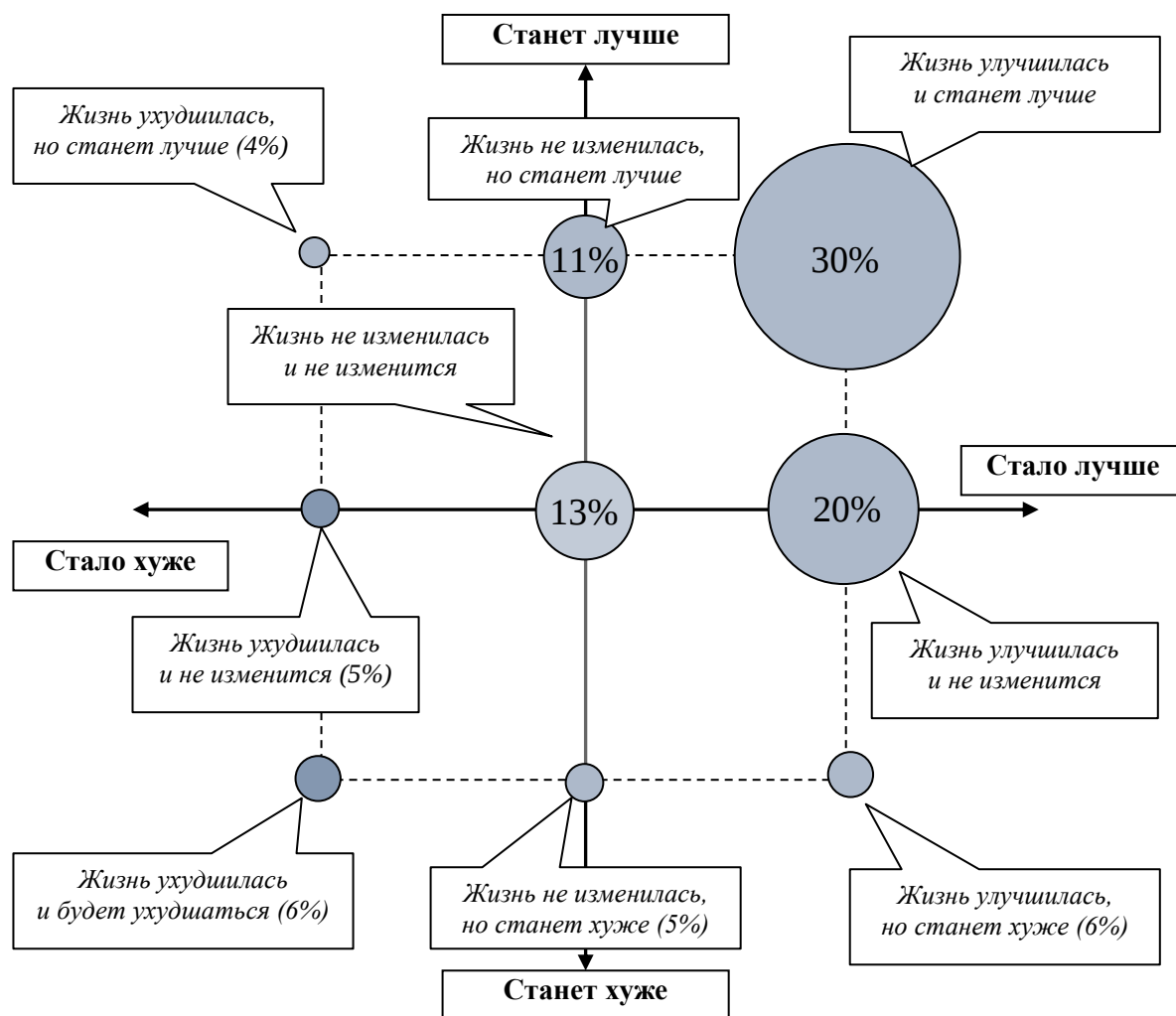

Рис. 3. Социально-психологическое самочувствие студенческой молодежи

А вот оценки студентов ситуации в стране и в городе не столь радужные (табл. 1). Большинство студентов продолжают оценивать сложившуюся в стране и городе ситуацию как нормальную (46% – в городе и 48% – в стране). Но здесь сравнительно больше и тех, кто говорит, что ситуация плохая или даже катастрофическая. Так, 28% студентов считают, что сложившаяся в стране ситуация, плохая, а еще 6% – что ужасная. Примерно столько же отрицательно оценивают и ситуацию в городе. Положительных оценок примерно в полтора

раза меньше: в стране все хорошо – 11%, или все отлично – 3%, в городе все хорошо – 16%, все отлично – 2%.

Т а б л и ц а 1

Оценки сложившейся ситуации, %

Оценки	Ситуация, сложившаяся...			
	...в стране	...в городе	...в окружении	...в жизни
Все отлично	3	2	13	18
Все хорошо	11	16	42	34
Все нормально	46	48	37	35
Все плохо	28	24	6	7
Все ужасно	6	6	1	2
Затруднились ответить	6	4	1	4

Таким образом, большинство студентов говорят о личной ситуации и о ситуации у своих знакомых как о хорошей или отличной – 41%, и совсем немного о плохой или ужасной – 4%. Считающих ситуацию, сложившуюся в стране и городе, плохой, ощутимо больше придерживающихся противоположной точки зрения (20% и 8% соответственно). Существует и связь между этими оценками. Так, например, свыше половины тех, говорит, что у него и у его знакомых все плохо, считают плохой и ситуацию, сложившуюся в стране и в городе. А из тех, кто считает, что в стране и в городе все хорошо, 70% говорят, что и у них все хорошо или даже отлично.

Рассмотрим политические ориентации нижегородской молодежи и уровень их гражданско-политической активности (рис. 4).

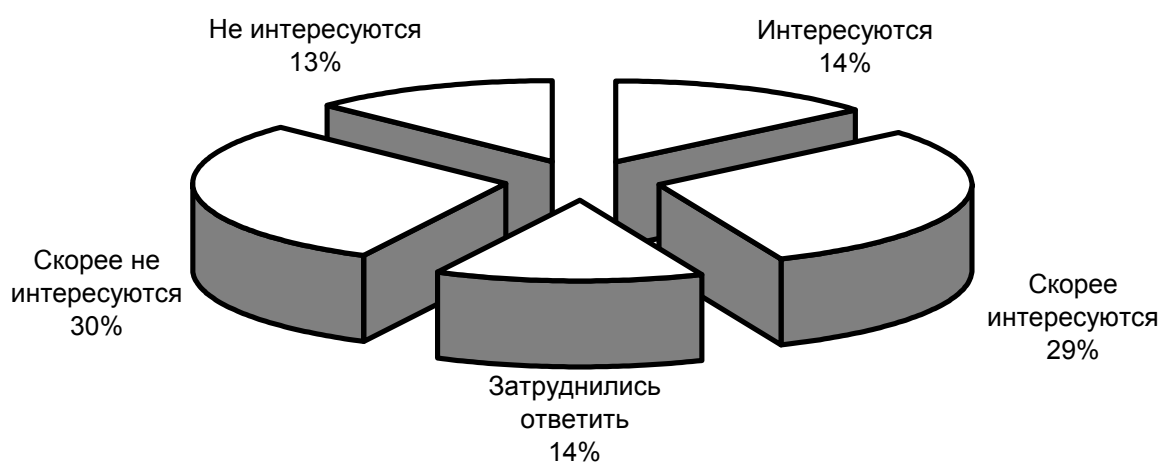

Рис. 4. Интерес студентов к политике

Если говорить о ситуации в целом, то студенты делятся примерно на две равные группы: те, кто интересуется или постольку поскольку интересуется политикой (44%), и те, кто ею не интересуется или скорее не интересуется (43%). Кроме того, большинство молодых людей не соглашаются с тезисом, что среди молодежи непрестижно интересоваться политикой (69%), а соглашаются с этим лишь 11% (табл. 2). Также большинство студентов считают, что с каждым годом все больше молодых людей вовлекаются в общественно-политическую жизнь страны (53%). Относительно патриотического воспитания позиция студентов двойственная. С одной стороны, подавляющее большинство молодых людей соглашаются с тем, что формирование патриотических ценностей молодежи является важнейшей задачей государства, но, с другой стороны, они немного чаще говорят, что пропаганда патриотических ценностей сегодня слишком навязчива, чем не соглашаются с этим (36% и из них большинство – однозначных ответов, против 30%, где преобладают неуверенные оценки).

Т а б л и ц а 2

Согласие с тезисами, %

Тезисы	1*	2	3	4	5	I_c^{**}
Важная задача государства – формирование патриотических ценностей молодежи	21	40	25	9	5	0,32
Пропаганда патриотических ценностей слишком навязчива	17	19	33	23	7	0,08
Участие в деятельности молодежных общественных организаций может способствовать успешной карьере в политике	16	43	32	7	3	0,31
С каждым годом все больше молодых людей вовлекаются в общественно-политическую жизнь страны	12	41	35	10	2	0,26
Мне безразлично кто будет следующим президентом РФ	4	5	15	25	51	-0,57
Молодежь не заинтересована в участии в выборах федеральной власти страны	4	18	41	26	12	-0,12
Интересоваться политикой непрестижно среди молодежи	3	8	20	32	37	-0,46

*1 – Совершенно согласны

2 – Скорее согласны,
чем не согласны

3 – И да, и нет,
затруднились
ответить

4 – Скорее не согласны,
чем согласны

5 – Категорически не согласны

** I_c – Индекс согласия рассчитан как отношение суммы ответов с присвоенными коэффициентами (где «+1» – однозначно согласие, а «-1» – категорическое несогласие) к общей сумме ответов

Демонстративная электоральная активность молодежи находится на среднем уровне. Отмечают, что всегда участвуют в выборах представителей органов власти, менее пятой части студентов. Чуть более третьей части заявили, что иногда участвуют, и столько же – что никогда не ходят на выборы.

Т а б л и ц а 3

Участие в выборах представителей органов власти¹, %

Участие	Ноябрь 2011 г.	Март 2012 г.	Ноябрь 2017 г.
Всегда участвуют	26	46	19
Иногда участвуют/редко	45	37	37
Никогда не участвуют	29	9	37
Нет ответа	0	0	7

Важно отметить, что оценки собственной активности участия в выборах довольно слабо отражают реальное положение вещей. Так, за несколько месяцев до выборов Президента РФ в 2012 г. 26% студентов отмечали, что всегда участвуют в выборах представителей органов власти, а редко или иногда – 46% (табл. 3). А вот по данным замера, проведенного накануне выборов, число тех, кто говорит, что всегда посещает такого рода мероприятия выросло до 46%, при том что число тех, кто заявлял, что никогда не ходит на выборы уменьшилось с 29% (в ноябре) до 9% (в марте). Также отметим, что молодые люди чаще не соглашались с тезисом, что молодежь не заинтересована в участии в выборах федеральной власти страны (38% против 22% придерживающихся противоположной точки зрения).

Более половины студентов однозначно не согласны с тезисом, что им безразлично, кто будет следующим Президентом РФ, и еще 25% также с этим скорее не согласны, чем согласны. А тех, кто, напротив, демонстрирует свое безразличие – менее 10%. Отметим, что демонстративная электоральная активность у студентов и перед выборами Президента РФ в 2012 г., и перед выборами 2018 г. держалась примерно на одном уровне (64-69%). Заявляли о своем намерении обязательно принять участие в выборах Президента РФ в марте 2018 г. 38% нижегородских студентов, и еще 31% отмечали, что, скорее

¹ Использованы результаты исследования «Социально-политическая активность нижегородских студентов», проведенных кафедрой прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Первый замер был осуществлен в ноябре 2011 г. В опросе приняли участие 800 студентов нижегородских вузов. Второй замер был осуществлен в марте 2012 г. (N=400). Выборки квотные, репрезентативные по половозрастному составу.

всего, примут участие (табл. 4). Не собирались или, скорее всего, не собирались на выборы 13% студентов. А через несколько дней после выборов ВЦИОМ размещает на своем сайте пресс-выпуск «Молодежь ломает стереотипы», где, опираясь на данные своего экзитпола, констатирует необычную активность на выборах возрастной группы от 18–34 лет [4].

Т а б л и ц а 4

Намерение участвовать в выборах Президента РФ, %

Отношение	Ноябрь 2011 г.	Ноябрь 2017 г.
Обязательно примут участие	38	38
Скорее всего, примут	26	31
Пока не знают	18	19
Скорее всего, не примут	10	7
Точно не будут принимать участия	8	5

Студенты демонстрируют хорошую осведомленность только по поводу пяти политических партий, тех, которые давно существуют на политической сцене и принимают самое активное участие в политическом процессе (табл. 5). Это «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и «Яблоко». В зоне лояльности находится «Единая Россия», чью деятельность положительно оценивает 45% студентов, против 22% – оценивающих ее деятельность отрицательно. Относительно оценки деятельности остальных четырех партий студенты чаще затрудняются выразить свое мнение. Число положительных и отрицательных оценок примерно равное у КПРФ (19% и 22%), ЛДПР (25% и 24%) и «Справедливой России» (20% и 19%). А вот деятельность «Яблока» студенты чаще оценивают отрицательно (23%), чем положительно (14%).

Примерно треть студентов отметили, что впервые слышат о партии «Патриоты России» и партии «Коммунисты России». Эти партии студенты чаще оценивают отрицательно, чем положительно. Еще меньше студентов знают о «Родине», «Правом деле», «ПАРНАСе». Их деятельность также чаще оценивается отрицательно. Более половины студентов не знают о существовании «Общероссийского народного фронта», а большинство из тех, кто знает, скорее всего не очень представляет, что это такое. Характерно, что и те студенты, кто положительно оценивает деятельность «Единой России», а также знают о существовании «Общероссийского народного фронта», в равной степени дают ему положительные и отрицательные оценки. Леворадикальное движение

«Левый фронт» также малоизвестно студентам. Положительных оценок в студенческой среде у него немного (2%), а отрицательных – примерно столько же, как и у всех остальных партий (13%).

О деятельности общественно-политических движений, ориентированных на молодежь, студенты в целом осведомлены неплохо. Лидером по уровню лояльности оказывается «Российский союз молодежи», у которого 23% положительных и 9% отрицательных оценок. Примерно столько же положительно оценивают деятельность общественной организации «Молодая гвардия «Единой России», а вот отрицательных оценок у нее чуть больше (13%). Немногие студенты знают о существовании общественного движения «Юнармия», а те, кто знает, чаще оценивает ее отрицательно.

Т а б л и ц а 5

Оценка деятельности партий и общественных организаций, %

Партии и общественные движения	Положи- тельно	Отрица- тельно	Затрудни- лись ответить	Впервые о такой(-ом) слышат
Партия «Единая Россия»	45	22	31	1
КПРФ	19	22	57	1
ЛДПР	25	24	48	2
Партия «Справедливая Россия»	20	19	57	3
Партия «Яблоко»	14	23	54	9
Партия «Патриоты России»	9	14	47	30
Общественная организация «Молодая гвардия «Единой России»	20	13	36	30
Российский союз молодежи	23	9	33	35
Партия «Коммунисты России»	4	18	41	36
Партия «Родина»	6	14	40	40
Партия «Правое дело»	4	14	38	44
Партия народной свободы «ПАРНАС»	7	14	34	45
Общероссийский народный фронт	5	10	32	53
Левый фронт	2	13	29	56
Общественное движение «Юнармия»	6	10	23	61

Нижегородская студенческая молодежь не очень уверенно ориентируется в фигурах российской общественно-политической сцены. Из предложенного для оценок списка политиков около трети оказалась неизвестна большинству молодых людей, а относительно остальных многие затрудняются выразить свое

мнение (рис. 5). Из политиков и общественных деятелей, чьи имена известны большинству студентов, и чью деятельность они уверено оценивают, лидерами оказываются Владимир Путин, Ксения Собчак и Дмитрий Медведев (свыше 70% оценок), за ними следуют Сергей Шойгу, Сергей Лавров и Владимир Жириновский (60% и более), затем Рамзан Кадыров, Алексей Навальный и Сергей Кириенко (50% и более). А вот относительно остальных чаще возникает или затруднение с оценкой деятельности или незнание о нем.

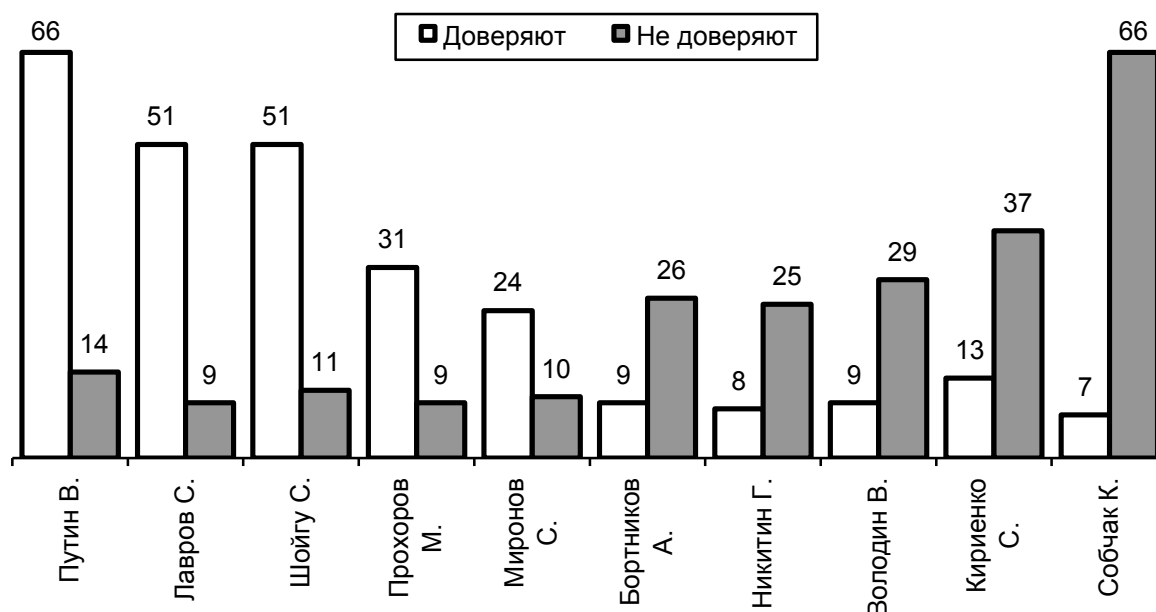

Рис. 5. Лидеры и аутсайдеры общественно-политической сцены, %

Лидерами доверия молодежи являются Владимир Путин (66% доверяют и 14% не доверяют его деятельности), Сергей Лавров (соответственно 51% и 9%), Сергей Шойгу (51% и 11%), Михаил Прохоров (31% и 9%) и Сергей Миронов (24% и 10%). Возглавляет антирейтинг доверия Ксения Собчак (ей не доверяют 66%, а доверяют 7%), за ней следует Сергей Кириенко (37% и 13% соответственно), затем Вячеслав Володин (29% и 9%), Глеб Никитин (25% и 8%) и Александр Бортников (26% и 9%). Примерно равное число оценок доверия и недоверия имеют Дмитрий Песков (22% доверяют и 21% не доверяют) Рамзан Кадыров (26% и 29%) и Иван Охлобыстин (22% и 25%). А вот остальные общественно-политические лидеры, предложенные для оценки студентам, как и названные фигуры антирейтинга, также чаще получают у студентов отрицательные оценки. И если говорить в целом по всем политикам и общественным деятелям, то студенты чаще выражают им свое недоверие, чем доверие.

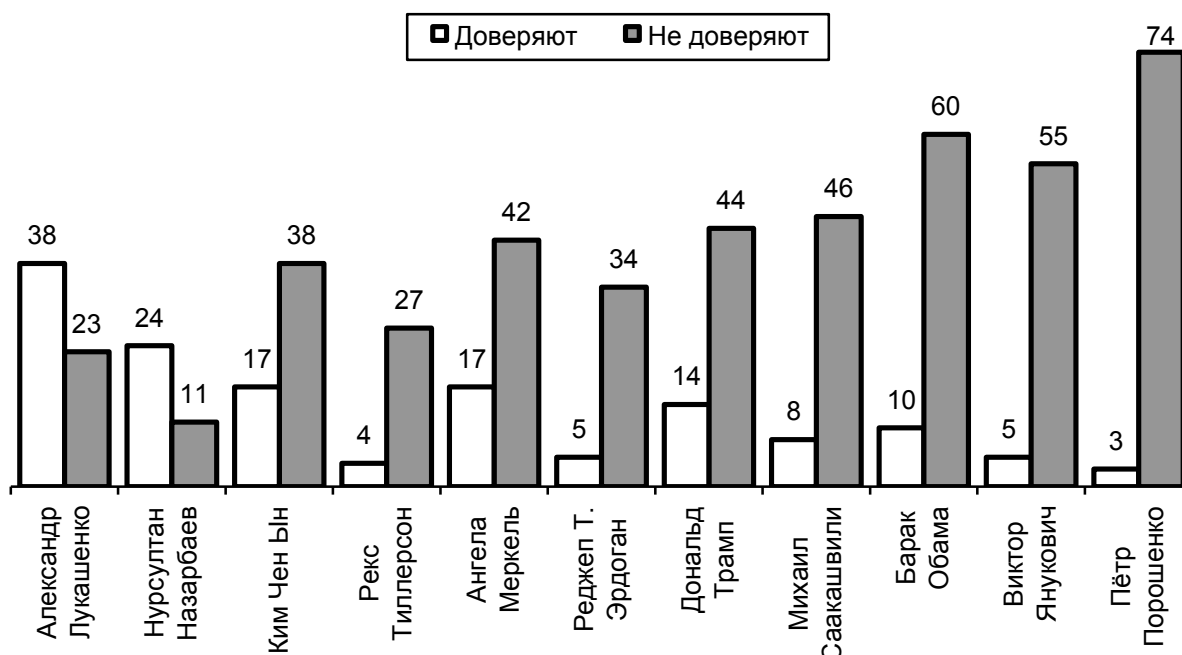

Рис. 6. Лидеры и аутсайдеры среди зарубежных политиков, %

Информированность студентов о главах зарубежных стран в целом неплохая. Однако и здесь среди политиков много тех, к которым студенты также часто затрудняются выразить свое отношение (рис. 6). Из предложенных для оценки зарубежных политиков нижегородские студенты чаще выражают свое доверие, чем недоверие, лишь Президенту Республики Беларусь Александру Лукашенко (38% доверяют и 23% не доверяют) и Президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву (24% и 11% соответственно). Подавляющее большинство студентов не доверяют действующему Президенту Украины Петру Порошенко (74%), а выразили ему доверие лишь 3%. Второе место в антирейтинге доверия принадлежит бывшему Президенту Украины Виктору Януковичу (55% не доверяют и 5% доверяют). На третьем месте по числу оценок недоверия в конце 2017 г. находился бывший Президент США Барак Обама (60% и 10%). Уровень доверия студентов к ставшему в конце января 2017 г. Президентом США Дональду Трампу немного выше: ему выражают доверие 14%, но не доверяют его деятельности 44% студентов. В антирейтинге доверия у него пятое место, тогда как четвертое у бывшего Президента Грузии, затем советника П. Порошенко, а затем его активного противника Михаила Саакашвили (46% не доверяют и 8% доверяют). На шестом месте Президент Турции Реджеп Т. Эрдоган (34% не доверяют и 5% доверяют), на седьмом Канцлер Германии Ангела Меркель (42% и 17%) и на восьмом – на момент проведения опроса действующий Госсекретарь США Рекс Тиллерсон (27% и 4%). Таким образом, студенты чаще не доверяют ведущим зарубежным политикам.

Т а б л и ц а 6

Поддерживаемые студентами формы гражданской активности, %

Формы гражданской активности	Положи- тельно	Отрица- тельно	Затруднились ответить	Δ
Волонтерская деятельность	82	5	13	77
Обращения к представителям власти с просьбами, жалобами, письмами	74	7	18	67
Участие в деятельности общественных организаций (правозащитных, благотворительных, экологических и т.д.)	73	7	19	66
Голосование на выборах представителей власти	71	7	22	64
Участие в сборе подписей под обращением к властям	69	8	23	61
Обсуждение с друзьями политических событий в стране	65	9	26	56
Подписание петиций на интернет-сайтах	65	11	24	54
Встречи с политическими и общественными деятелями	63	10	27	53
Флешмобы	63	11	25	52
Участие в молодежных форумах («Территория смыслов», «Таврида», «Селигер», «Поволжье» и т.п.)	58	10	32	48
Участие в деятельности политических партий, движений	47	11	41	36
Участие в мирных митингах, разрешенных властями	48	15	36	33
Работа в предвыборных кампаниях (агитатор, наблюдатель, распространитель)	45	16	38	29
Шествия болельщиков спортивных команд	35	28	37	7

Из форм гражданской активности студенты в наибольшей степени поддерживают волонтерскую деятельность (82%), обращения к представителям власти с просьбами, жалобами, письмами (74%), участие в деятельности общественных организаций (73%), голосование на выборах представителей власти (71%), а также участие в сборе подписей под обращением к власти (69%). Немного реже молодежь демонстрирует свое одобрение обсуждениям с друзьями политических событий в стране, подписание петиций на интернет-

сайтах, встреч с политическими и общественными деятелями, а также участие в молодежных форумах (табл. 6). Участие в деятельности политических партий, участие в мирных митингах, разрешенных властями, а также в предвыборных кампаниях положительно оценивается нижегородскими студентами, хотя многие и затрудняются выразить свое отношение к данным формам гражданской активности. Относительно шествий болельщиков спортивных команд мнение молодежи разделилось: 35% к ним относится положительно, а 28% – отрицательно.

Т а б л и ц а 7

Формы гражданской активности,
которые не поддерживаются студентами, %

Формы гражданской активности	Положи- тельно	Отрица- тельно	Затруднились ответить	Δ
Активное сопротивление власти, столкновения с полицией	8	68	23	-60
Участие в националистических акциях	6	63	30	-57
Шествия представителей сексуальных меньшинств	15	54	31	-39
Участие в несанкционированных акциях протеста	13	50	36	-37
Взнос денег в поддержку политической партии, движения, кандидата	15	46	38	-31
Участие в акциях православных активистов	14	42	43	-28

Особой неприязнью молодежи пользуется активное сопротивление власти и столкновения с полицией. Осуждают такую форму активности 68% студентов (табл. 7). Однако отметим, что есть и такие, кто это поддерживает (8%). Также активно молодежь осуждает участие в националистических акциях (63%). Кроме того, студенты не согласны и с тем, что в молодежной среде распространены националистические взгляды (45% против 14%). Отрицательно к шествиям представителей сексуальных меньшинств относится 54% студентов, положительно – 15%. Осуждают участие в несанкционированных акциях протеста 50% студентов, но 13%, напротив, их одобряют. И еще одной формой активности, вызывающей осуждение со стороны студенческого сообщества, является взнос денег в поддержку политических партий, движений или какого-либо кандидата (46% отрицательных оценок, 15% положительных). Участие в акциях православных активистов также не пользуется поддержкой нижегородской молодежи.

Формы гражданской активности, в которой
студенты участвовали или хотели бы принимать участие, %

Формы гражданской активности	1*	2	3
Обсуждение с друзьями политических событий в стране	61	13	26
Подписание петиций на интернет-сайтах	52	15	33
Флешмобы	37	24	39
Голосование на выборах представителей власти	36	34	30
Волонтерская деятельность	33	38	29
Участие в сборе подписей под обращением к властям	27	32	41
Встречи с политическими и общественными деятелями	21	39	39
Участие в деятельности общественных организаций (правозащитных, благотворительных, экологических и т.д.)	20	43	36
Обращения к представителям власти с просьбами, жалобами, письмами	14	39	46
Участие в молодежных форумах («Территория смыслов», «Таврида», «Селигер», «Поволжье» и т.п.)	9	43	48

*1 – Принимали участие

2 – Не участвовали, но хотели бы поучаствовать

3 – Не участвовали и не собираются

Степень поддержки студентами тех или иных форм гражданской активности не всегда сопряжена с их личной заинтересованностью в участии. Прежде всего отметим, что примерно 5% студентов не участвовали и не намерены участвовать ни в одной из перечисленных форм гражданско-политической активности. По отношению к конкретным формам число тех, кто уже сталкивался с ними или не прочь в них поучаствовать, не превышает 75% от общего числа студентов.

Рассмотрим формы гражданской активности, к участию в которых демонстрируют свой интерес большинство студентов. Многие студенты конечно же обсуждают со своими друзьями политические события в стране, однако важно, что 26% студентов этого не делали и делать не собираются. Свыше половины студентов уже подписывали петиции на интернет-сайтах, но трети студентов – это форма деятельности совершенно не интересна. Около 40% участвовали в флешмобах, еще 24% – не участвовали, но не прочь поучаствовать, но почти 40% – это не интересно. Принимали участие в выборах представителей власти 36%, собираются – 34%, однако не участвовали и не собираются – 30%. Участие в волонтерской деятельности достаточно распространенная среди студентов форма активности. Уже опробовали себя в добровольчестве 33% нижегородских студентов, еще 38% – хотели бы принять

в нем участие, около третьей части студентов этот вид деятельности не интересен.

Не менее четвертой части студентов уже принимали участие в сборе подписей под обращением к властям, не менее пятой части – ходили на встречи с политическими и общественными деятелями. Еще больше тех, кто хотели бы в этом поучаствовать. Но и здесь примерно 40% демонстрируют свое равнодушие. Опыт участия в деятельности общественных организаций имеет пятая часть студентов, вдвое больше также хотели бы в них поучаствовать. Не участвовали и не собираются принимать в этом участие 36% студентов. Еще больше тех, кто не собирается принимать участие в обращениях к представителям власти с просьбами, жалобами и письмами – 46%. Имеют подобный опыт 14% и еще 39% видят себя готовыми принимать в этом участие. Посещали молодежные форумы менее десятой части нижегородских студентов, но выражают свою готовность принимать в них участие 43%. При этом почти половина студентов не видят себя участниками подобных мероприятий.

Т а б л и ц а 9

Отношение студентов
к различным формам гражданской активности, %

Формы гражданской активности	1*	2	3
Участие в националистических акциях	2	7	92
Активное сопротивление власти, столкновения с полицией	3	6	90
Шествия представителей сексуальных меньшинств	3	8	89
Участие в несанкционированных акциях протеста	5	9	86
Участие в акциях православных активистов	3	10	85
Взнос денег в поддержку политической партии, движения, кандидата	3	12	85
Шествия болельщиков спортивных команд	9	20	70
Участие в мирных митингах, разрешенных властями	11	25	64
Работа в предвыборных кампаниях (агитатор, наблюдатель, распространитель)	13	24	63
Участие в деятельности политических партий, движений	7	30	62

*1 – Принимали участие

2 – Не участвовали, но хотели бы поучаствовать

3 – Не участвовали и не собираются

Среди форм гражданской активности, которые вызывают наибольшее отторжение и нежелание принимать в них участие (табл. 9), лидируют участие в националистических акциях (92%), активное сопротивление власти, столкновения с полицией (90%) и шествия представителей сексуальных

меньшинств (89%). Однако, как и в случае с отношением к этим формам участия, небольшая часть студентов уже имеет опыт подобной деятельности (2-3%), и некоторые студенты (6-8%) готовы в этом поучаствовать. Примерно 85% студентов против личного участия в несанкционированных акциях протеста, акциях православных активистов, а также взноса денег в поддержку политических партий, движений, кандидатов. При этом не менее 5% студентов указали, что уже участвовали в несанкционированных акциях протеста и 9% выразили готовность в них участвовать. Не участвовали и не собираются участвовать в шествиях болельщиков спортивных команд 70% студентов. Опыт участия в мирных санкционированных митингах умеет свыше десятой части студентов, и не менее четвертой части также готовы принять в них участие. Свыше 60% студентов не интересуется участие в деятельности политических партий и работа в предвыборных кампаниях. При этом 13% студентов имеют опыт в предвыборной работе, а 7% уже участвовали в деятельности политических партий или движений. Нижегородские студенты стараются уйти от ответа на вопрос о поддержке руководства страны и выбранного им политического курса или затрудняются выразить свою точку зрения (табл. 10). Из ответивших на этот вопрос большинство студентов склоняются к оппозиционным взглядам (39%). Также немного чаще студенты говорят о том, что молодежь раздражена действующей властью в стране и воспринимает ее негативно (32% против 28%). Молодые люди готовы отстаивать свои права и интересы, участвуя в митингах и акциях протеста (46% против 15%), часть студентов готовы делать это за деньги (17%). Также большинство студентов не согласны с тем, что руководство их учебного заведения заставляет ходить на митинги (74%). Хотя есть и те, кто говорит о существовании подобной практики (10%), а 27% студентов знают случаи преследования учащихся за их политические убеждения со стороны администрации их учебного заведения. Относительно причин распространения экстремистских взглядов в молодежной среде у студентов нет однозначного ответа. Хотя, например, с тем, что СМИ могут являться одной из таких причин молодые люди чаще соглашаются, чем не соглашаются (41% против 21%). Здесь же отметим, что сами студенты за политическими событиями чаще следят в социальных сетях (53%).

Отрицательно относятся к участию в несанкционированных акциях протеста 50% студентов (табл. 7) и еще больше (86%) не принимали и не хотели бы принимать в них участие (табл. 9). О скорее положительном отношении студентов к митингам (табл. 11) свидетельствует и то, что они чаще одобряют, чем не одобряют проходившие перед выборами митинги в поддержку В. Путина (42% против 30%), а также санкционированные митинги

в поддержку сил оппозиции (42% против 23%). А вот к несогласованным митингам в поддержку оппозиции отрицательно или скорее отрицательно относятся 49%.

Т а б л и ц а 1 0

Согласие с тезисами, %

Тезисы	1*	2	3	4	5	I_c^{**}
Влияние СМИ может являться причиной распространения экстремистских взглядов среди молодежи	16	25	37	12	9	0,14
Я знаю случаи преследования учащихся за их политические убеждения со стороны администрации их учебных заведений	15	12	22	18	33	-0,21
За политическими событиями я слежу преимущественно в социальных сетях	13	40	27	13	7	0,20
Молодые люди готовы отстаивать свои права и интересы, участвуя в митингах, акциях протеста	12	34	39	11	4	0,20
Молодежь раздражена действующей властью в стране, воспринимает ее негативно	10	22	40	20	8	0,03
Молодежь готова участвовать в протестных акциях, митингах только за деньги	4	13	37	25	20	-0,22
В молодежной среде распространены националистические настроения	3	11	41	26	19	-0,24
Руководство моего учебного заведения заставляет ходить на митинги	3	7	16	19	55	-0,58
Молодежь поддерживает руководство страны и выбранный им политический курс	2	13	47	24	15	-0,18

*1 – Совершенно согласны

3 – И да, и нет,
затруднились
ответить

4 – Скорее не согласны,
чем согласны

5 – Категорически не согласны

** I_c – Индекс согласия рассчитан как отношение суммы ответов с присвоенными коэффициентами (где «+1» – однозначно согласие, а «-1» – категорическое несогласие) к общей сумме ответов

Примерно 5% студентов сами принимали участие в одном или нескольких митингах в поддержку В. Путина, а 25% студентов отметили, что в подобных митингах принимали участие их друзья или знакомые. Еще больше студентов лично участвовали в санкционированных митингах в поддержку сил оппозиции: 4% участвовали в них неоднократно, а еще 5% – единожды. Примерно у трети студентов в таких митингах участвовали друзья и знакомые.

Отношение студентов к митингам, %

Оценки		В поддержку В. Путина	В поддержку сил оппозиции	
			согласованные	не согласованные
Отношение к митингам	Положительно	17	23	6
	Скорее положительно	25	20	10
	Затрудняются оценить	29	34	35
	Скорее отрицательно	17	12	23
	Отрицательно	13	11	26
Личное участие в митингах	Участвовали в нескольких митингах	2	4	2
	Участвовали лишь в одном митинге	3	5	2
	Нет, не участвовали	94	91	95
Участие друзей и знакомых в митингах	Да, и таких много	4	8	7
	Да, но их единицы	21	23	15
	Нет таких	49	41	48
	Затрудняются ответить	27	28	30

Положительно или скорее положительно к несогласованным митингам в поддержку сил оппозиции относится 16% нижегородских студентов, а лично принимали в них участие – 4%. Кроме того, у пятой части студентов в несанкционированных митингах принимали участие друзья или знакомые.

Таким образом, существует риск достаточно массового участия нижегородской студенческой молодежи в несанкционированных акциях протеста. Данные тенденции уже были отмечены в предыдущих исследованиях, объектом которых также являлась нижегородская студенческая молодежь [5–7].

Еще одним важным критерием, позволяющим оценить политическую активность молодежи, является их отношение к участию в политических молодежных организациях, а также политических партиях.

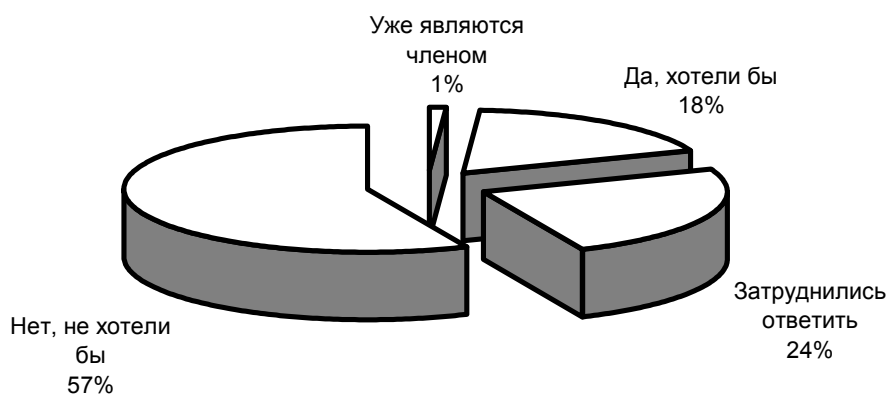

Рис. 7. Желание стать членом какой-либо молодежной политической организации

Небольшая часть молодежи в настоящее время уже является членом молодежной политической организации (рис. 7) или уже состоит в политической партии (рис. 8). Из молодежных организаций, это, прежде всего, «Молодая гвардия», но также есть и те, кто состоят в «Российском союзе молодежи» (РСМ). Среди партий, в которых уже сегодня состоят нижегородские студенты лидирует «Единая России», реже указываются ЛДПР и КПРФ. Хотели бы стать членом какой-либо молодежной организации 18%, и членом политической партии – 17%.

Свыше 40% студентов отметили, что у них есть знакомые, которые являются членами каких-либо молодежных организаций и политических партий.

Важно отметить, что эти направления интересов тесно пересекаются, и половина тех, кто указал, что хочет стать членом молодежной организации, также хочет стать и членом политической партии.

Однако большинство студентов равнодушны к членству в молодежной политической организации (57%) и политической партии (62%). При этом большинство молодых людей считают, что участие в деятельности молодежных общественных организаций может способствовать успешной карьере в политике (59%).

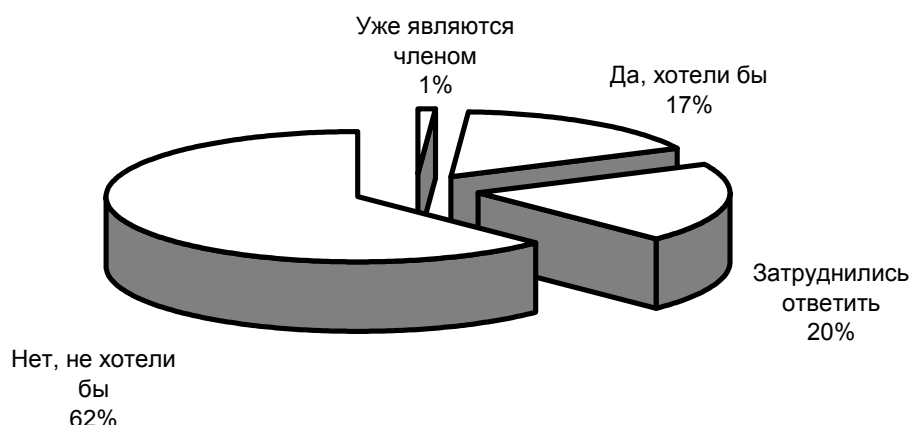

Рис. 8. Желание стать членом какой-либо политической партии

Таким образом, на фоне относительного социально-психологического спокойствия интерес к политике и участию в политическом процессе у студенческой молодежи начинает ослабевать. Студенты демонстрируют хорошую осведомленность только по поводу пяти политических партий, тех, которые давно существуют на политической сцене и принимают самое активное участие в политическом процессе: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и «Яблоко». Также не очень уверенно молодежь ориентируется в фигурах российской общественно-политической сцены. Из форм гражданской активности студенты поддерживают волонтерскую деятельность, обращения к представителям власти с просьбами, жалобами, письмами, участие в деятельности общественных организаций, голосование на выборах представителей власти, а также участие в сборе подписей под обращениями к власти. Но вместе с тем степень поддержки тех или иных форм гражданской активности не всегда сопряжена с личной заинтересованностью студентов принимать в них участие.

Литература

1. Зернов Д.В., Иудин А.А. Социологические индикаторы оценки социального самочувствия населения // Статистика в современном обществе: ее роль и значение в вопросах государственного управления и общественного развития. Нижний Новгород: Нижегородстат. ННГУ, 2015. С. 169–175.
2. Зернов Д.В. Социальное самочувствие населения в пространстве родного города // Социальные преобразования и социальные проблемы. Нижний Новгород: Издательство НИСОЦ. 2015. Вып. 15. С. 16–37.

3. Иудин А.А., Привалов И.В. Самочувствие населения России: вторичный анализ данных ВЦИОМ // Социальные преобразования и социальные проблемы. Нижний Новгород: Издательство НИСОЦ. 2016. Вып. 16. С. 51–64.
4. Молодежь ломает стереотипы // ВЦИОМ, пресс-выпуск № 3612 от 22 марта 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116758>.
5. Зернов Д.В., Луконина Е.С. Политическая активность студентов: от апатии к спокойствию // Социальные преобразования и социальные проблемы. Нижний Новгород: Издательство НИСОЦ. Вып. 14. 2012. С. 11–24.
6. Зернов Д.В., Луконина Е.С. Содержание и тенденции политической активности студенчества (на примере выборов 2011–2012 гг.) // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 30–38.
7. Зернов Д.В., Луконина Е.С. Экстремистские настроения студенческой молодежи на фоне выборов федеральной власти // Социокультурные корни насилия в современном обществе. Материалы международной научно-практической конференции (1–3 ноября 2012 г.). Нижний Новгород: Издательство НИСОЦ. 2013. С. 488–492.

4.4. ЗНАЧИМОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТА

Анализируются тенденции развития студенческого спорта в зеркале социологических парадигм. Выявляется значимость социологических теорий, приобретающая в процессах формирования, функционирования, профилактике и разрешении конфликтных ситуаций в студенческой команде. Сложность процесса формирования и функционирования молодежной спортивной общности рассматривается с позиции функционального анализа Р. Мертон, на основе которого выявляется специфика построения структуры социального организма, базирующаяся на разработанном автором механизме принятия новых игроков разного уровня в студенческую команду. Анализ мотивационной структуры функционирования женской сборной команды по волейболу позволил обнаружить положительную коллективную направленность мотивов. С помощью теоретических разработок Т. Парсонса и Р. Мертона выявлены дисфункциональные аспекты функционирования студенческой сборной, позволяющие обеспечить сохранность социальной группы. Особая роль отводится социологической интерпретации социального конфликта, способствующая интеграции и консолидации членов спортивного коллектива.

Ключевые слова: социологическое мышление, студенческий спорт, студенческая команда, профессиональный уровень игроков, социализация, мотивация, социальный конфликт.

По мнению общественности, спорт и наука – это два направления человеческой деятельности, которые не всегда генерируются в сознании современного общества. Однако, достижения науки, внедрение новых технологий меняют всю нашу жизнедеятельность, в том числе жизнь действующих и завершивших свою спортивную карьеру спортсменов. Спорт в психическом и физическом отношениях один из самых тяжелых видов деятельности, вследствие чего ученые, представляющие различные области науки, стремятся обеспечить: во-первых, сохранность здоровья спортсменов; во-вторых, высокий уровень результативности данного вида деятельности. Особую роль в этой области играет медицина, в частности, с 2009 г. Федеральное государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр лечебной физкультуры и спортивной медицины Федерального медико-биологического агентства» (г. Москва) осуществляет медико-биологическое и медико-санитарное обеспечение сборных команд РФ, включая проведение предварительных, периодических и углубленных медицинских обследований

спортсменов [1]. В ином направлении, но также связанным со сферой физической культуры и спорта, осуществляет деятельность Центр молекулярной биологии и биомедицины Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, работа которого направлена на получение фундаментальных знаний о молекулярных механизмах биологических процессов и разработку на этой основе новых методов и подходов к молекулярной диагностике и биотерапии. Основными направлениями работы является изучение молекулярных механизмов иммунного ответа, механизмов канцерогенеза, особенностей экспрессии генов человека, влияние генетического полиморфизма на работу генома при различных заболеваниях [2]. Разработки НИЦ молекулярной биологии и биомедицины могут быть использованы в реабилитационных мероприятиях, направленных на восстановление, компенсацию нарушенных или утраченных функций организма спортсмена, а также в ходе подготовки к соревновательному процессу. Однако, нельзя недооценивать роль других наук в становлении и развитии спортсменов, одной из которых является социология, разъясняющая, в частности, и принципы процессов социального становления, развития и функционирования личности спортсмена в социуме на индивидуальном и групповом уровнях. Действующий и особенно заканчивающий спортивную карьеру индивид должен иметь представление о социальной действительности, об ее изменчивости, чтобы быть востребованной личностью на протяжении всей своей жизни, в том числе и за пределами спортивной сферы. В этом направлении осуществляет свою деятельность на протяжении последних пяти лет автор статьи – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, совмещающая свою научную деятельность на кафедре с тренерской работой на факультете физической культуры и спорта ННГУ.

Социологические теории, по мнению автора, могут быть применены в исследованиях разной направленности относительно студенческого спорта. Особую значимость они имеют, во-первых, для понимания процесса формирования студенческой команды и специфики ее функционирования; во-вторых, для профилактики и разрешения конфликтных ситуаций. В связи с этим, необходимо поэтапно проанализировать отражение тенденции развития студенческого спорта (на примере женской сборной команды по волейболу ННГУ) в зеркале социологических теорий.

Значимость социологического мышления в формировании социальной структуры студенческой команды и в ее функционировании

Эффективное функционирование формальной группы – спортивной команды – позволяет оценивать деятельность социального института с положительной стороны. Однако, формирование команды, в том числе и спортивной, является достаточно сложным процессом, т.к. составляющие ее элементы (игроки) имеют разную степень интегративности. В связи с этим особую значимость приобретает функциональный анализ Р. Мертон, с помощью которого автор прослеживает специфику построения социальной структуры формальной группы на примере женской команды по волейболу.

Для студенческой команды характерен процесс структурных изменений в связи постоянным обновлением команды, что в первую очередь связано с уходом игроков из формальной группы после окончания учебы; во-вторых, с появлением новых спортсменов в команде в связи с их поступлением в университет. Стоит заметить, что в основе процесса структурных изменений спортивного коллектива лежит большая профориентационная работа с молодыми людьми, заканчивающими российские спортивные школы олимпийского резерва, направленная на привлечение профессиональных спортсменов в университет: ежегодные соревнования абитуриентов, за успешное выступление на которых начисляются дополнительные баллы при поступлении; организация соревнований памяти известных, легендарных спортсменов (в 2018 г. прошли первые соревнования по волейболу памяти заслуженного тренера РСФСР И.С. Бабушкина, на которых женская сборная ННГУ заняла второе место, уступив воспитанникам ДЮСШОР № 4), способствующих позитивной направленности вторичной социализации подрастающего поколения и повышению статуса высшего учебного заведения; участие спортивной команды в соревнованиях различного уровня; выезды игроков в сопровождении представителя ННГУ им. Н.И. Лобачевского в детские школы олимпийского резерва, в ходе которых устанавливается обратная связь с акторами различного статуса.

В связи с высоким уровнем динамики кадров в студенческом спортивном коллективе необходимо постоянно отслеживать функциональные особенности вновь приходящих игроков, что напрямую связано с логикой функционального анализа Р. Мертон, в основе которого лежат следующие постулаты:

Первый постулат: *точно так же, как один и тот же элемент может иметь многочисленные функции, так одну и ту же функцию могут разнообразно выполнять альтернативные элементы* [3, с. 123].

Сложность осознания данного постулата членами волейбольной команды состоит в том, что в ходе становления волейболиста детские наставники-тренеры жестко определяют его место (амплуа) в составе, наделяя его определенными функциями. В итоге, вновь приходящие игроки, как правило, сталкиваются с адаптационными проблемами, в основе которых лежит функциональная ограниченность. Соответственно, успешность адаптации нового игрока в волейбольной команде ННГУ им. Н.И. Лобачевского непосредственно зависит от умения выполнять многочисленные функции в коллективе, наличия у него профессиональных качеств, которые позволят ему успешно выступать на разных позициях, не всегда соответствующих его прежним ролям. В качестве примера можно привести игроков, которые были вынуждены рекрутироваться в несоответствующие им амплуа (нападающий-связующий, либеро-диагональный) для обеспечения выживаемости данной социальной группы, что говорит об их высоком уровне мастерства. Необходимо остановиться и на второй части постулата, которая гласит, что представители команды должны уметь выполнять одну и ту же функцию. Актуализация вышеуказанного вывода связана с проблемой взаимозаменяемости членов команды по причине высокого уровня травматизма игроков, а также возможных конфликтных ситуаций в женском спортивном коллективе.

Второй постулат: *«конкретное и детальное» объяснение механизмов, которые действуют с целью выполнения обозначенной функции* [3, с. 147].

Второй постулат напрямую связан с ежегодным формированием команды, базирующемся на разработанном автором механизме принятия новых игроков разного уровня в студенческую команду как структурных элементов социальной общности (рис. 1).

Процентное соотношение игроков разного уровня необходимо для обеспечения относительного соответствия профессионального уровня волейбольной команды высокому профессиональному уровню сборных команд по другим видам спорта, входящим в структуру факультета физической культуры ННГУ, а также для того, чтобы не допустить деградацию членов команды высокой компетентности в самой сборной по волейболу. Каждый год приходят студенты, желающие попасть в сборную ННГУ по волейболу, утверждающие, что могут достичь высокого уровня, если им предоставят возможность обучения данному виду спорта. Однако они не осознают всю

опасность своего положения в данной системе (высокий уровень травматизма) и того, что сборная комплектуется преимущественно из игроков, закончивших школы олимпийского резерва по волейболу, имеющих продолжительный соревновательный опыт и звание кандидата в мастера спорта. Студенты более низкого спортивного уровня могут попасть в команду в ситуации нехватки игроков высокой компетентности для тренировочного и соревновательного процессов только, в том случае, если их количество не будет превышать 30%. Увеличение числа игроков с невысоким уровнем квалификации в составе может спровоцировать процесс деградации профессиональных игроков. Соотношение 70:30 позволяет, во-первых, сохранить высокий уровень мастерства компетентным членам команды; во-вторых, повысить уровень квалификации менее опытных игроков в ходе их социализации в профессиональной команде, возможности приобретать умения и навыки необходимого уровня.

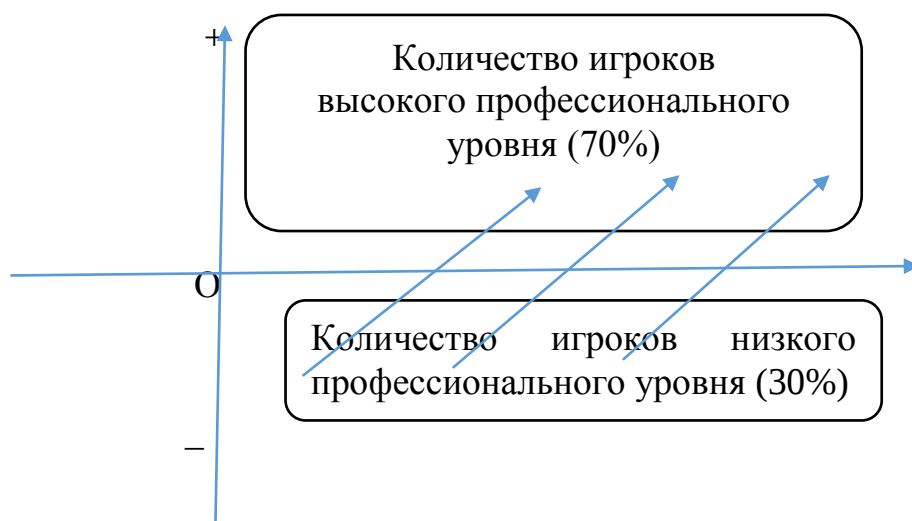

Рис. 1. Соотношение игроков разного профессионального уровня для успешного функционирования студенческой команды

Третий постулат: «... надо признать, что элементы культуры имеют разнообразные значения, некоторые из них функциональны, а другие, возможно, дисфункциональны» [3, с. 126].

Тренерская работа связана с обеспечением функционирования студенческой команды, что предполагает выявление в ее составе дисфункциональных элементов, которыми могут быть игроки любого профессионального уровня. Проблема, связанная с отслеживанием дисфункций в социальном организме, является одной из самых сложных. Невнимательность тренера к выявлению дисфункциональных игроков ведет к нарушению

равновесия спортивного коллектива, что в итоге может привести к распаду сборной по волейболу. Руководителю команды нужно помнить о двух аспектах превращения функциональных элементов системы (игроков) в дисфункциональные: во-первых, каждый член команды испытывает потребность в самовыражении и профессиональном росте, которые никогда не могут быть удовлетворены полностью; во-вторых, для групповых видов спорта характерен высокий уровень конкуренции в борьбе за место в основном составе. Ежегодное обновление команды ломает и так хрупкую систему взаимодействий между членами команды, а конкурентная борьба за приоритетное место в составе может просто ее уничтожить. Наиболее опасная ситуация складывается, если в команду приходит спортсмен высокого профессионального уровня с лидерскими качествами, но с низкими морально-этическими принципами. Как правило, такой спортсмен делает попытки поломать существующую структуру силовыми методами и психологическим давлением на других акторов взаимодействия, в том числе и на тренера. Последствия этой ситуации могут быть следующие: во-первых, унижение менее компетентных игроков, их отстранение от тренировочного и спортивного процессов, что недопустимо в связи необходимостью иметь определенный количественный состав команды; во-вторых, регресс морально-психологического состояния сборной, что в итоге приводит к снижению ее результативности на соревнованиях, несмотря на наличие «звезд»; в-третьих, расшатывание профессионально-должностного статуса тренера, который, по сути, является лидером, способным разработать и внедрить меры по наращиванию социальной сплоченности малой группы. В итоге это может привести к аномическому состоянию спортивной команды, когда старые ценностные ориентиры разрушаются, а новые еще не выработаны. В этом случае тренерскому составу следует помнить следующее утверждение Р. Мертонa: «...любая попытка ликвидировать существующую социальную структуру, не обеспечив адекватную альтернативную структуру для выполнения функций, ранее осуществляемые организацией, обречена на провал» [3, с. 183].

В связи с вышеуказанными проблемами, обеспечение адекватного функционирования членов команды возможно только в том случае, если тренерский состав сможет отсекал элементы с ценностными ориентациями неколлективного характера. Как утверждал Т. Парсонс, именно консенсус членов общества по поводу ценностной ориентации означает институционализацию ценностного образца [4].

Таким образом, эффективное функционирование команды возможно, если:

- ценности и интересы большинства членов команды будут однородны и иметь коллективную направленность развития;
- спортивная структура выполняет позитивные функции, связанные с доброжелательным, уважительным отношением ко всем членам команды, несмотря на их разный профессиональный уровень;
- в случае обнаружения дисфункционального элемента внутри коллектива необходимо немедленно его изолировать либо на определенный срок (испытательный срок), либо навсегда.

Особое значение имеет изучение мотивации членов команды, т.к. именно она лежит в основе функционирования малой социальной группы. По мнению Р. Мертона, функциональный анализ любой системы предполагает выявление целей и мотивов входящих в нее структурных элементов, т.е. для того, чтобы оценить специфику функционирования такой системы как студенческая сборная команда по волейболу, необходимо уделить внимание мотивирующему аспекту жизнедеятельности спортивного коллектива. Что же побуждает членов команды совершать такие социальные действия, а именно приходить/приезжать, порой из далека, на тренировки, принимать участие в соревнованиях? В ходе полустандартизированного интервью (N=12) членов сборной команды ННГУ по волейболу была выявлена основная направленность смысла их спортивной деятельности в стенах университета. Обратим внимание на специфику мотивации членов команды относительно их участия в спортивной жизни вуза, которая связана как с внешними обстоятельствами содержания спортивной деятельности (экстринсивная мотивация), так и с внутренними (интринсивная мотивация) [5].

В целом в команде преобладает устойчивая интринсивная мотивация, которая в большей степени связана с двумя аспектами. Во-первых, с хорошей, устойчивой психологической атмосферой в команде, в результате чего члены команды ассоциируют тренировочный/соревновательный процесс с возможностью эмоциональной зарядки либо разрядки: *«... ты с командой – целостный организм, при этом у каждого члена сборной свои жизненные проблемы и обстоятельства, от которых можно избавиться, играя в волейбол. Я очень рада, что нахожусь рядом с лучшими волейболистками, представляющими ННГУ, которые всегда поддержат и помогут»* (игрок, 3-ий курс); *«От игры в волейбол я получаю множество положительных эмоций. Волейбол помогает погрузиться в спортивную атмосферу, тем самым отвлечься от повседневной жизни»* (игрок, 4-ый курс); *«Игра в команде дает*

мне заряд положительной энергии» (игрок, 4-ый курс); «В такой коллектив хочется возвращаться вновь и вновь» (игрок, 2-ой курс); «Я испытываю незабываемые эмоции вместе с командой» (игрок, 1-ый курс). Во-вторых, что особо заботит девушек-волейболисток и является побудительной силой – это желание быть в хорошей физической форме: «Волейбол помогает мне поддерживать хорошую физическую форму» (игрок, 1-ый курс); «Лично для меня немаловажно подтянутая и красивая фигура, которую можно приобрести и поддерживать благодаря волейболу (игрок, 2-ой курс); «Еще одной из мотиваций для меня является поддержание хорошей физической формы» (игрок, 4-ый курс).

Второе место в мотивационном ряду делят два ответа, один из которых связан с любовью к такому игровому виду спорта, как волейбол: *«Я занимаюсь волейболом уже 12 лет, с детства привили любовь к этому виду спорта» (игрок, 4-ый курс); «Испытываю безграничную любовь к этому виду спорта, которому я готова посвящать все свое свободное время» (игрок, 3-ий курс); «Волейбол – это неотъемлемая часть моей жизни» (игрок, 4-ый курс); «За 13 лет тренировок и многочисленных соревнований волейбол стал моей жизнью. Ни разу не пожалела, что выбрала это вид спорта» (игрок, 3-ий курс).*

Такая внутренняя мотивация, как возможность приобретения профессиональных знаний, умений и навыков, в том числе и связанных со стрессоустойчивостью, в ходе осуществления спортивной жизни в ННГУ также является важным мотивационным аспектом спортивной деятельности игроков волейбольной команды. Однако особую значимость данный мотив приобретает у игроков, которые в большинстве своем не входят в лидирующий состав команды, что подчеркивает их готовность к самосовершенствованию, а в дальнейшем позволит утвердиться в составе команды: *«Я готова самосовершенствоваться, хочу проверить на что способна (игрок, 1-ый курс); «Здесь можно научиться чему-то новому, что ты еще не умеешь (игрок, 3-ий курс); «Поражение на соревнованиях дополнительно мотивирует тебя становиться лучше» (игрок, 3-ий курс). Члены сборной команды рассчитывают на опыт компетентных игроков, имеющих, как правило, более высокий спортивный разряд, а также на профессиональную компетентность тренерского состава и его психологическую поддержку: «Важно найти подход к каждому члену команды, особенно, если он является представителем не основного состава» (игрок, 3-ий курс); «Особо меня мотивирует уважение членов команды и тренера» (игрок, 4-ый курс); «Добрые и наставнические комментарии тренера, направленные на повышение уровня моей*

компетентности, вот что, действительно, заставляет и воодушевляет работать лучше» (игрок, 2-ой курс).

Третье место в мотивационной вариации занимают ответы, ассоциирующиеся с экстринсивной мотивацией. Для 1/3 членов команды очень важна результативность их игры как представителей ННГУ им. Н.И. Лобачевского, которая позволит им участвовать в соревнованиях более высокого уровня и выезжать за пределы своего города и страны: *«Главная мотивация – это победа! Благодаря ей мы будем выезжать в другие города»* (игрок, 1-ый курс); *«Я хочу достичь новых результатов»* (игрок, 1-ый курс); *«Эффективность труда еще в большей степени повышается, когда видны результаты, которые подкрепляются вознаграждением»* (игрок, 1-ый курс магистратуры); *«Важен результат, который даст возможность выезжать в другие города/страны»* (игрок, 4-ый курс).

Члены сборной команды Нижегородского университета отметили и иные варианты мотивации, которые связаны с возможностью расширения коммуникативного поля, например, *«Быть членом команды – это значит быть в центре спортивной жизни университета. Большой плюс – это новые знакомства»* (игрок, 4-ый курс); *«Возможность обзавестись новыми знакомыми и друзьями»* (игрок, 1-ый курс).

Анализ мотивационной структуры функционирования женской сборной команды по волейболу явно показывает преобладание положительной коллективной направленности мотивов, которые цементируют фундамент малой группы, несмотря на высокий уровень текучести спортивных кадров.

Значимость социологического мышления в разрешении конфликтных ситуаций в студенческой команде

Конфликт играет очень важную роль в понимании социальных отношений в спортивном коллективе. В социологической интерпретации конфликт рассматривается как социальный процесс, несущий в себе негативные и позитивные последствия (рис. 2).

Работая со студенческой командой, наиболее часто сталкиваешься с негативной интерпретацией социального конфликта в восприятии молодежи. С таким восприятием сложно не согласиться, т.к. рабочее определение конфликта, по Л. Козеру, это «борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников» [7, с. 32]. Именно борьба за высокий статус в спортивном коллективе, желание одержать победу над соперником, который порой ведет себя не в соответствии с правилами спортивного поведения,

подталкивает молодых людей к выбору негативной доминанты в процессе конфликтных взаимодействий. Нельзя отрицать, что социальный конфликт обладает уничтожающей силой, разрушая спортивную групповую структуру. Учитывая, что социальный конфликт – это повседневная реальность, с которой часто приходится сталкиваться в спортивной жизни, тренеру приходится прилагать усилия, чтобы перестроить восприятие конфликтных ситуаций членами команды в позитивную направленность, т.к. именно он может способствовать интеграции и консолидации членов команды.

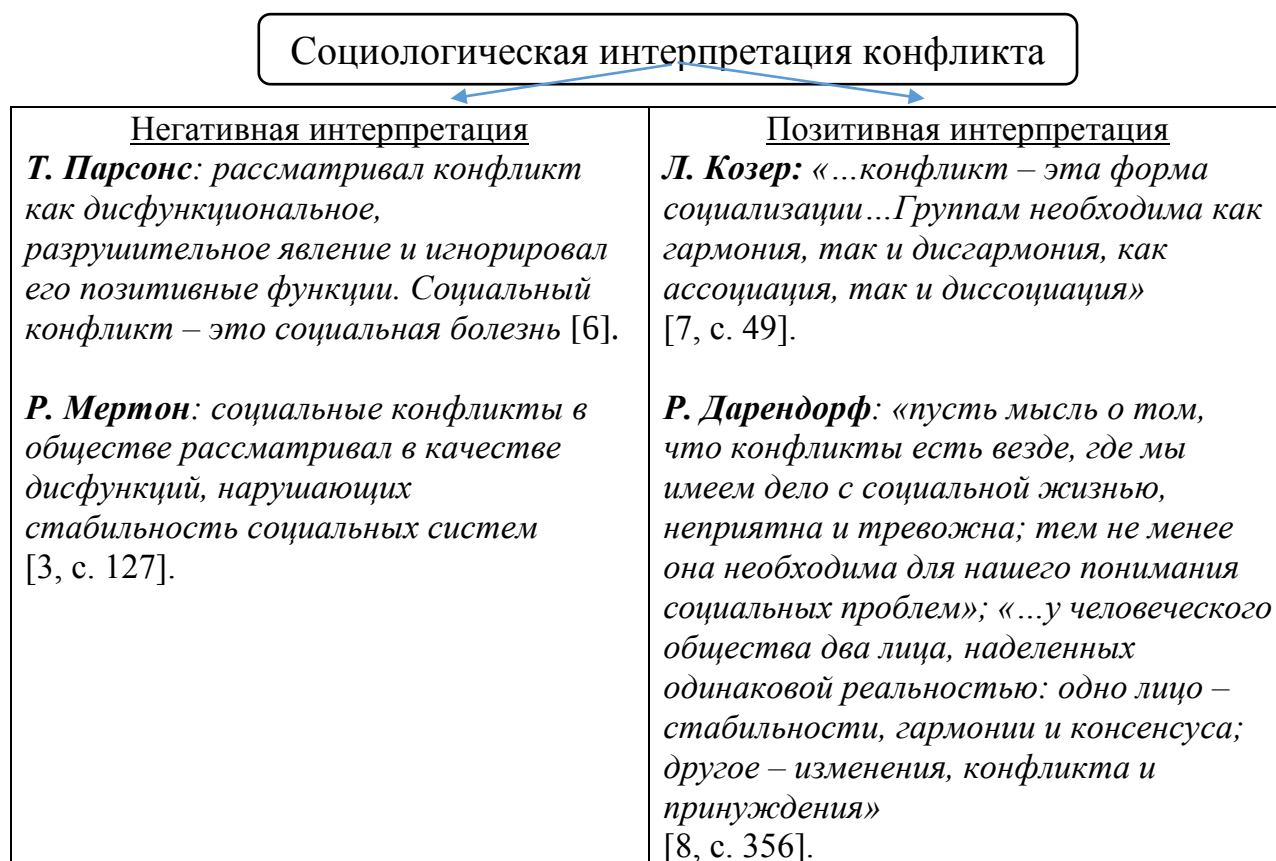

Рис. 2. Социологическая интерпретация конфликта

Самыми распространенными конфликтами в групповых видах спорта (в том числе и в волейболе) являются межгрупповые конфликты. «Внешний враг» – команда соперников может содействовать не только сохранению структуры команды, но и усилению ее сплоченности. Если внутри спортивной команды низкий уровень сплоченности, «дедовщина» и другие неконструктивные отношения, необходимо создать в группе ощущения внешней угрозы, даже порой выдумать внешнего врага, чтобы помочь осознать членам команды зависимость друг от друга и сомкнуть свои ряды. Как правило, в этом случае резко возрастает уровень социальной солидарности команды.

Конфликт с другими спортивными группами может способствовать усилению самоидентификации со студенческой сборной командой, что в итоге способствует сохранению ее границ. Тренерскому составу следует обращать особое внимание на образ «внешнего врага» и использовать его в случае прихода новых членов для быстрой их интеграции в команду. Так социальный конфликт может способствовать внутригрупповой адаптации.

Как показывает включенное наблюдение, конфликт может способствовать также и формированию коалиций прежде не взаимодействующих сторон, т.е. объединить разобщенные до этого группы. В 2018 г. женская сборная ННГУ по волейболу в ходе студенческой Универсиады столкнулась с нарушениями официальных правил соревнований по волейболу, что привело к дискредитации студенческого спорта и уровня образования одного из вузов Нижнего Новгорода. В результате этого конфликта произошла консолидация социальных связей представителей различных вузов, позволяющая в настоящее время более жестко контролировать организацию спортивных мероприятий различного уровня.

Исследовательский интерес в большей степени все же направлен на изучение конфликтных ситуаций внутри самой сборной ННГУ по волейболу. По мнению автора, власть в команде принадлежит не личностям, а позициям. Следовательно, конфликты в спортивной команде имеют «структурное происхождение», которое следует искать в распределении социальных ролей, наделенных ожиданиями доминирования и подчинения [9]. Членам команды необходимо знать, что власть принадлежит не людям, а позициям. В случае, если человек не справляется с выполнением своих ролевых обязанностей, перестает соответствовать отведенной ему позиции в социальной системе, на его место может претендовать другой член команды, что мотивирует спортсменов еще в большей степени совершенствовать свое мастерство. Вполне естественно, что игроки, имеющие доминирующие позиции, стремятся сохранить свое положение. Однако они не должны забывать о тех, кто является в данный момент времени аутсайдером, т.к. именно они в большей степени готовы к изменениям в социальной системе. Самое главное, что должны осознавать все члены команды в этом случае, что группы наверху (основной состав команды) и внизу (запасные) определяются интересами и потребностями общего характера.

Любой наставник – руководитель спортивной команды ставит перед собой вопрос относительно необходимости подавления социальных конфликтов. Согласимся с точкой зрения Р. Дарендорфа, который считал подавление конфликта аморальным и неэффективным способом: «В той мере, в какой

социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, ведущая к взрыву предельно насильственных конфликтов» [10, с. 145]. Тем не менее, оставлять конфликт, связанный с жизнедеятельностью спортивной команды без внимания мы не имеем права. Мы обязаны, т.к. имеем профессионально-должностной статус тренера/спортивного менеджера, заниматься регулированием конфликтов разного уровня.

Следует напомнить, что для любой спортивной команды характерна такая насильственная форма столкновений, как конкуренция разной степени интенсивности. В случае усиления интенсивности конкуренции и в перспективе возможного перехода к более жестким насильственным формам (забастовка – умышленное отсутствие членов команды на тренировках, угрозы, ультиматум и др.) наставник команды может воспользоваться теоретическими разработками Р. Дарендорфа и П. Сорокина, связанными с теориями мобильности. В случае ярко выраженной вертикальной мобильности в сборной команде необходимо усилить горизонтальное перемещение игроков, чтобы снизить уровень конфликтности между членами команды разного уровня профессионализма. Например, в ходе тренировочного процесса проводить товарищеские матчи, в которых участвуют две команды, каждая из которых 50/50 состоит из игроков основного состава и запасных. В этом случае мы сможем получить три эффекта от такого соревновательного процесса: во-первых, игроки-лидеры перестают себя отождествлять только с единоличными представителями высшей страты, и возрастает их ответственность за менее профессиональных игроков команды (в ходе включенного наблюдения было зафиксировано, что более статусные игроки оказывают психологическую поддержку бывшим аутсайдерам); во-вторых, практически разрушаются автономные области прежнего состава, т.к. происходит смешение спортсменов разного профессионального уровня; в-третьих, возрастает консолидация социальных отношений в спортивном сообществе. Это все, как правило, снижает уровень социального неравенства в командных видах спорта за счет временного отказа от социального взаимодействия по траектории вертикальной мобильности. Однако, нельзя заблуждаться, т.к. социальное неравенство пронизывает всю спортивную сферу, особенно спорт высших достижений. «Неравенство – это жизненная среда свободы, пока оно остается неравенством обеспечения и не касается прав» [8, с. 372]. В данном случае самым главным для игроков любого профессионального уровня является наличие у них прав, обеспечивающих равный доступ к высшим позициям – месту в основном составе команды.

Значимость социологического мышления в формировании и развитии студенческого спорта очень велика, т.к. оно позволяет студентам, входящим в

женскую сборную Нижегородского университета по волейболу, познавать социальную реальность сферы физической культуры и спорта через призму социологических теорий, оперируя такими категориями, как социальное равенство/неравенство, консолидация, конкуренция, конфликт, функции/дисфункции, которые помогают им по-новому взглянуть на процесс взаимодействия внутри собственного коллектива. Наличие у игроков женской сборной команды высокого профессионального спортивного уровня, а также социологического мышления, которое у них формируется в ходе лекционных и семинарских занятий по дисциплинам «Социология», «Социология физической культуры и спорта», «Социологические исследования в менеджменте физической культуры и спорта», а также в процессе теоретической и методической подготовки спортсменов, может являться залогом многократных побед на протяжении многих лет.

Литература

1. Спортивная медицина на службе спорта высших достижений. URL: <http://ktovmedicine.ru/2013/5/sportivnaya-medicina-na-sluzhbe-sporta-vysshih-dostizheniy.html>.
2. Центр молекулярной биологии и биомедицины. URL: <http://www.unn.ru/site/about/rukovodstvo-i-struktura-universiteta/nauchnye-laboratorii-i-tsentry/tsentr-molekulyarnoj-biologii-i-biomeditsiny>.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 880 с.
4. Системы действия и социальные системы. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/parsons_modern_soc_systems.html.
5. Хекхаузен Х. Экстринсивная и интринсивная мотивации. URL: <https://www.psychology.ru/library/00020.shtml>.
6. Тагибова А.А. Конфликты в системе корпоративных отношений // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 10. URL: <http://dom-hors.ru/vipusk-10-2016-obshchestvo-sociologiya-psihologiya-pedagogika/>.
7. Козер Л. Функции социального конфликта // Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
8. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии // Пер. с нем. Б.М. Скуратов, В.Л. Лизнекова. М.: Прогресс, 2002. 536 с.
9. Социология – социологическая теория. URL: http://lib.sale/sotsiologicheskaya-teoriya_1350/vlast-82917.html.
10. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологическое исследование. 1994. № 5 с. 142–147.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Молодежь определяется как общество в целом на определенном этапе развития общества, когда возникает кризис в его воспроизводстве. Такое решение проблемы было предложено в социологической литературе [1; 2; 3] еще в 60-70-е гг. В частности, в 70-е гг. был сделан вывод, что «в целом молодежное движение отражает общее обострение социальных противоречий в условиях госмонополитического капитализма» [3, с. 265]. То есть молодежи как особой группы не существует. Подобный вывод, но с несколько иной интенцией делается и сейчас: «молодежи, как особой "нации" или группы, отличной от других поколений, вовсе не существует» [4, с. 155]. Этот современный вывод, сделанный одним из влиятельных российских социологов, как-то не получил поддержки и развития. Молодежь рассматривается как социальная группа в социальной структуре общества в целом [5], с выделением определенных характеристик, которые зависят от палитры красок, которые авторы находят в психологии, в культурологии и других гуманитарных науках. Поэтому образ молодежи как отдельной социальной группы получается разный.

И все же молодежь – это не социальная группа со своей субкультурой, как это доказываются последователями Т. Парсонса. Молодежь является не социальной группой, а обществом в целом, но в своем становящемся состоянии, в состоянии, когда общество воспроизводит самого себя из народившегося нового поколения. Однако в социологии стабильно держится стереотип, что молодежь – это социальная группа со своей культурой, но постоянно при этом подчеркивается, что от этой социальной группы зависит будущее общества. Как известно, такое положение, с марксистской точки зрения, занимают классы. В буржуазном обществе – класс буржуазии, которая в своей идеологии выражает интересы общества в целом и обеспечивает ему будущее. Чтобы будущее стало иным, должен возникнуть другой класс, который и возник – пролетариат. Именно он станет могильщиком буржуазии, а в процессе создания нового общества ликвидирует и себя как класс, так как возникнет общество без классов. В 60-е гг. в работах евромарксистов, представителей Франкфуртской школы возникла идея, что такую миссию способна выполнить молодежь, в первую очередь, студенческая, а не рабочий класс. В США и в Европе прошли студенческие волнения, в которых молодежь действительно выступила достаточно энергично, но в своей борьбе она так и не сформулировала задач, которые ставят перед собой классы. Почему? Да потому что молодежь – это не только не класс, но по своему экономическому и социокультурному

положению даже не социальная группа. Хотя в обыденном сознании и в своем поведении она ведет себя как социальная группа. Однако социальной группой ее делает буржуазия, создавая для нее специальную культуру (массовую культуру, доступные учебные заведения, свободные формы проведения досуга с различными средствами получения удовольствия и т.д.). То есть конструирует из нее такую социальную группу, которая имеет искусственный, имитационный характер для того, чтобы держать свое будущее под контролем, мягким или жестким, в зависимости от ситуации. В советском обществе молодежь контролировалась жестко, в западных странах – мягко, где можно, а где молодежное движение выходило из берегов, то действовал закон против экстремизма.

На самом деле социальными группами являются различные части молодежи, но по тем же критериям, что и взрослое население, но с определенными особенностями, так как это еще *становящиеся* социальные группы, которые волеются в господствующие социальные группы общества. А пока они находятся в стадии неопределенности, брожения, выбора социального статуса, который они хотели бы занимать.

В такой ситуации выбора можно влиять на процесс социализации молодых людей, используя для этого различные средства, которые в социологии П. Сорокина получили название лифтов, поскольку они могут поднять статус или опустить его: образование, армия, спорт, брак и др. Но такое объяснение содержания социализации молодежи поверхностно, так как не раскрывает причин изменений, которые происходят в качествах и структуре личности, приобретающей социальный статус.

Поэтому не случайно много лет идут жаркие споры о характере молодежи как социальной группы. Вопрос этот не простой и его не решить в рамках классической социологии, корнями уходящей в позитивистскую традицию. Тут нужен не только исторический, но и диалектический подход, хотя историзм есть аспект диалектики. Но все же суть диалектики не в историзме, а в возможности соединять противоположности.

Дело в том, что молодежь есть, одновременно, и социальная группа и не социальная группа. Из нового поколения общества молодежь превратилась в социальную группу на определенной стадии развития общества, когда возникло кризисное состояние в его позитивном развитии. Капитализм утратил способность поглощать своим производством нарождающееся поколение, так как под давлением демократических сил был запрещен детский труд, что произошло в Западной Европе в XIX веке. Затем капитализм сделал ставку на развитие науки, для чего потребовалось развитие высшего образования, а

вместе с ним и увеличение массы студентов, в том числе социально-гуманитарного профиля. Потребовалась также подготовка высокопрофессиональных рабочих в специальных учебных заведениях.

Таким образом, молодежь стала объектом производства и объектом специальной, молодежной политики, в которой главная задача заключалась в том, чтобы молодежь не вышла из-под контроля, воображая, что она представляет собой особую общественно-политическую силу. Для этого в советское время изобретались грандиозные проекты для того, чтобы занять молодежь (целина, мощные ГЭС, БАМ, поворот северных рек на юг и др.). Важная роль в системе этого контроля отводилась армии: военным учениям, военным конфликтам и войнам. Весь XX век происходила демонстрация эффективности этих средств. Используются они и сейчас, поэтому концепт молодежи в чем-то остается неизменным.

Кому-то показалось, что ситуация стала меняться с глобализацией и с возникновением сетевых сообществ. Поэтому социальная энергия молодежи стала концентрироваться в области миграции и в виртуальном социальном пространстве. Но сетевые сообщества есть лишь отражение реальных сообществ, их отрицание или дополнение. Что касается миграционных процессов, то движение молодежи в этом направлении тоже обусловлено внутренними процессами, заставляющими молодых энергичных людей уезжать из страны. Складывается впечатление, что уезжают только молодые, так как они обладают жизненным потенциалом для репатриации в другой стране. В этих условиях возникает острейший вопрос: какую историческую миссию в этих условиях выполняет наша молодежь, если она находится в миграционном настрое: внешнем или внутреннем?

В 2018 г. отмечалось столетие комсомола. В комсомоле было около 40 млн. человек, то есть большая и активная часть молодых людей были комсомольцами. Поэтому можно говорить о молодежи в целом. И современная социальная элита, особенно 90-х гг., вышла во многом из комсомола. Так что комсомол был разным в различные годы. Есть комсомол 60-х, когда было мощное устремление в науку, в поэзию, в новостройки века. Но есть комсомол 70-х, когда в движении стройотрядов он увлекся строительной коммерцией. А есть еще комсомольцы 80-х гг., когда в комсомоле происходили такие процессы, которые вызрели в инициацию реформ 1989-1993 гг.

Так что молодежь всегда ярко выражает тот дух времени, в котором она живет. Сейчас складывается другая молодежь в духе современной эпохи, которая является отрицанием предшествующей. Но история не стоит на месте, и никто не знает, что будет в 2101 г., когда сложится ее новый виток.

И сложится он во многом благодаря новой молодежи, которая сейчас еще в состоянии различной закваски и брожения, в том числе и в сетевых сообществах. Что будет, еще не известно. Вероятно, будут еще новые прорывы в сфере коммуникации и новые общественные угрозы, в которых будут использоваться молодые люди. Но, в конечном счете, что-то сложится позитивное, так как не может же вся молодежь перекраситься в моральных стариков, как это подчас происходит, и тогда общество лишается будущего.

Литература

1. Кон И.С. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений» // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 3.
2. Салычева Л. Студенческое движение: 1960-1970 // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 3.
3. Давыдов Ю.Н. Эстетика нигилизма (искусство и «новые левые»). М.: Искусство, 1975.
4. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т.4. № 2. С. 151–182.
5. Гусев Н.Н., Огнева М.В. Проблемы включения молодых людей в систему социальной стратификации российского общества // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 1. С. 65–69.

ОБ АВТОРАХ

Бедный Борис Ильич – доктор физико-математических наук, профессор, директор Института аспирантуры и докторантуры ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: bib@unn.ru

Буреева Наталья Николаевна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры университетского менеджмента и инноваций в образовании Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: bureeva@unn.ru

Воронин Геннадий Леонидович – доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального Научно-исследовательского центра Российской академии наук, e-mail: voroninglmail@mail.ru

Голубин Роман Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: golubin@unn.ru

Егорова Надежда Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: nadegorova@yandex.ru

Ермилова Анна Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: ermilova.75@bk.ru

Зернов Дмитрий Васильевич – кандидат политических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: zerdv@mail.ru

Козлова Мария Сергеевна – кандидат химических наук, доцент кафедры физической химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: kozlova@chem.unn.ru

Козырьков Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: kozir3@yandex.ru

Коротышев Александр Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: aleks_korotyshev@mail.ru

Лакомова Анастасия Александровна – аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: nastyalakomova@mail.ru

Муханова Елена Дмитриевна – выпускница бакалавриата по направлению подготовки «Социология» факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: muhanova.el@yandex.ru

Петрова Ирина Эдуардовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: irinapetrovay@yandex.ru

Петрова Татьяна Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, советник Департамента культуры Правительства Российской Федерации, e-mail: peta-63@mail.ru

Придатченко Мария Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: primariya80@gmail.com

Пятибратов Всеволод Евгеньевич – магистрант направления подготовки «Социология» факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: sevanius97@gmail.com

Рыбаков Николай Валерьевич – аспирант кафедры университетского менеджмента и инноваций в образовании Института экономики и предпринимательства, заместитель начальника отдела аспирантуры и докторантуры Института аспирантуры и докторантуры ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: rybakov-nv@phd.unn.ru

Ситникова Ирина Викторовна – преподаватель, аспирантка кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: april@fsn.unn.ru

Соболева Анна Владиславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: ana1508@yandex.ru

Сова Ирина Вячеславовна – выпускница бакалавриата по направлению подготовки «Социология» факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: sova.fsn@yandex.ru

Сорокин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: aleks_sorokin@mail.ru

Тихонова Елена Леонидовна – кандидат химических наук, доцент кафедры неорганической химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: tihonova1410@yandex.ru

Ушакова Яна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: yana@fsn.unn.ru

Шалютинa Надежда Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: shalyut@mail.ru

Янак Алина Леонидовна – кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, e-mail: alinayanak91@yandex.ru

Монография

**Бедный Борис Ильич, Воронин Геннадий Леонидович,
Козырьков Владимир Павлович и др.**

**МОЛОДЕЖЬ:
АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

Редколлегия:

**Петрова Татьяна Эдуардовна, Ушакова Яна Владимировна,
Петрова Ирина Эдуардовна, Ситникова Ирина Викторовна**

Подписано в печать 25.06.2020
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 14,5
Тираж 500 экз.

Издательство НИСОЦ
г. Н. Новгород, Казанское ш., д.10/1, к.6

Отпечатано в типографии
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д.37